

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ III

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. Ш. Мещерского. Спасская ул., № 27

1900

Печатано по распоряжению Совета Императорского Русского Географического Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ.

Желавіе уяснить себѣ смыслъ и происхожденіе народныхъ миѳовъ, вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ привело ученыхъ нашего времени къ необходимости сравнительного метода въ этнографії, а сравнивая между собою записи этнографического материала, добытаго отъ разныхъ народовъ земного шара, они неожиданно для себя натолкнулись на поразительное сходство всѣхъ сторонъ народной жизни не только у племенъ близкихъ между собою по языку, но и у такихъ, между которыми до тѣхъ поръ ничего общаго не предполагалось.

Оказалось, что многіе миѳы, вѣрованія, обряды и обычаи, которые прежде считались неотъемлемой принадлежностью какой-либо одной этнографической группы, имѣются въ такомъ же видѣ и у другихъ. Появился цѣлый рядъ такъ называемыхъ международныхъ миѳовъ, международныхъ вѣрованій, международныхъ обычаевъ и т. д., число которыхъ чуть не съ каждымъ днемъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ этнографическія изслѣдованія становятся глубже и область ихъ вѣдѣнія расширяется. Дошло наконецъ до того, что въ настоящее время трудно указать какое-либо вѣрованіе, какой-нибудь обрядъ, которые принадлежали бы исключительно одной этнографической группѣ и вѣдѣ ея нигдѣ болѣе не встречались.

Замѣчательно, что международная общность не ограничивается какой-либо одной стороной народной жизни, но охватываетъ положительно всѣ ея стороны, начиная съ религіозныхъ вѣрованій и миѳовъ и кончая костюмами и мельчайшими деталями домашняго хозяйства.

Каждому образованному человѣку хорошо известно, напримѣръ, широкое распространеніо по земному шару культа огня, культа камня, культа деревьевъ, культа водяного божества, вѣры въ дурной глазъ, вѣры въ колдовство и проч. Но особенно поучительно въ этомъ отношеніи, приводимое у Тайлора, число народовъ земного шара, между которыми распространены малоизвѣстные и неизвѣстные обычай. Такъ напримѣръ обычай называть отца по имени сына

найденъ у 34 народовъ, обычай, въ силу котораго родственники мужа воз-
дергиваются отъ разговоровъ съ родственниками жены—у 66 народовъ,
обычай левирата—у 120 народовъ и т. д. (1).

Неоспоримый въ настоящее время для европейской науки фактъ суще-
ствованія международныхъ вѣрованій, обычаевъ и проч. не могъ пройти не-
замѣченнымъ въ ученомъ мірѣ, ибо онъ до нѣкоторой степени противорѣчить
установившимся въ цивилизованномъ обществѣ взглядамъ на историческое
прошлое человѣчества, на происхожденіе его цивилизациі, на прогрессивное
развитіе человѣческихъ обществъ и пр. А потому очень естественно, что
усилія этнографовъ нашего времени направлены, во-первыхъ, къ выдѣленію
всѣхъ тѣхъ вѣрованій, обрядовъ, обычаевъ и проч., которые могутъ считаться
международными, а во вторыхъ къ выясненію причины ихъ происхожденія.

Но этнографический матеріалъ разбросанъ въ десяткахъ цивилизованныхъ
городовъ, въ сотняхъ библіотекъ и музеевъ, въ тысячахъ книгъ, изданныхъ
чуть ли не на всѣхъ языкахъ міра, имѣющихъ письменность. Поэтому подъ-
искать весь собранный и изданный на земномъ шарѣ матеріалъ даже по
одному какому нибудь самому ничтожному вопросу немыслимо для одного
человѣка. Вотъ почему вопросы о международныхъ вѣрованіяхъ во всѣхъ
цивилизованныхъ центрахъ Европы принято разрабатывать коллективно. Въ
этнографическихъ журналахъ западной Европы въ настоящее время можно
найти не мало такого рода изслѣдований. Кто-либо изъ этнографовъ даетъ
иніціативу къ разработкѣ того или другого международнаго вѣрованія или
обычая, указывая на его широкую распространенность, и вслѣдъ затѣмъ по-
является цѣлый рядъ работъ по тому же вопросу, подъ однимъ и тѣмъ же
заглавіемъ, принадлежащихъ людямъ различныхъ національностей, незнакомымъ
между собой, живущимъ въ различныхъ городахъ иничѣмъ несвязаннымъ
кромѣ сотрудничества въ одномъ и томъ же журналѣ и общей имъ всѣмъ
любви къ знанію.

Въ нашихъ этнографическихъ журналахъ также попадаются подобнаго
рода коллективныя работы, но онѣ не бросаются въ глаза потому, что
сравнительно рѣдки и не получили еще такой правильной организаціи, какъ
за границей.

Что касается причинъ происхожденія международныхъ вѣрованій, то
онѣ неизвѣстны, и западные ученые расходятся по этому поводу во мнѣніяхъ.
Одни думаютъ, что человѣчество, одаренное отъ природы однообразной тѣлесной
и психической организаціей, проходя по одному и тому же пути развитія,
могло прийти совершенно независимо въ разныхъ мѣстностяхъ къ однимъ и
тѣмъ же вѣрованіямъ и обычаямъ. Другіе, наоборотъ, принимая въ разсчетъ
сложность психической жизни человѣка и безконечное разнообразіе природы

вообще, не допускаютъ мысли, чтобы одно и тоже весьма сложное вѣрованье могло быть воспроизведено въ мельчайшихъ подробностяхъ въ разныхъ концахъ земного шара совершенно независимо. Они допускаютъ передачу и распространеніе вѣрованій отъ народа къ народу и расходятся лишь въ указаніи путей, которыми такая передача могла совершиться. Одни ищутъ посредниковъ по передачѣ вѣрованій въ купцахъ, въ женахъ, похищавшихся изъ среды чуждыхъ племенъ, и иаконецъ въ народностяхъ вродѣ цыганъ, ведущихъ бродачую жизнь. Другіе передачу вѣрованій стараются объяснить передвиженіемъ народовъ и колонизаціей въ доисторическія времена.

Такое разногласіе во мнѣніяхъ вполнѣ естественно, такъ какъ вопросъ, о которомъ идеть рѣчь, еще очень мало изслѣдованъ. Чтобы пріѣти въ этомъ дѣлѣ къ какому-нибудь соглашенію нѣтъ другого средства какъ изучить спорный вопросъ въ его мельчайшихъ деталяхъ.

Вотъ одна изъ необходимости, заставляющихъ этнографовъ собирать международныя вѣрованья, обряды, обычай и пр. и изслѣдовывать ихъ географическое распространеніе по земному шару. Но такихъ необходимости можно было бы насчитать очень много. Достаточно лишь припомнить, что ни одинъ обычай, ни одно вѣрованье нельзя сколько нибудь удовлетворительно понять и объяснить, не прослѣдивши ихъ варіанты на возможно большемъ пространствѣ земного шара. Словомъ этнографической наукѣ предстоитъ решить неизбѣжную и весьма трудную задачу: изучить въ мельчайшихъ подробностяхъ международныя вѣрованья и объяснить ихъ происхожденіе. Не решивши этой задачи, она не въ состояніи была бы продолжать свое движеніе впередъ.

Итъ въ виду все сказанное, и мы, печатая настоящую статью, льстимъ себя надеждой, что она не будетъ лишнею въ ряду другихъ этнографическихъ изслѣдованій послѣднаго времени, несмотря на то, что вопросъ, нами взятый, „Труба въ народныхъ вѣрованьяхъ“, самъ по себѣ весьма мало-важенъ. Мы собирали все, что только могли достать по этому вопросу, но отнюдь не имѣли въ виду его исчерпать. Какъ уже было говорено выше, такое дѣло не подъ силу одному человѣку, какъ бы онъ ни былъ трудолюбивъ и долговѣченъ. Съ насы довольно и того, что вопросъ о трубѣ, незатронутый или почти незатронутый въ этнографической литературѣ, будетъ поднятъ, поставленъ на очередь и нѣсколько разъяснится темнота, его окружающая.

Трубой мы называемъ духовой музикальный инструментъ, состоящій изъ плоскаго внутри цилиндрическаго или конического сосуда съ двумя отверстіями на двухъ концахъ его, однимъ широкимъ (раструбомъ), а другимъ малымъ, не превышающимъ площади рта (мундштучнымъ). Звукъ въ этомъ инструментѣ получается прохожденіемъ воздуха черезъ узкую щель

между двумя сближенными губами, плотно прижатыми къ малому, или мундштучному отверстію инструмента. Отъ инструментовъ изъ рода флейтъ трубы отличается во-первыхъ способомъ выдуванія звука. Въ этихъ послѣднихъ губы музыканта не накрываютъ мундштучнаго отверстія и нота происходитъ отъ разсѣканія струи воздуха объ острый край отверстія. Во вторыхъ трубы не имѣть какъ флейта дырочекъ для измѣненія тона перебираніемъ пальцевъ. Этимъ же послѣднимъ свойствомъ она отличается и отъ инструментовъ изъ рода гобоя и кларнета и сверхъ того отсутствіемъ вибрирующихъ тросточекъ и язычковъ, служащихъ для воспроизведенія звука въ этихъ двухъ послѣднихъ инструментахъ. Кромѣ того труба отличается отъ другихъ духовыхъ инструментовъ своимъ густымъ и сильнымъ звукомъ, слышимымъ съ далекаго разстоянія и тѣмъ еще, что она издастъ очень мало звуковъ, разделенныхъ между собою интервалами, несравненно большими, чѣмъ въ остальныхъ духовыхъ инструментахъ. Это послѣднее свойство трубы до самыхъ новѣйшихъ временъ, когда она была усовершенствована, дѣлало ее непригодной къ воспроизведенію обыкновенныхъ мелодій, и потому труба не была инструментомъ музикальнымъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а преимущественно сигнальнымъ и религіознымъ, обстоятельство особенно увеличивающее интересъ къ этому инструменту съ точки зренія этнографической.

Раковины трубы.

Самой первобытной трубой человѣка былъ, вѣроятно, его собственный кулакъ. Замѣтивши, что кулакъ, приложенный ко рту, усиливаетъ звукъ голоса и нуждаясь въ такомъ усиленіи для сношенія съ себѣ подобными, человѣкъ естественно ищетъ въ окружающей его природѣ трубообразные предметы, способные по своей формѣ съ выгодой замѣнить его кулакъ. Такой предметъ онъ находитъ между крупными морскими раковинами и рогами животныхъ, и, вѣроятно, употребляетъ ихъ первоначально въ формѣ рупора или говорной трубы. Упражненіе съ такимъ рупоромъ и свистъ губами въ его узенькое отверстіе приводятъ человѣка къ открытію трубного звука. Несомнѣнно, что простѣйший и самый первобытный видъ трубы были именно морскія раковины и рога дикихъ или домашнихъ животныхъ, такъ какъ приготовить подобный инструментъ неѣть ничего легче, стоило только отбить тонкій конецъ раковины или отрѣзать тонкій конецъ рога. Очевидно, что раковины были приспособлены въ качествѣ инструментовъ впервые непремѣнно жителями странъ приморскихъ, тропическихъ или подтропическихъ, гдѣ встречаются крупныя раковины, а рога могли быть принаты и жителями странъ сухопутныхъ. То и другое случилось конечно въ очень отдаленныя отъ насъ

домисторических времен, но что было принято раньше, рогъ или раковина, решить пока еще очень трудно. Намъ кажется, что вопросъ этот находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о томъ, гдѣ была колыбель человѣческой цивилизациі.

Изъ собранного нами здѣсь матерьяла видно, что центромъ распространенія по земному шару раковинъ—трубъ, повидимому, нужно считать переднюю Индію.

Въ комментаріяхъ къ Ведамъ или Эзуръ-Ведамъ браминовъ въ числѣ инструментовъ, известныхъ древнимъ индусамъ, называется раковина—труба сонгъ (ç a n k h a), употреблявшаяся въ качествѣ музыкального инструмента браминами (2). Въ болѣе поздніяя времена, въ 1792 году, англійскій историкъ Краффордъ сообщалъ, что въ береговой полосѣ Индостана трубать въ древнюю трубу изъ раковины (3). Инструментъ этотъ существуетъ въ Индіи и до вѣстящаго времени (4). Въ Лондонскомъ India Museum сохранился очень дорогой и рѣдкая коллекція изъ пяти индійскихъ раковинъ—трубъ, принадлежавшихъ, по народному преданію, пяти братьямъ Пандава; каждая изъ нихъ носитъ свое название:

- 1) *Ananda vijaya* (изъ рода *Triton*) съ бурыми и желтыми пятнами и полосками.
- 2) *Paundra* (родъ *Turbo*)—съ радужной жемчugoобразной поверхностью,
- 3) *Devadatta* (родъ—*Turbinella*)—бѣлая съ розовыми жилками, съ вырѣзанными на ней цвѣткомъ и почкой лотоса (см. табл. II, № 22),
- 4) *Sughosha* (родъ—*Rostellaria*)—бурая съ бѣлой внутренней поверхностью.
- 5) *Mupipushraka* (родъ—*Trochus*)—съ радужной жемчugoобразной наружной поверхностью.

Кромѣ этой коллекціи раковинъ—трубъ въ томъ же музѣѣ есть и другія, также индійскія:

6) *Ananta vijaya* (родъ *Turbinella*) бѣлая съ вырѣзаннымъ на ней цвѣткомъ и почкой лотоса.

7) *Gomukha* (родъ *Cassis*) шероховатая съ неровной поверхностью, внутри желто-бурая.

8) *Barataka* (родъ *Pteroceras*) тоже шероховатая съ пятью выдающимися желваками у края.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ раковинъ есть и въ Берлинскомъ музѣѣ, но видомъ своимъ онѣ не всегда сходятся съ англійскими:

- 9) *Sughosha*—маленькая бѣлая (ср. съ № 4),
- 10) *Ananta widschaja*—желтая (ср. съ № 6),

- 11) *Gomukha*—совершенно одинаковая съ № 7,
- 12) *Narataka*—желтая (название сходно съ № 8),
- 13) *Sankha*—небольшая белая.

Въ Парижскомъ музей *Guimet* также выставлена одна совершенно белая раковина—труба изъ Индіи, но безъ всякаго названія.

Мундштуки у всѣхъ этихъ раковинъ металлическіе и приделаны къ отбитому острому концу ихъ. Ось мундштучной трубы совпадаетъ съ осью раковины.

Такія же раковины—трубы распространены во всѣхъ странахъ Азіи, гдѣ господствуетъ буддизмъ.

Въ Берлинскомъ музѣе есть одна белая раковина изъ Бутана въ Гималаахъ и такая же изъ Тибета.

Въ Кенсингтонскомъ музѣе сохраняются белыя раковины изъ Китая. Есть онѣ, по словамъ нашего соотечественника, А. Поздѣева (5) и въ Монголіи въ буддійскихъ кумирняхъ подъ названіемъ дунъ-буръ или дунъ-гаръ (по монгольски *лабай*), а также у бурятъ въ Забайкальи въ ихъ дацанахъ (храмахъ) (6) и у калмыковъ Европейской Россіи въ ихъ хурулахъ (кумирняхъ) (7).

Докторъ Мартенсъ въ своей статьѣ о трубахъ—раковинахъ (8) говоритъ, между прочимъ, о японсквхъ трубахъ; онѣ опредѣляются даже видъ ихъ: *Tritonis sauliae*. Въ Гамбургскомъ музѣе *für Kunst und Gewerbe* выставлена японская раковина—труба подъ названіемъ японісches Нога (табл. II, № 25). Она относится къ 17 или 18 вѣку; длиною эта раковина до $\frac{1}{2}$ аршина, съ трубчатымъ серебрянымъ мундштукомъ, украшеннымъ художественной рѣзьбой. По углубленіямъ раковины, идущимъ по спирали, она перевита серебряной проволочной цѣпичкой. Вся раковина покрыта золотымъ лакомъ, а на широкой ея части врѣзаны въ видѣ инкрустациіи золотыя японскія письмена. Кромѣ того двѣ японскія раковины—трубы, снабженныя мѣдными посеребренными мундштуками, есть и въ Лейпцигскомъ музѣѣ.

Изъ Лаоса (въ Индокитаѣ) белая раковина—труба съ мѣднымъ мундштукомъ сохраняется въ Парижскомъ музей *Guimet* (табл. II, № 24).

Далѣе раковины—трубы распространяются на островахъ Индійскихъ:

Съ мелкихъ острововъ около Явы въ Берлинскомъ музѣе есть три раковины съ такими же мундштуками, какъ и въ Индіи, но у раковинъ—трубъ (*Тагоэри*, *тагури* или *тагукіа*) въ томъ же музѣѣ, принадлежащихъ племенамъ Альфуровъ, Сэрангъ, Горонгъ и туземцамъ острова Буру, мундштука уже не имѣется, а вмѣсто него устроено круглое мундштучное

отверстие сбоку раковины. Туземцы острова Буру называют этот инструмент *huhuit*.

Въ Австралии раковины—трубы есть въ Меланезии и Микронезии, на О-вѣ Новая Гвинея, на О-хѣ Фиджи, Адмиралтейства, Гервей, Таити, Маркизовыхъ и Филиппинскихъ. Мѣстныхъ названий ихъ кромѣ будионгъ (Филиппинск. о-въ) намъ не удалось узнать.

Въ музеяхъ: Британскомъ, Гамбургскомъ, Лейпцигскомъ и Берлинскомъ сохраняется 33 экземпляра Австралийскихъ трубъ—раковинъ, большинство которыхъ, также какъ и у Альфуровъ, имѣетъ мундштучное отверстие сбоку и только у 8-ми (6 изъ Меланезии, 1 съ О-вѣ Адмиралтейства и 1 съ О-вѣ Фиджи) отверстие это въ самомъ тонкомъ концѣ, какъ въ Азии. Диаметръ бокового мундштучного отверстия около 1-го дюйма. Трубящій въ раковину держитъ ее какъ флейту, т. е. растробомъ въ бокъ. Губы свои, не смотря на то, что края мундштучного отверстия довольно остры, трубачъ прижимаетъ прямо къ поверхности раковины за исключеніемъ одного случая (съ О-вѣ Таити), гдѣ въ боковое отверстие раковины вдѣланъ деревянный мундштукъ около 1 вершка длиной. Большинство Австралийскихъ раковинъ не имѣютъ на себѣ никакихъ украшеній за исключеніемъ двухъ, съ Маркизовыхъ острововъ, которыхъ украшены веревками изъ человѣческихъ волосъ.

Въ Америкѣ раковины—трубы существовали у воинственныхъ краснокожихъ племенъ Центральной Америки еще до прихода туда Европейцевъ. Въ Парижскомъ музѣумѣ *Guimet* есть Мексиканская труба—раковина, сдѣланная впрочемъ не изъ настоящей раковины, а изъ глины (*тегге сите*) въ подражаніе виду раковины, причемъ съ тонкаго конца къ ней придѣланъ, какъ у Азіатскихъ трубъ, короткій трубчатый мундштукъ, а растробу художникъ придалъ видъ раскрытой пасти какого-то звѣря (табл. I, № 2). По свидѣтельству миссіонеровъ 18-го столѣтія, труба изъ раковины *Strombus gigas* употреблялась въ старину и у негровъ на сахарныхъ плантaciяхъ Вестъ-индѣскихъ острововъ (9). Въ Южной Америкѣ въ настоящее время уже не находятъ болѣе трубъ—раковинъ, но, по свидѣтельству Георга Мареграфа, въ 1640 г. онѣ еще были извѣстны въ Бразилии (10).

Въ Африкѣ труба—раковина извѣстна только на о-вѣ Мадагаскарѣ (11) на материіѣ же ея вовсе не знаютъ. Одинъ экземпляръ Мадагаскарской раковины съ мундштучнымъ отверстіемъ на боковой поверхности, какъ въ Австралии, мы находимъ въ Парижскомъ музѣе Трокадеро (табл. I, № 29).

Въ Европѣ этотъ инструментъ существовалъ у древнихъ грековъ подъ названіемъ *Leperdas* (*λεπάδας*), о чёмъ упоминается у Гомера и у грамматика Аристофана (12), а у древнихъ римлянъ его называли *Vuccina marina* (13).

И до сихъ поръ еще трубы—раковины сохранились въ разныхъ мѣстностяхъ Европы. Есть онъ у простонародья въ Кампани, у рыбаковъ на островахъ Эльба и Сицилія (14), у пастуховъ Португалии, (15) въ южной Франціи (изъ провинціи Alpes Maritimes есть одна раковина въ музеумѣ Трокадеро въ Парижѣ) и иаконецъ у чешскаго простонародья (16). Чешскія трубы—раковины были выставлены на Пражской этнографической выставкѣ 1895 года. По описанію Фр. Рагека (17) онъ принадлежать къ роду *Fussus Medius*, бѣлыя съ свѣтло-красными пятнами. Мундштукъ у нихъ латунный вродѣ того, какъ у индійскихъ трубъ.

Трубы изъ роговъ животныхъ.

Распространеніе этихъ трубъ по земному шару иѣсколько шире, чѣмъ трубы—раковинъ можетъ быть уже потому, что рога животныхъ материаль болѣе доступный для человѣка, чѣмъ крупный морскія раковины. Определить центръ ихъ распространенія представляется довольно затруднительнымъ, а потому мы начнемъ съ евреевъ, у которыхъ рогъ и по настоящее время считается священнымъ инструментомъ.

У древнихъ евреевъ еще въ книгахъ Моисея упоминаетъ рогъ шофаръ, который, по мнѣнію однихъ, приготовлялся изъ бараньяго или воловьаго рога, сильно изогнутаго, а, по мнѣнію другихъ, изъ мѣди и серебра. Другой сортъ рога—трубы, менѣе изогнутой, назывался коренъ (18). Этой послѣдней трубы современные евреи уже не знаютъ, но шофаръ, сдѣланный изъ бараньяго рога, имѣется въ настоящее время при каждой еврейской синагогѣ. У русскихъ евреевъ название его произносится въ разныхъ мѣстностяхъ различно: шоферъ, шойферъ, шефоръ, шуфаръ и т. д. Что касается способа его приготовленія, то онъ предусмотрѣнъ въ Талмудѣ до мельчайшихъ подробностей и, хотя правила эти первоначально имѣли въ виду чистоту звука инструмента и удобства игры на немъ, но составители Талмуда, по ихъ обыкновенію, пересолили. Минимальной длиной для шофера, по Талмуду, принимается средняя ширина ладони взрослого человѣка. Натуральная форма рога не должна быть измѣнена, но дозволяется выбирать и прямые и изогнутые, послѣдніе впрочемъ считаются болѣе красивыми. Не дозволяется красить „шоферъ“ или разрисовывать его красками, но гравированные и рѣзные рисунки дозволяются. Оковывать рогъ серебрѣмъ или золотомъ дозволяется, но по извѣстнымъ правиламъ, а именно: между губами трубача и рогомъ не должно быть никакого посторонняго тѣла, мѣсто, за которое рогъ держится при игрѣ, также не должно быть ничѣмъ покрыто. Что касается материала для инструмента, то рекомендуется исключительно

бараній рогъ, воловій изгнанъ, потому что напоминаетъ „золотого тельца“. Требуется кромъ того, чтобы рогъ былъ цѣлый, безъ поврежденій, безъ трещинъ и не составленный изъ кусковъ (табл. III, лит. К.).

Изъ другихъ азіатскихъ народовъ рога—трубы были у древнихъ Персовъ, (19) у древнихъ Армянъ подъ названіемъ *rog h egh egn pia* (20) и у древнихъ жителей восточного Туркестана (по Китайскимъ лѣтописямъ) (21).

Въ Индостанѣ еще въ 18 столѣтіи рогами пользовались горные жители (22).

Въ настоящее время въ Индіи известно нѣсколько родовъ роговыхъ трубъ.

1) *Sringa*—маленький воловій рогъ. Подъ такимъ названіемъ два почти одинаковые инструменты есть въ *India museum* и въ берлинскомъ (табл. II, № 19).

2) *Gangiam-Ma a*. Коротенький коровій или бараній рогъ съ мундштукомъ на тонкомъ концѣ въ *India museum* (табл. II, № 20) и

3) *Tuda*—маленький воловій рогъ, имѣющійся въ двухъ экземплярахъ въ Берлинскомъ музѣѣ.

Всѣ эти три рога по наружному виду мало отличаются другъ отъ друга, а потому можно думать, что это три экземпляра одного и того же инструмента, носящаго въ разныхъ частяхъ Индіи различные названія.

Нѣсколько отличается отъ нихъ рогъ Кондовъ изъ Ориссы (*Khonds of Orissa*) Британскаго музея, къ тонкому концу которого придѣлана мѣдная трубочка (табл. II, № 21).

Въ Бутанѣ (въ Гималаяхъ) есть: 1) труба *Гунка* изъ рога какого-то мѣстного животнаго съ растробомъ изъ желтой мѣди, а 2) *Мауиг*—кандинъ—тоже рогъ, но съ растробомъ изъ другого, болѣе широкаго рога, соединеннымъ съ первымъ кожаннымъ кольцомъ. Оба эти инструмента имѣются въ Берлинскомъ музѣѣ.

Въ Парижскомъ музѣумѣ *Guimet* есть еще воловій рогъ съ точенымъ мундштукомъ изъ южнаго Китая (табл. II, № 30).

О существованіи роговъ въ Сіамѣ и Японіи мы находимъ краткія замѣтки въ нѣмецкой и французской литературѣ.

Далѣе въ Британскомъ музѣѣ есть труба изъ буйволового рога съ О-въ Индійского архипелага, а въ Берлинскомъ двѣ трубы изъ воловьяго рога съ мелкихъ острововъ около Явы.

Въ Австралии трубъ изъ роговъ нѣть по той простой причинѣ, что тамъ до пріѣзда Европейцевъ не было вовсе рогатаго скота.

Въ Америкѣ также не особенно сильно распространены такія трубы. Въ Лейпцигскомъ музѣѣ есть труба изъ воловьяго рога, изъ Сѣверной Америки.

но мѣстность и народъ, откуда она взята, не названы. Кроме того въ Берлинскомъ музѣй есть три рога изъ Юго-Западной Бразиліи и изъ мѣстности Бароро. Два изъ нихъ ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ обыкновенныхъ охотничихъ роговъ кромѣ того, что украшены птичьими перьями и пучками конскихъ волосъ, а у третьаго въ его тонкій срѣзанный конецъ вставлена трубочка длиною около 7 дюймовъ, замѣнающая мундштукъ. Что касается мундштучныхъ отверстій, то у всѣхъ 4-хъ роговъ они сдѣланы въ тонкомъ концѣ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи.

Въ Африкѣ рогъ былъ у древнихъ Египтянъ подъ названіемъ хиу но точная форма его неизвѣстна, такъ какъ ни на какихъ рисункахъ онъ не сохранился, мы знаемъ его только потому, что рогъ этотъ былъ известенъ грекамъ подъ именемъ Египетскаго (23).

Рога изъ современнаго Египта есть въ Кенсингтонскомъ музѣй: два воловыхъ, два изъ рога антилопы и одинъ сильно изогнутый изъ рога какого-то оленя.

Что касается остальной Африки, то въ музеяхъ Лейпцигскомъ, Берлинскомъ и Бременскомъ представлены 38 роговыхъ трубъ изъ всѣхъ концовъ Африки, а именно: 1) отъ Нильскихъ племенъ: Вакуафи, Масаевъ и Вандороббо, 2) изъ страны озеръ и государства Намъ-Намъ въ восточной Африкѣ, 3) отъ племенъ: Ваганда, Банту, Суагелли, зулусоподобныхъ народовъ: Багеге, Мафити, Маситу и Вайло и племени Ushashi, изъ Центрально-Африки и 4) изъ западной, отъ народовъ: Того, Габунъ и туземцевъ Золой того Берега.

Любопытной особенностью всѣхъ Африканскихъ роговъ, отличающихъ ихъ отъ роговъ другихъ частей свѣта, является расположение ихъ мундштучнаго отверстія не въ концѣ рога, а сбоку, также какъ въ трубахъ—раковинахъ Австраліи. Такъ что музыкантъ держитъ здѣсь рогъ какъ наши флейтисты, т. е. раструбомъ въ бокъ. Въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ, видѣнныхъ нами, Африканскихъ роговъ только одинъ (народовъ Банту) составляетъ исключение: у него тонкій конецъ рога срѣзанъ и туда вставленъ обыкновенный чашкообразный костаной мундштукъ. Матеріаломъ для трубъ этого рода служать рога всевозможныхъ домашнихъ и дикихъ животныхъ: коровъ, барановъ, козловъ, оленей, антилопъ и проч. Одни изъ нихъ совершенно прямые, другіе согнуты въ дугу, третіи свернуты въ спираль, наконецъ четвертые изогнуты неправильно или змѣйкой. Длина ихъ въ обѣдланиомъ видѣ колеблется отъ 6 вершковъ до $1\frac{1}{2}$ аршина.

Одна изъ этихъ трубъ (изъ Восточной Африки) съ очевиднымъ намѣреніемъ удлинить ее была составлена изъ двухъ роговъ, вставленныхъ одинъ

въ другой и соединенныхъ въ стыкъ кожаннымъ кольцомъ совершенно такъ, какъ вышеупомянутый рогъ изъ Бутана (въ Гималаахъ).

Украшения на такихъ рогахъ встречаются не часто. Они состоять иногда изъ рубцовъ, вырѣзанныхъ въ формѣ различныхъ фігуръ, въ другомъ случаѣ обтягиваются кожей съ шерстью или обматываются спирально узенькой полоской листовой мѣди или мѣдной проволокой.

Что касается Европы, то въ ней рога—трубы были повсемѣстны, они существовали у древнихъ грековъ подъ названіемъ кегас, у римлянъ согни, у французовъ согне, у немцевъ и англичанъ horn, у скандинавовъ lurd (24), у славянъ—рогъ. Въ этнографической литературѣ есть указанія, что кое-гдѣ во Франціи (напр. въ Пуату), еще до сихъ поръ сохранились трубы изъ козлиныхъ (25), а у англичанъ (26) и чеховъ (27) воловыхъ роговъ.

Въ Россіи намъ удалось узнать о существованіи до настоящаго времени трубъ изъ воловыхъ роговъ въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губ. (въ волостяхъ Мѣданской и Ратайчицкой) и въ Мозырскомъ уѣздѣ Минской губ., бараныхъ—въ Брестскомъ уѣздѣ (въ вол. Мѣданской) и коаливыхъ—въ Пинскомъ уѣздѣ (въ с. Столинѣ).

У литовцевъ рога-трубы существовали въ древности. Такъ въ 1809 г. крестьянинъ Маріампольского уѣзда въ полѣ, недалеко отъ лѣваго берега Нѣмана, нашелъ вмѣстѣ съ разнымъ древнимъ оружиемъ мѣдный обручъ, которымъ былъ когда-то окованъ литовскій военный рогъ. Самый рогъ сгнилъ, но обручъ сохранился прекрасно. Судя по всѣмъ признакамъ, находка эта относится къ 13-му вѣку (28). Есть рогъ и у нашихъ латышей подъ названіемъ „чах“, какъ это можно было видѣть на Рижской этнографической выставкѣ 1896 года. Наконецъ, трубы изъ воловыхъ роговъ есть и у черемисъ Царевококшайского уѣзда Казанской губ., какъ сообщилъ мнѣ братъ мой, Н. Мошковъ, служащий въ той мѣстности учителемъ. Въ тонкій конецъ черемисскаго рога вставляется оловянная трубочка вершкѣ въ 3 длиною.

Рога изъ берцовой кости человѣка.

Эти рога существуютъ исключительно въ Азіи. Прежде всего мы встрѣчаемъ ихъ въ Индостанѣ. Для образованія канала берцовая кость человѣческой ноги разверливается вдоль по оси, а такъ какъ она оканчивается двумя яблоками, раздѣленными между собою впадиной, то внутренній каналъ трубы также развѣтвляется на два, давая по одному выходному отверстію (раструбу) въ каждомъ яблокѣ. Иногда такая кость, ничѣмъ болѣе не укрѣпленная и неукрашенная, прямо поступаетъ въ пользованіе музыканта (India museum), а иногда мундштучное отверстіе укрѣпляется мѣдной оковкой.

середина же кости, за которую инструментъ держится при игрѣ, чтобы она не пачкалась, обтягивается кожей. Такой индійскій костиной рогъ длиною въ 14 д. есть въ Кенсингтонскомъ музѣй.

Совершенно такой же рогъ изъ Бутана (въ Гималаахъ) подъ названіемъ Конгъ-тунъ выставленъ въ Берлинскомъ музѣй.

Есть такія трубы и въ Тибетѣ, гдѣ онѣ называются Коиъ-донъ. Два экземпляра ихъ безъ всякихъ украшеній можно видѣть въ Лейпцигскомъ музѣй и одинъ въ Парижскомъ музѣй Guimet, кромѣ того въ этомъ послѣднемъ есть одинъ такой же Тибетскій рогъ съ мѣдной оковкой посрединѣ и съ раструбомъ изъ листовой мѣди на концѣ.

Два экземпляра того же рога есть въ Берлинскомъ музѣй съ мѣднымъ мундштукомъ безъ всякихъ другихъ оковокъ и два—въ Лейпцигскомъ, обточенные снаружи, съ серебрянымъ мундштукомъ и съ серебрянымъ раструбомъ въ видѣ открытой пасти дракона.

Такія же трубы существуютъ въ Монгольскихъ буддійскихъ монастыряхъ подъ названіемъ Ганъ-лииъ. По описанію г. А. Поздѣева, трубы эти, также какъ и Тибетскія, окованы серебромъ. Два отверстія раструба называются у монголовъ „лошадиными ноздрями“, а звукъ Ганъ-лииа долженствуетъ напоминать собою ржаніе мпоического коня. „А чжи на и-моринъ“ (29).

Трубы изъ слоновыхъ клыковъ.

Такія трубы мы чаще всего находимъ на Африканскомъ материкѣ, родинѣ слоновъ. А кромѣ того путемъ торговли слоновая кость занесена была въ западную Европу, гдѣ изъ нея въ старицу также приготавляли рога.

Намъ пришлось видѣть въ разныхъ музеяхъ западной Европы Африканскіе рога изъ слоновой кости въ числѣ 81 штуки. Европеецъ, привыкшій съ понятіемъ о слоновой кости соединять представленіе о чемъ-то въ высшей степени изящномъ, былъ бы сильно разочарованъ, увидавъ рога, приготовленные изъ этого матеряла Африканскими неграми. Начать съ того, что нѣ-которые изъ нихъ имѣютъ не обыкновенный, желтовато-блѣлый цвѣтъ слоновой кости, а весьма некрасивый на видъ грязновато-красный цвѣтъ. Существуетъ ли въ Африкѣ особая порода слоновъ съ клыками такого цвѣта или ихъ такъ окрашиваются искусственно, намъ не удалось узнать.

Для приготовленія трубы берутъ или цѣлый клыкъ, длина котораго доходитъ до $2\frac{1}{4}$ арш., или отпиливаютъ отъ тонкаго его конца кусокъ не короче $\frac{1}{4}$ аршина. Наружная поверхность такого клыка чаще всего сохраняетъ свой природный видъ и форму, изрѣдка только украшается она перво-бытымъ орнаментомъ, состоящимъ изъ рубцовъ или бороздъ прямыхъ я

крайнихъ, образующихъ очень незамысловатые узоры. Еще рѣже покрываются они грубыми рѣзными изображеніями людей и животныхъ. Внутренняя часть клыка съ болѣшимъ трудомъ выдалбливается долотами, начиная съ толстаго его конца. Но даже въ короткихъ рогахъ внутренній каналъ рѣдко доходитъ до самой острой оконечности клыка, онъ кончается гораздо ранѣе и принимаетъ въ себя поперечный каналъ, ведущій въ мундштучное отверстіе. Въ рогахъ изъ цѣльнаго клыка или изъ большаго куска его (около 1 аршина длиной) такой каналъ, по трудности его обработки, обыкновенно даже не доходитъ далѣе половины длины всего клыка и здѣсь также заканчивается боковымъ мундштучнымъ отверстіемъ (табл. I, № 4).

Остальная часть клыка никакого канала внутри себя не имѣть и только придастъ рогу излишнюю тяжесть.

Новидимому, работа съ выдалбливаніемъ канала внутри слоновой клыка настолько груба и настолько трудна для африканскихъ негровъ, что клыкъ иногда не выдерживаетъ ея и раскалывается. Это видно по некоторымъ экземплярамъ роговъ, у которыхъ толстый конецъ станутъ грубымъ желѣзнымъ или мѣднымъ обручемъ или обшить кожей, чтобы закрыть трещины въ клыкѣ.

Грубо выдолбленный, не гладкій и неправильной формы внутренній каналъ рога вмѣстѣ съ боковымъ расположениемъ мундштучного отверстія, заставляющимъ звуковыя волны изгибаться подъ прямымъ угломъ, совершенно измѣняетъ обыкновенный звукъ трубы и дѣлаетъ его глухимъ, грубымъ и потрясающимъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ путешественники по Африкѣ (30).

Неумѣніе выдолбить каналъ рога и опасение, что стѣнки его при малой толщинѣ могутъ расколоться во время самой работы, заставляютъ африканскихъ трубачей мастеровъ оставлять эти стѣнки какъ можно толще, что также увеличиваетъ тяжесть рога. И дѣйствительно вѣсъ такого рога, по разсказамъ путешественниковъ, доходитъ иногда до 30 фунтовъ (31).

Чтобы облегчить вѣсъ инструмента мастера уменьшаютъ иногда толщину его стѣнокъ, состругивая кость по наружной поверхности, уже послѣ того какъ продолбленъ его внутренній каналъ, но при этомъ оставляютъ утолщеніе вокругъ мундштучного отверстія, придавая ему болѣе или менѣе правильную форму (табл. I, №№ 11 — 20). Самое отверстіе имѣть то форму круга, то овала, то ромба, то прямоугольного четырехугольника съ закругленными углами.

Къ раструбу рога изъ слоновой кости иногда придѣлываютъ деревянный резонаторъ, который въ меѣтъ его соединенія съ рогомъ обтягиваютъ кожанымъ кольцомъ.

Къ числу украшений такихъ роговъ нужно отнести обтагивание ихъ чешуйчатой кожей змѣи или ящерицы. Кромѣ того они украшаются различными привѣсками. Такъ напримѣръ, одинъ рогъ изъ южнаго Конго украшенъ привѣской изъ нижнихъ челюстей человѣка.

Образцы Африканскихъ роговъ изъ слоновой кости есть въ музеяхъ Британскомъ, Кенсингтонскомъ, Парижскомъ (Трокадеро), Берлинскомъ, Гамбургскомъ, Лейпцигскомъ и Бременскомъ. Они собраны со всего Африканского материка: 1) въ современномъ Египтѣ, 2) у племенъ Сѣверо-восточной Африки: Момбутту, Уганда, Намъ-Намъ, Бубу и Ябиръ, 3) въ восточной Африкѣ у племенъ: Ваганда, Лунду, Ангола, Уссакума и на берегахъ рѣки Замбезе, 4) въ Центральной: у племенъ Судана, по верхнему Конго, у племени Арувими (по среднему Конго), по Южному Конго, у племенъ: Адамауа, Мури, Вукари и Видахъ (Whydah), 5) въ западной Африкѣ: въ Бафангѣ, по рѣкѣ Нигеру, у племени Вутэ и Янгуана, въ восточномъ Камерунѣ, у туземцевъ Золотого берега и 6) въ южной Африкѣ: у Бечуановъ.

Въ Европѣ рога изъ слоновой кости подъ названіемъ олифантъ (oliphant) очень часто упоминаются въ историческихъ памятникахъ съ начала 12-го до конца 14-го вѣка. Название ихъ производить отъ слова l'elephant (слонъ). Въ отличие отъ Африканскихъ, Европейскіе рога изъ слоновой кости были дорого стоявшими, высоко художественными произведеніями, такъ какъ наружная поверхность ихъ покрывалась тончайшей рѣзьбой. Они въ свое время служили знакомъ отличія у коронованныхъ особъ, военно-начальниковъ, рыцарей и вообще знатныхъ лицъ и носились на особой перевязи на шѣѣ. Образчиковъ средневѣковаго олифанта не мало сохранился въ храмахъ и музеяхъ западной Европы. Изъ нихъ особенно знамениты: 1) Олифантъ Тулузскаго музея, который, по преданію, принадлежалъ Роланду и употреблялся имъ въ битвѣ съ сарацинами при Ронсевалѣ (31 А), 2) Олифантъ Карла Великаго, хранящійся въ сокровищницѣ Аахенскаго собора, который, по преданію, былъ присланъ Императору Франковъ въ знакъ дружбы Гарунъ-аль-Рашидомъ и 3) Роскошный экземпляръ олифанта, сохранившійся въ Вѣнской Императорской сокровищницѣ, въ который будто бы трубыли въ сраженіи съ гуннами при Лехфельдѣ въ 955 году (32).

Деревянныя трубы, камышевые и изъ березовой коры.

Трубы этого рода ведутъ свое происхожденіе отъ доисторическихъ временъ и распространены по всему земному шару. У евреевъ еще во времена библейскія была прямая труба Хазозра или Асосра (chatzotzeroth), приготовлявшаяся между прочимъ и изъ дерева. Изображеніе этой трубы

сохранилось въ проходѣ у тріумфальной арки римскаго Императора Тита (33). Европейские историки подробно описываютъ „хазозру“. По словамъ ихъ, длина этого инструмента была въ локоть; онъ былъ прямой и тонкій съ чашкообразнымъ мундштукомъ и съ раструбомъ (34).

Въ Индіи деревянныя трубы сравнительно рѣдки; къ нимъ относятся:

1) Туда, прямая, вершковъ въ 6 длиной, которую можно видѣть въ Берлинскомъ музѣи и

2) Труба Вѣнскаго Нѣтцимузѣя, изогнутая въ видѣ буквы S, состоящая изъ 4 колѣнъ и оканчивающаяся плоскимъ тарелкообразнымъ раструбомъ.

Экземпляръ Сіамской деревянной трубы сохраняется въ Берлинскомъ музѣи; она сдѣлана въ формѣ рога и имѣеть деревянный, чашкообразный мундштукъ.

Въ музѣѣ Напрѣтка (въ Прагѣ) есть прямая бамбуковая труба изъ Гондурасской Индіи около $1\frac{3}{4}$ арш. длиной и около 4 д. въ діаметрѣ.

Если мы прибавимъ ко всему этому, что деревянныя трубы еще сохранились у Мангельцевъ въ Закавказья и что древнимъ грекамъ была известна Мидійская труба изъ тростника (35), то вотъ и всѣ мѣстности Азіи, въ которыхъ были или есть до настоящаго времени деревянныя трубы. Надо думать, что трубы эти когда-то были очень распространены по Азіатскому материкову, но позже, по неудобству дерева, какъ материала для трубъ, были замѣнены металлическими.

Изрѣдка попадаются деревянныя трубы также въ Австралии. Такъ въ Британскомъ музѣи есть такая труба съ О-ва Новая Зеландія около $2\frac{1}{2}$ арш. длиною (табл. I, № 31). Она имѣеть около 1 дюйма въ діаметрѣ у мундштука и, постепенно утолщаясь, доходитъ до 5—6 д. у раструба. Вся труба туто обмотана тоненькой веревочкой за исключениемъ 6 дюйм. отъ раструба п $1\frac{1}{2}$ д. отъ мундштука, гдѣ на ея наружной поверхности вырѣзано грубое изображеніе человѣческаго лица. Раструбъ оканчивается 6 глубокими зубцами. Кромѣ того въ этнографической литературѣ упоминается труба изъ древеснаго корня у папуасовъ Новой Гвинеи (36) и бамбуковая труба въ Полинезии (37).

Въ Америкѣ деревянныя трубы преобладаютъ надъ всѣми другими, овѣ прямые, но принадлежать къ двумъ главнымъ типамъ: 1) Трубы одинакового діаметра по всей длине или съ постепенно увеличивающимся діаметромъ и 2) Трубы, состоящія изъ двухъ, соединенныхъ между собою, трубъ разнаго діаметра, узкой со стороны мундштука и широкой со стороны раструба.

Къ первому типу принадлежитъ во-первыхъ труба съ полуострова Флориды, изображенная у О. Кометтана (38). Кромѣ того въ Берлинскомъ музѣи

представлены двѣ трубы индійского племени Мундруку съ віжнаго теченія рѣки Амазонки, называющіяся на мѣстномъ нарѣчіи „Турэ“. Одна изъ нихъ длиною около 1-го, а другая около 2-хъ аршинъ, обѣ украшены перьями. Но это еще сравнительно короткія трубы, гораздо длиннѣе ихъ (около 3 $\frac{1}{2}$ арш. длины при діаметрѣ около 2 дюйм.) встрѣчаются въ Венесуэлѣ и Бразилії. Эти послѣднія оканчиваются небольшимъ деревяннымъ раструбомъ. Венесуэльскихъ трубъ два экземпляра можно видѣть въ Лейпцигскомъ и въ Берлинскомъ музеяхъ, Бразилійскую же—только въ Лейпцигскомъ.

Такія же тонкія и прямые, но еще болѣе длинныя трубы существуютъ въ Чили. Въ Лейпцигскомъ музѣѣ есть двѣ Чилійскія трубы около 3 арш. длиной, двѣ около 4 арш. и одна, самая длинная,—до 2-хъ сажень. Сдѣланы эти трубы изъ бамбука и обмотаны снаружи или тонкимъ и гибкимъ тростникомъ или, также какъ въ Новой Зеландіи, тоненькой веревочкой. Самая длинная кромѣ того обтянута чѣмъ то бѣлымъ прозрачнымъ вродѣ пергамента. Другая особенность Чилійскихъ трубъ—это ихъ раструбы или резонаторы изъ короткихъ воловыхъ роговъ, плотно прикрепленныхъ къ концу трубы. Мундштучныя отверстія этихъ трубъ сдѣланы, также какъ въ Европѣ и въ Азіи. Для этого тонкій ихъ конецъ срѣзывается перпендикулярно къ оси или, если нужно получить отверстіе побольше,—наискосъ.

Прямыя деревянныя трубы второго типа, т. е. съ утолщениемъ въ передней части, встрѣчаются только въ Южной Америкѣ. Въ Британскомъ музѣѣ есть труба съ сѣверо-восточнаго берега Южной Америки около 3/4 арш. длины, обвитая въ двухъ мѣстахъ тростникомъ (табл. I, № 10). Такой же формы труба есть въ Вѣнскомъ музѣѣ (Naturhistor. Hofmuseum) около 1 $\frac{1}{2}$ арш. длины изъ Банива, въ Бразильской Колумбіи (табл. I, № 1). Въ Пражскомъ музѣѣ Напрѣтка есть такая же труба съ рѣки Атабапу отъ индійскихъ племенъ: Банива, Аранэри и Кароцана (табл. I, № 9). На мѣстномъ нарѣчіи она называется „Батуто“. Наружная поверхность ея украшена птичьими перьями, причемъ въ надписи сказано, что украшеніе это мѣняется всякий разъ, когда труба передъ ея употребленіемъ размачивается въ водѣ.

Кромѣ перечисленныхъ деревянныхъ трубъ, имѣющихъ мундштучное отверстіе такое же какъ въ Европѣ и Азіи, въ сѣверо-восточномъ углу Южной Америки мы находимъ деревянныя трубы съ мундштучнымъ отверстіемъ на боковой поверхности, какъ въ Африкѣ. Сюда принадлежать двѣ трубы Пражскаго музѣя Напрѣтка (около 2 $\frac{1}{2}$ арш. длиной), которыхъ на мѣстномъ нарѣчіи называются „Япурур“¹. Онѣ происходить изъ мѣстности Манаусъ на рѣкѣ Ореноко.

Первая изъ этихъ трубъ украшена перьями, а вторая множествомъ

круглыхъ черныхъ пятенъ. Тамъ же есть труба подъ названиемъ „Сикота“ такого же вида какъ двѣ предыдущія, но и nemожно покороче.

Кромѣ того въ Вѣнскомъ музѣ есть три трубы съ такимъ же боковымъ мундштучнымъ отверстиемъ: одна прямая около $1\frac{1}{4}$ арш. длины изъ мѣстности Rio-Ташайовъ въ Бразиліи (табл. I, № 3), другая въ видѣ бутылки изъ Rio Канома (тамъ же) (табл. I № 7), а третья прямая, тонкая съ раструбомъ, изъ высушенной тыквы на концѣ изъ Мундрука (табл. I № 8). Обѣ послѣднія около $1\frac{1}{2}$ арш. длиною.

Въ Африкѣ деревянныя трубы встрѣчаются въ Аббисиніи. Онѣ здѣсь называются по—эфіопски (на мертвомъ, книжномъ языке) также какъ у евреевъ „керенъ“, а по амгарски (т. е. на современномъ языке) „мелекета“ (teleketa) или „мелекетъ“. По преданию, инструментъ этотъ былъ привезенъ Менеликомъ, сыномъ царицы Савской изъ Іудеи, какъ подарокъ отъ Іудейскаго цара Соломона. Въ настоящее время его приготовляютъ изъ тростника съ внутренними діаметромъ менѣе $\frac{1}{2}$ дюйм., а длиною въ 5 ф. 4 д. На одномъ концѣ этого длиннаго стебля укрѣпленъ раструбъ или резонаторъ изъ выдѣленной и высушенной тыквы, которая обсажена по наружной поверхности мелкими бѣлыми раковинами. Вся труба тую обтанута пергаментомъ и издастъ только одинъ громкій, грубый и вишающій страхъ тонъ Е (39).

Кромѣ того прямыя деревянныя трубы встрѣчаются у туземцевъ на берегахъ Бѣлаго Нила (длиною около 1 арш. при діаметрѣ раструба около 4 д. въ музѣумѣ Guimet въ Парижѣ). Съ береговъ той же рѣки, отъ народа Динка, были присланы деревянныя трубы, обтянутыя кожей, на Парижскую выставку 1867 года (40). У народа Уганда (съверо—восточной Африки) также употребительны прямыя деревянныя трубы, обтянутыя чешуйчатой кожей змѣи или ящерицы (около 1 арш. длины въ Берлинскомъ музѣѣ). У народа Мандинго (въ Западной Африкѣ) совершенно такія же прямыя, обтянутыя кожей трубы, какъ и въ Восточной Африкѣ (длина тоже 1 арш. въ Берлинскомъ музѣѣ). Нѣсколько отличаются отъ вышеупомянутыхъ инструментовъ прямыя деревянныя трубы народа Уссуума (изъ Восточной Африки), которая по своей длине (свыше 2 аршинъ) и по устройству приближаются къ Аббисинскимъ. Онѣ также сдѣланы изъ тростника и снабжены раструбами изъ высушенной тыквы или просто деревянными (въ Берлинскомъ музѣѣ, см.табл. I, №№ 26 и 27).

У всѣхъ перечисленныхъ пяти трубъ мундштучное отверстіе, также какъ и у остальныхъ африканскихъ инструментовъ этого рода, дѣлается на боковой поверхности трубы.

Самыми длинными изъ Африканскихъ деревянныхъ трубъ нужно считать

инструменты центральной Африки, въ Баггирми, которые по рассказамъ путешесвениковъ, доходятъ до 8 фут. длиною (41).

Если отъ Африки мы обратимся къ Европѣ, то увидимъ, что у древнихъ грековъ и римлянъ въ ихъ цвѣтущія времена деревянныя трубы уже вышли изъ употребленія и были замѣнены металлическими. Правда, у грековъ была одна труба тростниковая, но самое название ея, „Мидійская“ (42), говоритъ о чужеземномъ происхожденіи этой трубы.

Средневѣковая Европа наслѣдовала свои трубы отъ римлянъ; большинство ихъ были металлическія, кромѣ Виссісіи одинакового названія съ римской, которая иногда приготавлялась изъ дерева, хотя чаще была металлической (43).

Что касается современной западной Европы, то въ ней инструментальная техника доведена до совершенства и нѣтъ въ настоящее время уголка, гдѣ бы не было оркестра, нѣтъ оркестра, въ которомъ бы не участвовала труба, и потому казалось бы, что при такихъ условіяхъ въ жизни западнаго европейца нѣтъ уже болѣе мѣста для архайческой деревянной трубы, а между тѣмъ она кое-гдѣ еще сохранилась. Такъ напримѣръ во Французской этнографической литературѣ упоминается деревянная труба бурлюаръ (буаглоіг) въ Бурбонѣ (44). Одинъ экземпляръ ея хранится между прочимъ въ Парижскомъ музѣѣ Трокадеро; она дѣлается изъ букового дерева и бываетъ длиною болѣе 1 фута, а толщиною въ руку.

Кромѣ того деревянныя трубы подъ названіемъ Альпенгорнъ сохранились еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи, гдѣ они приготавляются изъ еловаго дерева. Одну изъ такихъ трубъ намъ удалось видѣть въ Лаутербруненѣ при подъемѣ на Венгернъ-Альпъ. Она была аршина 2 длиной, прямая, съ огромнымъ раструбомъ. Старикъ швейцарецъ построилъ себѣ будку на той дорогѣ, по которой проходили путешественники, и всякий разъ, какъ они показывались, выходилъ на встречу и трубилъ. Путешесвеники слушали звуки, издаваемые трубой, осматривали ее и самого игрока въ его оригиналномъ стаинномъ костюмѣ, давали ему мелкія монеты и шли далѣе. Въ Парижскомъ музѣѣ Трокадеро есть одинъ экземпляръ Альпенгорна около 2 сажень длиной, снаружи обмотанный спирально липовой корой. На самомъ концѣ, около раструба, онъ отогнутъ въ сторону (табл. I № 21), а въ другой конецъ его вставленъ мундштукъ изъ твердаго дерева.

Въ Германіи тоже кое-гдѣ сохранились длинныя деревянныя прямые трубы. Такъ въ Нюренбергскомъ историческомъ музѣѣ есть двѣ нѣмецкія трубы, сдѣланныя изъ лубка и оплетенные снаружи берестой. Диаметръ ихъ у мундштука около 1 дюйма и нѣсколько увеличивается къ раструбу. Раструбъ сдѣланъ въ видѣ маленькой воронки и въ самой широкой части имѣть около 2 дюйм. въ поперечникѣ. Длина одной изъ этихъ трубы 3 арш.

10 верш., а другой около 3 арш. Онъ еще только недавно сданы въ музей, а до тѣхъ поръ сохранились въ городской ратушѣ и выносились оттуда въ особо-торжественныхъ случаяхъ для участія въ разнаго рода процессіяхъ.

У норвежскихъ крестьянъ также до сихъ поръ употребляются деревянныя ольховыя трубы (45).

Изъ числа славянскихъ народовъ мы встрѣчаемъ таکія трубы у сербовъ-лужичанъ. Въ Пражскомъ этнографическомъ музѣе сохраняется одинъ экземпляръ такой трубы длиною въ 14 верш. съ коническимъ раструбомъ, она совершенно прямая и снабжена мѣдной кольцеобразной оковкой по серединѣ длины. По словамъ надписи это послѣдній и единственный экземпляръ лужицкой трубы.

Есть деревянныя трубы и у Угорскихъ славянъ. Два экземпляра ихъ представлены въ Пражскомъ музѣе Напрѣтка, обѣ прямые въ $1\frac{1}{2}$ аршина и $1\frac{3}{4}$ арш. длиной. Одна изъ нихъ обмотана берестой.

У Гуцловъ (русскихъ горцевъ Галиціи) существуетъ два вида деревянныхъ трубъ: одна пастушеская длиною около 7 вершковъ, изогнутая въ формѣ рога, а другая для обрядовъ прямая длиная около 4 аршинъ длины называется тромбета или трэмбита. Таковы образчики этихъ трубъ, выставленные въ Пражскомъ музѣе Напрѣтка; трэмбита залита внутри смолой, а снаружи обмотана берестой.

У Поляковъ-горцевъ изъ Татровъ (Часть Карпатскихъ горъ) деревянная труба прямая около $1\frac{1}{4}$ арш. длины на деревянномъ каркасѣ сплетена изъ бересты (Пражскій музѣй Напрѣтка).

У Поляковъ Царства Польскаго, также какъ у Гуцловъ, деревянныхъ трубъ различаютъ два сорта: 1) Тромба, пастушеская 2) Лигавка или Легавка, труба обрядовая. Послѣдняя отличается отъ первой своей большой длиной и вставнымъ мундштукомъ изъ твердаго дерева, котораго у тромбы вовсе не имѣется.

Слово *tгaвa*—общевроцпейское, однозвучное съ русскимъ труба, чешскимъ *tгoцva*, нѣмецк. *Trompette*, французск. *tгoшрете* и т. д. Что же касается слова *ligawka* или *legawka*, то происхожденіе его темно и потому даетъ поводъ ко многимъ толкованіямъ. Въ польскомъ словарѣ дрѣвностей (46) его производятъ отъ польск. *leganie*—лежаніе, такъ какъ при длинѣ легавки отъ 2 до 3 локтей она слишкомъ тяжела, чтобы можно было играть на ней безъ опоры, а потому при игрѣ ее обыкновенно кладутъ или опираютъ объ заборъ. Вотъ почему, думаетъ авторъ, это название и не придается обыкновеннымъ короткимъ пастушескимъ трубамъ.

Но это объясненіе кажется намъ маловѣроятнымъ: намъ удавалось видѣть много польскихъ легавокъ и всѣ онѣ не превосходили 4 футъ въ длину, а

при такой длинѣ, какъ намъ приходилось также не разъ убѣждаться на-
опытѣ, трубы эти вовсе не нуждаются въ опорѣ. Длинныя же трубы, до-
ходящія до 7 футъ и дѣйствительно нуждающіяся въ опорѣ, встрѣчаются
не у поляковъ, а у малороссовъ Сѣдлецкой губ. и Полѣсья, гдѣ ихъ назы-
ваютъ не лѣгавками, а трубами.

Лигавка, какъ мы увидимъ ниже, соединена у польского простонародья, съ цѣлымъ рядомъ оригинальныхъ вѣрованій и обычаевъ, а потому является настолько выдающимся явленіемъ въ польской народной жизни, что она не разъ уже была описываема въ польской литературѣ. Сюда относится прежде всего замѣтка въ польскомъ повременномъ изданіи, нынѣ уже не существующемъ, *Kmiotek* (48), въ которой описывается устройство лигавки и способъ ее приготовленія, принятаго въ Лемжинской губ. въ особенности въ Замбровскомъ приходѣ.

Другую замѣтку о лягавѣѣ помѣстилъ въ этнографическомъ журнальѣ Wisla (49) г. I. Карловичъ по поводу народныхъ музикальныхъ инструментовъ, экспонированныхъ на Варшавской музикальной выставкѣ 1888 года. Авторъ приложилъ къ своей замѣткѣ даже рисунокъ двухъ лягавокъ, представленныхъ на выставку, и краткое ихъ описание.

Наконецъ третья замѣтка есть въ словарѣ польскихъ древностей (50), о которомъ мы уже упоминали раньше. Здѣсь говорится, что естествоиспытатель 18-го вѣка, Клюѣтъ, въ своемъ сочиненіи о растеніяхъ упоминаетъ, что въ его время лигавки дѣлались изъ осины и вербы. Передается тамъ также, что лигавка издастъ рядъ звуковъ: *q, c, e, q, c, a, q, c*, и т. д.

Два экземпляра этого инструмента, одинъ изъ дер. Дембовина Мазовецкаго уѣзда Ломжинской губ. (табл. III, лит. D) а другой изъ мѣст. Стѣрдынь Соколовскаго уѣзда Сѣдлецкой губ. (табл. III, лит. A), намъ удалось пріобрѣсти для этнографического музея Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ. Это—труба около 4 локтей въ длину слегка изогнутая; подъ названіемъ лигавки она извѣстна въ Ломжинской губерніи и въ

Польскихъ уѣздахъ Сѣдлецкой губ.: Венгровскомъ, Соколовскомъ, Гарволинскомъ и Сѣдлецкомъ. Въ Константиновскомъ и Бѣльскомъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи, у русскаго населенія, труба совершенно такая же какъ въ Ломжинской губерніи (табл. IV, літ. А), но называется не легавкой, а трубой; название же легавка, хотя известно здѣшнему народу, но считается „шляхетскимъ“. Въ Радинскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ. эта труба значительно измѣняется по своему вѣнчальному виду и размѣрами много пре-восходитъ польскую трубу легавку (табл. V, літ. А, изъ Варшавскаго этнографическаго музея). Впрочемъ, такія трубы въ настоящее время становятся большою рѣдкостью и замѣняются жестяными. Во Влодавскомъ уѣздѣ трубы такія же какъ и въ Бѣльскомъ или же сплетенные изъ бересты.

Въ Брестскомъ и Слонимскомъ уѣздахъ Гродненской губерніи деревянные трубы совершенно прямые, длиною до $1\frac{1}{2}$ саженъ; тоже самое и въ Пинскомъ уѣздѣ Минской губ. Въ этомъ послѣднемъ мы приобрѣли для этнографическаго музея Императорской Академіи двѣ деревянныя трубы: одну изъ села Козляковичи (табл. V, літ. Г), а другую изъ с. Бережное (табл. III, літ. В). Въ Мозырскомъ уѣздѣ Минской губ. трубы короче, мы приобрѣли одну изъ нихъ въ с. Давидъ-Городокъ (табл. III, літ. Б).

Далѣе на востокъ длинныя трубы около сажени длиной, обмотанныя берестой, какъ мы узнали изъ распросовъ, встречаются еще въ д. Зимница Быховскаго уѣзда Могилевской губ.

Въ Минскомъ уѣздѣ въ д. Іца (подъ Минскомъ) пастухи дѣлали прежде короткія деревянныя трубы, но теперь замѣнили ихъ жестяными.

Изъ Свѣнцянскаго уѣзда Виленской губ. есть деревянная труба въ Варшавскомъ этнографическомъ музѣ (табл. V, літ. Е). Деревянныя трубы латышей представлены были на Рижской этнографической выставкѣ. Здѣсь кромѣ обыкновенныхъ прямыхъ деревянныхъ трубъ, стянутыхъ обручами изъ вицъ или обвитыхъ берестой были еще трубы, сложенные вдвое, на подобіе фагота. Всѣ такія трубы у латышей известны подъ общимъ названіемъ тауре.

О существованіи деревянныхъ трубъ въ Великороссіи мы собрали свѣдѣнія только изъ слѣдующихъ мѣстностей: Орловская губ., Сѣверная часть Черниговской губ., Тверская, Костромская, Владимірская, Московская, Новгородская, Псковская, Петербургская, Олонецкая и Архангельская.

Въ Череповецкомъ уѣздѣ Новгородской губ. деревянныя трубы дѣлаются такой же формы какъ въ Южной Америкѣ, т. е. въ видѣ бутылки, состоящей изъ двухъ трубъ: тонкой въ сторону мундштука и большаго діаметра въ сторону растрuba.

Экземплярь Олонецкой трубы мы представили въ музей Императорской

Академії Наукъ: она изогнута на подобіе мѣдныхъ трубъ и оплетена берестой (табл. V, літ. I).

Если направиться еще далѣе на востокъ, то деревянныя трубы (пальмопут), аршина въ полтора, длиною мы найдемъ у черемисъ Уржумскаго уѣзда Вятской губерніи. Такія же трубы (пудо), длиною въ 2—3 аршина, есть и у черемисъ Казанской губ. Царево-кокшайскаго уѣзда (табл. IV, літ. B).

Въ древнія, доисторическія времена труба была для человѣка первымъ телеграфомъ, устанавливавшимъ сношенія между людьми на такихъ разстояніяхъ, на которыхъ голосъ человѣческій не долеталъ. Отсюда понятно важное значеніе того разстоянія, съ котораго звукъ этого инструмента становился слышнымъ. Изъ практики же съ трубами—раковинами и рогами человѣку не трудно было убѣдиться, что разстояніе, съ котораго слышна труба, тѣмъ больше, чѣмъ звукъ ея ниже, а слѣдовательно, чѣмъ она длиннѣе. Но естественная длина роговъ и раковинъ имѣетъ свой предѣлъ. Было у человѣка одно средство удлинить рогъ, это—складывать по нѣсколько роговъ вмѣстѣ, надѣвая одинъ на конецъ другого, какъ это мы видѣли въ Бутанѣ и въ восточной Африкѣ. Но здѣсь явилось новое препятствіе: трудность плотна о герметического соединенія между собою роговъ. Это-ли препятствіе или что-либо другое было тому причиной, но, за исключеніемъ немногихъ единичныхъ попытокъ, человѣкъ пренебрѣгъ вышеупомянутымъ средствомъ и рѣшилъ, оставивши рога животныхъ и раковины, обратиться къ другому матеріалу, бывшему у него подъ рукой, къ дереву, которое давало возможность дѣлать трубу несравненно болѣе длинной. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ при камышѣ или бамбукѣ, природа давала человѣку стволъ съ готовой трубообразной внутренней пустотой, оставалось только срѣзать такой стволъ и употреблять его какъ трубу. Но подобные пустые внутри стволы не вездѣ можно найти, а потому человѣку пришлось приготовлять ихъ искусственно. Операциѣ эту продѣлываютъ въ разныхъ мѣстностяхъ различно. Такъ, напримѣръ, у французовъ сердцевину ствola выжигаютъ раскаленнымъ желѣзнымъ стержнемъ (51). Но этотъ способъ удобенъ только при короткихъ и тонкихъ трубахъ. Несравненно удобнѣе другой способъ, практикующійся въ Царствѣ Польскомъ и въ Польсіи. Стволъ дерева распиливаютъ въ длину на двѣ равныя половины, въ каждой половинѣ особымъ полуциркульнымъ стругомъ вырѣзаютъ полуцилиндрическій желобъ, затѣмъ обѣ половины ствola складываютъ вмѣстѣ и стягиваютъ обручами изъ вицъ, спиралью навернутымъ намыщемъ, лыкомъ, берестой или желѣзными обручами. Наконецъ, третій способъ принять въ Швейцаріи: берутъ узенькія полосы такъ-называемаго бочечнаго, т. е. выструганнаго очень тонко, дерева, вымачиваютъ ихъ въ водѣ до тѣхъ поръ, пока онѣ пріобрѣтутъ надлежащую степень гибкости.

сти, и тогда складывают въ трубу, представляющую изъ себя правильный прямой конусъ, который затѣмъ стягивается обручами (52). Но этотъ способъ самый трудный, такъ какъ требуетъ специальной работы, чисто бочарной, да еще притомъ тонкой и замысловатой.

Всякому, играющему на трубѣ, известно, что стѣники этого инструмента, чтобы выдуть изъ него тонъ ясный, чистый и звонкій, должны быть вполнѣ непроницаемы для воздуха. Малѣйшая щель въ стѣнкахъ, даже незамѣтная для невооруженного глаза, дѣлаетъ звукъ трубы сиплымъ, неяснымъ и глухимъ и кромѣ того, требуетъ отъ игрока сильнаго напряженія легкихъ. Дерево же въ этомъ отношеніи самый неблагодарный материалъ, такъ какъ, высыхая, обязательно даетъ трещины, какъ бы ни было оно прочно. Чтобы устранить это важное неудобство, придумывались весьма различные средства. Такъ, напримѣръ, въ южной Америкѣ, у наѣв въ Сѣдлецкой губерніи и въ Полѣсіи трубу всякий разъ передъ игрой кладутъ въ воду и даютъ ея дереву набухнуть. При этомъ водокна расширяются въ поперечномъ направлѣніи и затягиваются всѣ мелкія щели. Во-вторыхъ, какъ это намъ приходилось лично наблюдать въ Ломжинской губерніи, трубятъ только зимой и преимущественно въ морозные дни. Трубачъ стоитъ возлѣ колодца, обмакнеть трубу въ воду и даетъ ей заморзнуть, а потомъ трубить; когда же стѣники трубы отогрѣются отъ теплого воздуха, въ нее вдуваемаго, игра пріостанавливается, труба снова подвергается дѣйствію мороза и т. д. Съ той же цѣлью внутренность трубы заливаютъ расплавленной смолой или обтягиваютъ снаружи лыкомъ, гибкимъ тростникомъ, берестой, пергаментомъ или кожей. Но всѣ эти средства являются паліативами, такъ какъ устраниютъ трещины временно, окончательно же устраниютъ ихъ только замѣна дерева металломъ.

Получивъ возможность удлинять трубу по произволу, человѣкъ сталъ доводить ее до минимума, но при этомъ натолкнулся на новые препятствія. Съ удлиненіемъ инструмента прежде всего увеличился вѣсъ его, что отнимало у трубы ея портативность, кромѣ того, въ прямыхъ и длинныхъ трубахъ получилось невыгодное распределеніе тяжести при игрѣ. Игра на очень длинныхъ трубахъ, какія мы видѣли въ Южной Америкѣ, невозможна безъ подпорокъ или безъ помощи другихъ людей. Эти неудобства должны были или остановить человѣка въ погонѣ за низкимъ звукомъ на извѣстныхъ очень небольшихъ предѣлахъ или подвинуть его къ новымъ усовершенствованіямъ въ области трубной техники. И дѣйствительно, одни уменьшали до минимума толщину стѣнъ трубы и ея діаметръ, другіе облегчали вѣсъ трубы, замѣня дерево болѣе легкимъ материаломъ, какъ лыко, береста и кожа. Кожаныя трубы мы встрѣчаемъ, напримѣръ у древнихъ галловъ (53), а берестяныя — у галиційскихъ поляковъ, у латышей и великороссовъ. Третіи стали приго-

тovлять кривыя трубы, выбирай для нихъ изогнутые куски дерева и тѣмъ уменьшали общую длину инструмента. Но дерево рѣдко даетъ очень крутые изгибы, да и приготовление трубы изъ такихъ сильно изогнутыхъ кусковъ становится затруднительнымъ. Если же взять дерево слегка изогнутое, какъ это дѣлаютъ поляки для своихъ „лигавокъ“, то такая мѣра ощущительного удобства не принесеть. Гораздо практическѣе оказалось ломать деревянную трубу на куски и складывать ихъ такъ, какъ складываются въ настоящее время стволы фаготовъ и контрь-фаготовъ. Такія трубы, какъ было упомянуто выше, дѣлаютъ латыши. Однако, при складываніи колѣнъ трубы вѣроятно трудно было соединять концы ихъ, а потому такая труба, какую мы видимъ у латышей, представляетъ собою большую рѣдкость. Несравненно легче было изгибать мягкия трубы изъ кожи или бересты, какъ это мы видимъ у великороссовъ Олонецкой губерніи. Но такія трубы встречаются тоже не особенно часто вѣроятно по трудности всегда имѣть подъ рукой изобиліе бересты. Словомъ и здѣсь полное устраненіе препятствій стало возможнымъ для человѣка только съ замѣною дерева, какъ материала для постройки трубы, металломъ.

Трубы металлическія.

Хотя металлическія трубы должны явиться на свѣтъ какъ усовершенствованіе трубъ-раковинъ, роговъ и деревянныхъ и, следовательно, позже всѣхъ другихъ трубъ, но начало этого инструмента уходитъ также въ доисторическія времена. Дѣйствительно, мѣдные или бронзовыя трубы найдены въ раскопкахъ въ Европѣ, въ Азіи и въ Америкѣ. Въ Европѣ раньше всѣхъ была открыта знаменитая труба Копенгагенскаго музея, происхожденіе которой относить къ бронзовому періоду. Эта труба длиною въ 7 футъ, отлитая изъ двухъ кусковъ, была найдена въ началѣ 60-хъ годовъ текущаго столѣтія въ одномъ изъ могильныхъ холмовъ Шлезвига. Рядомъ съ нею помѣщалась низкая могила, обложенная плоскими камнями, съ остатками: одѣждъ изъ шкуръ животныхъ, полотнистой ткани, деревянныхъ сосудовъ, бычачихъ роговъ и проч. Труба эта прекрасно отлита изъ сплава 0,9 мѣди съ 0,1 олова, звукъ ея низкій, ровный и звонкій, муинштукъ широкій, а растрѣбъ плоскій какъ тарелка. Сама она изогнута въ видѣ буквы S съ такимъ разсчетомъ, чтобы обивала тѣло трубача и въ то время, когда муинштукъ приходился противъ его рта, растрѣбъ былъ обращенъ назадъ. Сначала, предполагали, что труба эта была привезена въ Данію съ востока въ готовомъ видѣ, но позже должны были признать, что она чисто мѣстного, датскаго происхожденія. Дѣйствительно, вмѣстѣ съ трубой, въ томъ же курганѣ, были

найдены и другіе предметы, отлитые изъ одного съ иною металла, и остатки тѣхъ материаловъ, изъ которыхъ производилась отливка. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстностяхъ Ютландіи и Шлезвига были найдены многіе предметы, отлитые подобнымъ же образомъ и изъ того же материала, вмѣстѣ съ формами, въ которыхъ производилась отливка и вмѣстѣ съ такими вещами, отливка которыхъ была неокончена (53). Позже таія же трубы много разъ находили въ Германской почѣ, въ Мекленбургѣ и въ Швеціи; рисунокъ одной изъ нихъ, взятый у Вейса (54), мы помѣщаемъ на табл. VI № 1. Экземпляръ такой трубы есть между прочимъ, и въ Берлинскомъ музѣѣ *für Volkerkunde*. Г. Мендель (55) въ своемъ музыкальномъ словарѣ говорить, что бронзовые трубы встречаются въ раскопкахъ кромѣ S-образной еще и въ формѣ, подражающей обыкновенному воловьему рогу. Эту послѣднюю трубу считаютъ даже древнѣе Копенгагенской. Тамъ же, гдѣ были найдены мѣдные трубы, открыта была каменная плита, на которой вырѣзана цѣлая сцена жертвоприношенія, сопровождаемаго танцами и игрой на трубахъ (56).

Кромѣ бронзовыхъ трубы при раскопкахъ въ Шлезвигѣ былъ найденъ также „золотой рогъ“ съ фигурами украшеніями по наружной поверхности и съ рунической надписью по краю раструба (57).

Въ Индо-Китаѣ, въ Бирмѣ, была также откопана бронзовая труба длиною въ 2 аршина, которая, подобно европейскимъ трубамъ, имѣеть форму буквы S, но состоять не изъ двухъ кусковъ, какъ въ Европѣ, а изъ 4-хъ. Эта труба хранится въ Парижскомъ музеумѣ Gurmet (табл. II № 27). Мѣдные трубы находили также и въ Америкѣ въ раскопкахъ по берегамъ рѣки Мисисипи (57 А).

Какого рода были древнія Американскія мѣдные трубы, мы не знаемъ, но европейскія и бирманскія приготавлялись отливкой по кускамъ, затѣмъ куски складывались и сдавались. Такой способъ приготовленія металлическихъ трубъ принадлежитъ глубокой древности, въ наши времена онъ уже почти не практикуется, такъ какъ отливкой никогда нельзѧ получить такого легкаго инструмента съ такими тонкими и плотными стѣнками, какъ сгибающіемъ изъ листовой мѣди, полученной проковкой или прокаткой. Однако, металлическія трубы, приготавленныя отливкой, попадаются еще кое-гдѣ въ народномъ употребленіи и до сихъ поръ. Такъ, напримѣръ, въ Индіи есть труба S-образной формы, сходная почти до полнаго тожества съ бирманской, она называется Комбѣ и экземпляръ ея можно видѣть въ Лондонскомъ India museum. Но такія трубы даже въ Индіи не часты. Такъ изъ множества Индійскихъ металлическихъ трубъ, сохранившихся въ Европейскихъ музеяхъ, кромѣ вышеупомянутой Комбѣ, есть только одна въ томъ же India museum подъ названіемъ Kombi, которая изогнута по дугѣ вродѣ

нашей валторны и состоит изъ 12, отлитыхъ изъ бронзы, колѣнъ, спаянныхъ между собою (табл. II, № 29). Хотя форма ея отличается отъ Кошбее, но близость названія даетъ право предполагать, что Кошбии или Кошбее въ Индіи называются вообще трубы отлитыя, въ отличие отъ согнутыхъ изъ листовой мѣди.

Всѣ металлическія трубы по ихъ формѣ можно раздѣлить на прямыя и согнутыя. Между прямыми различаются два сорта: 1) трубы постепенно расширяющіяся отъ мундштука въ раструбу, 2) похожія формою на бутылку съ выбитымъ дномъ, т. е. состоящія изъ двухъ короткихъ прямыхъ трубъ различного діаметра, соединенныхъ между собою.

Начнемъ съ прямыхъ первого сорта и обратимся прежде всего къ Индіи, отличающейся особыннымъ обилемъ металлическихъ трубъ. Сюда относятся:

1) *Nyasataraṅga*—мѣдная труба длиною около 1 ф. 2 д., представленная въ двухъ экземплярахъ въ Гамбургскомъ музѣ (табл. II, № 2). Она очень близка по своему названію виду и размѣрамъ къ:

2) *Nyasataraṅga*, серебряной трубы *India museum*, длина которой 1 ф. 3 д. (табл. II, № 6),

3) *Navaṭaṭcha*—мѣдная труба въ формѣ рупора или говорной трубы длиною около 1 ф. 9 д. (Берлинск. муз.),

4) *Tuttari*—труба изъ Мадраса, представленная въ двухъ экземплярахъ въ *India museum*, одинъ — около 1 ф. 10 д. длиной, а другой—болѣе 2 ф. 4 д. (табл. II, № 5); эта труба упоминается въ словарѣ Менделея подъ именемъ *Tutare* (58),

5) Труба оттуда же безъ названія въ томъ же музѣ длиною 2 ф. 4 д. (табл. II, № 6),

6) Труба изъ Непала той же длины и того же музѣя (табл. II, № 3),

7) *Hong*—съ широкимъ раструбомъ, длиною около 3 ф. въ Берлинскомъ музѣ (табл. II, № 12),

8) *Boṇi*—изъ Ориссы мѣдная труба съ деревяннымъ мундштукомъ, дл. 3 ф. 8 д. (*India mus.*),

9) *Kaha*—длина 4 ф. 6 д. (Берлинск. муз.)

и 10) *Taraī*—изъ Мадраса длиною 9 ф. 3 $\frac{1}{2}$ д. Кенсингтон. муз. (табл. II, № 4).

Послѣдняя труба, какъ кажется, одно и тоже, что *Tage* или *Ramsinga*, упоминаемая въ музыкальномъ словарѣ Г. Менделея (59) и у Амброса (60), длину ея г. Мендель опредѣляетъ въ 2 метра.

Въ Тибетѣ нѣть никакихъ трубъ кромѣ прямыхъ; повидимому, изогнутыя трубы не дозволяются тамъ обычаемъ. Самая короткая изъ нихъ, сохранившаяся въ Кенсингтонскомъ музѣ, имѣть 6 вершковъ длины, у ней нѣ-

сколько сплюснутый раструбъ. Затѣмъ слѣдуетъ Hwang teih длиною до 18 дюйм. съ раструбомъ въ видѣ разинутой части дракона (Кенсингтонск. муз.). Точно такого же вида два экземпляра трубъ около $1\frac{1}{2}$ аршина длиной есть въ Лейпцигскомъ музѣ. Онѣ сдѣланы изъ красной листовой мѣди съ оковками изъ латуни. Труба музея Guimet имѣеть до $1\frac{1}{4}$ аршина длины (табл. II, № 14). Труба Слагъ-дунъ Гамбургскаго музея изъ красной мѣди имѣеть $2\frac{1}{4}$ арш. длины. Оковки у нея изъ желтой мѣди, мундштукъ тарелкообразный, діаметръ раструба 5 д. (табл. II, № 26). Точно такія же двѣ трубы есть въ Лейпцигскомъ музѣ и двѣ въ Берлинскомъ. Еще болѣе длинныя трубы до 1 сажени въ длину изъ красной мѣди съ оковками възь латуни можно видѣть въ двухъ экземплярахъ въ Лейпцигскомъ музѣ. Наконецъ, самыя длинныя изъ Тибетскихъ трубъ до $2\frac{1}{2}$ саженъ длины при діаметрѣ раструба 10 дюйм. хранятся въ двухъ экземплярахъ въ Лейпцигскомъ и въ 4-хъ въ Берлинскомъ музѣ. Всѣ онѣ сдѣланы изъ красной листовой мѣди съ оковками изъ бѣлого металла, украшенными тисненіемъ орнаментомъ. Около раструба къ нимъ приклепаны бляшки съ кольцами для подвѣшиванія инструмента къ потолку храма.

Въ буддійскихъ кумирияхъ Монголіи, по описанію г. Поздѣева, есть также длинныя мѣдныя трубы буръ около 1 сажени длиною, т. е. такія же какъ и въ Тибетѣ (61).

Повидимому длинныя, прямыя, мѣдныя трубы составляютъ неизбѣжную принадлежность буддійскаго богослуженія, потому что онѣ есть и у калмыковъ въ Европейской Россіи (62).

Нашъ путешественникъ, г. Грумъ-Гржимайло, упоминаетъ про такія же трубы въ западномъ Китаѣ и называетъ ихъ за исполинскіе размѣры іерихонскими (63). Китайскихъ прямыхъ трубъ въ Европейскихъ музеяхъ представлено несолько сортовъ; въ отличіе отъ Тибетскихъ онѣ дѣлаются преимущественно изъ желтой листовой мѣди (латуни) и имѣеть очень тонкій, ровный по своей длини, стволъ около $1\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ д. въ діаметрѣ. Такихъ трубъ есть одна въ Кенсингтонскомъ музѣ, длиною 4 ф. 2 д. (табл. II, № 7), двѣ въ Луврскомъ и по одной въ музеяхъ Guimet, въ Лейпцигскомъ (табл. II, № 8) и въ Берлинскомъ ($1\frac{1}{2}$ аршина длины). Сюда же нужно отнести прямую, но болѣе короткую (2 фут.) трубу Кенсингтонскаго музея, названную однимъ именемъ съ Тибетской Hwang teih, а также трубу Берлинскаго музея Ля-па (около 1 арш. длин.).

Экземпляръ, похожій съ виду на китайскія прямые трубы длиною въ $1\frac{1}{2}$ аршина подъ именемъ „Японской трубы“, Раппа (Rappa), представлена въ Берлинскомъ музѣ.

У Таранчиццевъ въ восточномъ Туркестанѣ, по описанію Н. М. Пан-

тусова, есть прямая мѣдная труба, называемая *Карнай*, длиною 5 футъ, съ раструбомъ до 10 дюйм. въ діаметрѣ (64). У киргизовъ эта труба извѣстна подъ именемъ *керней* (65).

Кромѣ того, прямая металлическія трубы были и у древнихъ Ассирийцевъ, какъ показываетъ рисунокъ на одномъ язъ древнимъ барельефовъ (66) и существуютъ по сіе время у современныхъ персовъ (длиною въ человѣческій ростъ) (67), у грузинъ подъ именемъ „*буки*“ (68) и у свановъ (69).

О прямыхъ древне-еврейскихъ трубахъ хазозра или асосра мы уже говорили при описаніи деревянныхъ трубъ, а потому здѣсь остается только напомнить, что трубы эти кромѣ дерева дѣлались изъ мѣди и серебра.

Къ еврейской хазозрѣ очень близка Египетская длинная труба; музыкальными историками она считается даже праородительницей еврейской трубы, аббисинской, римской, этрусскої и греческой (70). Справедливо ли такое предположеніе, мы не знаемъ, да это для нась и не важно, несомнѣнно только то, что всѣ шесть перечисленныхъ трубъ очень сходны между собою, иначе не было бы смысла искать для нихъ одну общую праородительницу. Кромѣ длинной трубы у Египтянъ существовала още другая тоже прямая, но короткая, вродѣ нашего рупора.

Въ древней Европѣ прямая металлическая труба была у римлянъ подъ названіемъ *Тиба*, у грековъ подъ названіемъ *Аргивской* (71) и у кельтовъ подъ именемъ *Кагпіх*; у послѣдней раструбъ дѣлался въ видѣ раскрытой пасти животнаго (72). Въ средніе вѣка, какъ видно изъ историческихъ документовъ, хроникъ, древнихъ стихотвореній и рисунковъ тѣхъ временъ, въ западной Европѣ между множествомъ различныхъ трубъ встрѣчалась и римская *тиба* и, производная отъ нея, *tubesta*, но была тамъ и своя прямая очень длинная труба, извѣстная подъ именемъ *Salphinx* (73).

Въ восточной Европѣ прямые и длинныя металлическія трубы, похожія на римскую, были также извѣстны съ незапамятныхъ временъ, они изображены на фрескахъ катакомбъ, открытыхъ въ Керчи въ 1841 году. Фрески эти приписываются, какъ извѣстно, сарматамъ (74). Къ восточной же Европѣ нужно отнести турецкую и татарскую прямые трубы, которые были представлены на Парижской выставкѣ 1867 года (74 А). Польскія и русскія прямые же, но не мѣдныя, а жестаныя трубы мы разсмотримъ отдельно.

Къ прямымъ бутылкообразнымъ трубамъ принадлежитъ Индійская труба *Pinschamata Atti* — изъ Мадраса (табл. II, № 11), тонкая и болѣе короткая ея часть имѣеть 1 д. въ діаметрѣ, а толстая около 4 д. (въ Кенсингтонскомъ музѣѣ), экземпляръ такой же трубы изъ Китая есть въ музеяхъ Луврскомъ (табл. II, № 10), Guimet (въ Парижѣ), Британскомъ, Берлинскомъ (длин. около 1 арш.) и Гамбургскомъ (1 арш. 2 верш., табл. II,

№ 15). Отъ индійской китайская труба отличается тѣмъ, что у нея тонкая часть длиннѣе утолщенной.

Такія же трубы были въ средніе вѣка и въ Европѣ, судя по древнимъ рисункамъ и образцу, видѣнному нами въ Пражскомъ Национальномъ музѣѣ (табл. II, №№ 6 и 25).

Между пряммыми и изогнутыми трубами переходную форму составляютъ такія, у которыхъ раструбъ отогнуть въ сторону или назадъ; онъ напоминаетъ собою курительную трубку. Сюда принадлежать, во-первыхъ, китайскія мѣдныя трубы, которая значатся въ спискѣ древнихъ инструментовъ, составленномъ Китайскимъ императоромъ-мелодоманомъ, Кангъ-хъя, жившимъ въ концѣ VII вѣка по Р. Хр. (75). Совершенно одинаковые экземпляры этого рода китайской трубы имѣются въ Луврскомъ музѣѣ, въ музѣѣ Гимет (въ Парижѣ), въ Британскомъ, Лейпцигскомъ и Берлинскомъ (табл. II, № 9).

Такія же трубы существовали въ средніе вѣка въ западной Европѣ, какъ это видно изъ рисунковъ въ Кутногорской библіи 1489 года и изъ другихъ рисунковъ того же времени (табл. I, № 23) (76). Къ тому же типу трубъ принадлежать и римскій *lithus*, у которого раструбъ отогнуть въ сторону. Одинъ экземпляръ этой трубы былъ найденъ въ Англіи при очисткѣ рѣки Витамъ, около Таттерсгала въ Минкольшире. Онъ былъ мѣдный, но со слѣдами позолоты, длиною въ 4 фута, составной изъ 3 колѣнь (табл. VI, №№ 3 и 4) (77).

Дальнѣйшій переходъ къ современнымъ европейскимъ, сильно изогнутымъ трубамъ, составляютъ трубы свернутыя по дугѣ круга, у которыхъ мундштукъ почти сходится съ раструбомъ. Изъ Индійскихъ трубъ сюда принадлежитъ, кромѣ вышеупомянутаго Кошви, двѣ трубы *India museum*:

1) *Rana Singa*—изъ листовой мѣди, составленная изъ 5 колѣнь, длиною въ 1 ф. 10 д., раскрашенная разными яркими красками (табл. II, № 18).

и 2) Труба безъ названія, составленная также изъ пяти колѣнь и украшенная красными и желтыми рисунками.

Сюда же нужно отнести римскую металлическую трубу *Cogni*, которая первоначально приготавлялась изъ рога животныхъ, а позже изъ бронзы. Размеры этой трубы были весьма значительны, а потому она укрѣплялась прямой металлической поперечиной, служившей вмѣстѣ съ тѣмъ и ручкой, за которую ее носилъ музыкантъ. Изображеніе ея можно видѣть на барельефахъ колонны Траяна (78). При дальнѣйшемъ сгибаніи такой трубы каналъ ся образуетъ болѣе чѣмъ полную окружность, раструбъ съ мундштукомъ разойдется въ противоположныя направленія, а если при этомъ загибъ ея еще иѣсколько сплющенъ, то и получится современная европейская труба.

О трубахъ этой послѣдней формы въ Европѣ, образцомъ которыхъ можно

считать нашъ современный военный рожокъ, мы говорить не будемъ, такъ какъ вопросъ этотъ выходитъ уже изъ области этнографіи и относится цѣлкомъ къ исторіи Европейской музыки, но необходимо указать на трубы такого же вида у другихъ народовъ земного шара. Казалось бы, что перейти отъ формы римского согна къ современному европейскому корнету не было ничего легче; оставался лишь одинъ ничтожный шагъ, но между тѣмъ этотъ шагъ не переступилъ ни одинъ изъ цивилизованныхъ народовъ древнаго міра, ни Египтяне, ни Евреи, ни Ассирийцы, ни древніе Греки, ни даже Римляне. Кромѣ Европейцевъ XV-го вѣка его сдѣлали только Арабы и жители Индостана. Дѣйствительно арабская труба Нэфиръ оказалась настолько близка къ современной Европейской, что среди историковъ музыки возникъ даже вопросъ, не заимствовали ли Европейцы форму своей современной трубы отъ Арабовъ. Что касается Индіи, то тамъ есть нѣсколько сортовъ такихъ трубъ:

- 1) Двѣ трубы India museum изъ Мадраса одна около $\frac{3}{4}$ арш. длины изъ 4-хъ колѣнь (табл. II, № 17), а другая около 1 аршина длиною изъ трехъ,
- 2) Vanga — такая же труба длиною около 1 арш. (тамъ же и оттуда же) (табл. II, № 23),
- 3) Tigr — изъ 6 колѣнь, разрисованная красной, желтой и черной красками, длиною 2 ф. $\frac{3}{4}$ д. (тамъ же),
- и 4) Carnal — труба Непала длин. около $1\frac{1}{2}$ арш. (Берлинскій музей) (табл. II, № 13).

Чтобы закончить перечень всѣхъ сортовъ металлическихъ трубъ необходимо еще упомянуть о трубахъ изогнутыхъ волнообразно или въ видѣ змѣйки. Въ Индіи такихъ трубъ мы знаемъ только двѣ:

- 1) Труба изъ Непала въ India museum длиною около 1 арш. изогнутая только 2 раза (табл. II, № 16)
- и 2) Nackhina — въ Берлинскомъ музѣе, изогнутая нѣсколько разъ (табл. II, № 28).

Въ Европѣ этимъ трубамъ соответствуетъ средневѣковый Серпентъ, название которого происходитъ отъ „змѣя“. Намъ случилось видѣть три образчики этого инструмента: одинъ въ Нюренбергскомъ музѣе, другой въ Чешскомъ Национальномъ, а третій на Варшавской музыкальной выставкѣ 1888 года. Онъ дѣлся и изъ металла и изъ дерева (табл. I, № 28).

Всѣ пречисленные здѣсь металлическія трубы принадлежать исключительно Европѣ и Азіи, что же касается остальныхъ частей свѣта, то въ Америкѣ кромѣ замѣтки о мѣдныхъ трубахъ, открытыхъ при раскопкахъ, мы не нашли никакихъ намековъ на металлическія трубы, ни въ литературѣ, ни въ

осмотренныхъ нами, музеяхъ западной Европы. Въ Австралии также не было металлическихъ трубъ до прѣзда туда Европейцевъ. Что касается Африки, то, кромѣ металлическихъ трубъ древняго Египта, мы находимъ бронзовыя литыя трубы у негровъ Южнаго Конго; въ Берлинскомъ музѣи ихъ есть 3 экземпляра. Всѣ онѣ короткия и приготовлены въ формѣ воловыхъ роговъ съ мундштучнымъ отверстiemъ сбоку. Наружная поверхность этихъ трубъ украшена орнаментомъ.

Надо замѣтить, что, приготвляя металлическия трубы, человѣкъ старался формой ихъ подражать болѣе раннимъ своимъ трубамъ изъ раковинъ, изъ роговъ или изъ дерева. Такъ, напримѣръ, у римлянъ была мѣдная прямая труба, подражавшая своимъ видомъ раковинѣ. Такжѣ, какъ эта послѣдняя, она называлась *в ис си на* (табл. VI, № 2). Другая римская труба, известная подъ тѣмъ же названiemъ, была сильно изогнута и имѣла большой раструбъ (табл. VI, № 5). Римское согни подражало рогу животныхъ, прямая *Ти ба*—деревянной трубѣ, а *lituus*—деревянной трубѣ съ роговыми раструбами (см. рисунокъ).

Этимъ же обстоятельствомъ, намъ кажется, возможно объяснить, почему буддисты въ Тибетѣ при своемъ богослуженіи держатся исключительно прямыхъ трубъ. Вѣроятно этимъ трубамъ предшествовали деревянныя, которыхъ почти не встрѣчаются другого вида, кромѣ прямыхъ, а современные металлическия трубы Тибета очевидно подражаютъ своей формой деревяннымъ.

Трубы жестяныя.

Эти трубы мы помѣщаемъ отдельно отъ мѣдныхъ потому, что онѣ принадлежать новѣйшему времени, такъ какъ и самый материалъ для нихъ, жесть—произведеніе техники новѣйшихъ временъ. Несмотря на свою новизну, жестяныя трубы могутъ имѣть этнографической интересъ; онѣ дѣлаются не для высшихъ классовъ народа, а исключительно для деревенской бѣдноты и появляются только тамъ, гдѣ уже и ранѣе ихъ существовали трубы или роговыя или деревянныя, взамѣнъ этихъ послѣднихъ. Жестяную трубу намъ приходилось встрѣчать только у славянъ. Чешскій экземпляръ такой трубы, сохранившися въ частной коллекціи профессора Варшавскаго университета, Ф. И. Іезбера, изъ Брезницы, Писецкаго округа, представленъ нами на фотографическомъ снимкѣ (табл. V, лит. О). Сюда же относится труба русскихъ галичанъ изъ восточныхъ Карпатъ въ музѣи Напрѣтка въ Прагѣ (табл. I, № 30). Въ Царствѣ Польскомъ намъ случилось видѣть жестяную трубу подъ названiemъ *тромба* у пастуховъ въ ближайшихъ окрестностяхъ города Соколова, (въ дер. Воевудка) и въ окрестностяхъ города Плоцка, кромѣ того

она входитъ понемногу въ употребленіе взамѣнъ деревянной трубы въ уѣздахъ Радивицкому и Владавскому, Сѣдлецкой губ. Въ Россіи намъ известно о существованіе въ слѣдующихъ мѣстностахъ: въ гор. Рѣчицѣ Минской губ., въ ближайшихъ окрестностяхъ города Минска (табл. V, літ. М и N), въ и. Шкловѣ, Могилевской губ., въ окрестностяхъ города Брянска, Орловской губ., въ Череповецкомъ уѣзда, Новгородской губ. и въ Бердянскомъ уѣзде, Таврической губ.

Трубы стеклянныя.

Стеклянныя трубы представляютъ собою диковинку, которая впрочемъ не ограничивается какой-либо одною мѣстностью. Хотя по своей древности они много уступаютъ трубамъ изъ раковинъ, роговъ и даже металлическимъ, но все-таки въ Европѣ они далеко не новость. Такъ, въ Нюренбергскомъ историческомъ музѣи выставлена старинная стеклянная труба, изогнутая какъ современный корнетъ-а-пистонъ съ воронкообразнымъ раструбомъ и съ металлическимъ мундштукомъ. Далѣе намъ удалось узнать о существованіи стеклянныхъ трубъ у крестьянъ Сѣдлецкой губ.: въ окрестностяхъ Лохова (станціи Варшавско-Петербургской желѣзной дороги), въ селѣ Стара Весь, Венгровскаго уѣзда, въ ближайшихъ окрестностяхъ города Гарвалина и въ селѣ Долгоброды, Бѣльскаго уѣзда. Трубы эти, разумѣется, встрѣчаются только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ есть стеклянные заводы.

Вѣрованья, соединенные съ трубами.

Труба—инструментъ священный.

Изъ числа историческихъ свѣдѣній, которыхъ мы имѣемъ о трубахъ, наиболѣе древними и полными нужно считать библейскія. Въ древней исторіи евреевъ труба играла весьма значительную роль, неразрывно связанную съ религіей. Такъ, напримѣръ, самый выдающійся моментъ религіозной жизни еврейскаго народа, законодательство на горѣ Синайской, сопровождалось трубными звуками: „на третій день при наступленіи утра были (на горѣ Синайской) громы и молніи и густое облако надъ горою и трубный звукъ весьма сильный... И вывелъ Моисей народъ изъ стана... и стали у подошвы горы... и вся гора сильно колебалась, и звукъ трубный становился сильнѣе и сильнѣе...“ (79). Восхожденіе на гору Синай также было связано со звукомъ трубы (80): „...всякій, кто прикоснется къ горѣ, преданъ будеть смерти... скотъ ли то, или человѣкъ, да не останется въ живыхъ, во время

протяжного звука трубы (когда облако отойдет от горы), могут взойти на гору...“ Въ библіи есть кромъ того много мѣсть, гдѣ трубление предписывается отъ лица Божія, но мы вернемся къ нимъ впослѣдствіи.

Не менѣе высокимъ уваженіемъ пользуется труба и у другихъ народовъ Старого свѣта, такъ напр., въ Индіи маленький воловій рогъ, *Sringa*, считается любимѣшімъ инструментомъ божества Сивы (надпись Берлинскаго музея); раковина *Dévadatta*, по предавію, была подарена богами Арыонѣ, третьему брату Пандава (*India museum*), а индійская труба изъ человѣческой берцовой кости считается инструментомъ священнымъ (Кемпингтон. муз.).

У буддистовъ въ Монголіи, по словамъ г. Поздѣева (81), о мѣдныхъ трубахъ существуетъ преданіе, что они изобрѣтены въ угоду святому Шадма Самбавѣ его индійскими поклонниками и звукомъ своимъ подражаютъ „реву небесныхъ слоновъ“. Употребленіе же раковины въ качествѣ богослужебнаго инструмента преданіе относить ко временамъ самого Будды. Одну изъ такихъ раковинъ, по преданію, Буддѣ преподнесъ царь драконовъ. Ученики Будды употребляли ее для призыва къ богослуженію, а потому Будда приказалъ спрятать эту раковину подъ горою Дурихту, причемъ якобы предсказалъ, что она будетъ найдена Цзонхавою (основателемъ одной изъ буддійскихъ сектъ), что дѣйствительно и случилось при постройкѣ монастыря Галданъ-Хита. Въ этомъ монастырѣ, упомянутая раковина хранится и до сихъ поръ какъ чудотворная святыня.

У Японцевъ пяти инструментамъ: флейтѣ-траверсу, флейтѣ Пана, литаврамъ, гонгу и морской раковинѣ приписываютъ священный характеръ. Въ былые времена, какъ говорить народное преданіе, Великое Божество, освѣщающее міръ, не смогло выносить звукища постоянного безчеловѣчія людей и скрылось въ пещеры моря. Людямъ удалось выманить его оттуда игрою на пяти названныхъ инструментахъ; съ изобрѣтеніемъ музыки тьма исчезла съ лица земли (82).

По киргискому вѣрованію, солнце при восходѣ всегда уширается, а когда его заставляютъ восходить насильно, то „кричить пронзительнымъ голосомъ“. Если же люди не слышать этого крика, то это потому, что въ городѣ Джабулса, расположенному около того мѣста, гдѣ восходить солнце, трубить въ керней (трубу) и сурней (родъ гобоя) (83). Въ этомъ послѣднемъ разсказѣ можно видѣть какъ-бы отголосокъ японскаго преданія.

У грековъ Пливи называется изобрѣтателемъ военной трубы Пизія изъ Тиррена, сына Геракла и Лиды, т. е. человѣка полубожественнаго происхождения. По другому миѳу, изобрѣтеніе страшной военной трубы приписывается Пану (84).

По сказаниямъ Германской миѳологии, дорога къ Асгарду, небесному жилищу Боговъ, вела черезъ многоцвѣтный мостъ изъ радуги. По ней могли проходить только боги и герои, для великановъ же она была закрыта. Дорогу эту оберегалъ стражъ Асгарда, Геймдалъ, который могъ слышать, какъ растетъ трава на лугу и шерсть у овецъ. Если богамъ грозила опасность, то стражъ давалъ обѣтъ знать въ уками своего могучаго рога (85).

У древнихъ Египтянъ изобрѣтение рога приписывали Озирису (86).

Абиссинцы ведутъ происхожденіе своей трубы отъ Гудской и думаютъ, что она была подарена царицѣ Савской царемъ Соломономъ (87).

Современные христіане вѣрятъ, что въ день страшнаго суда Архангель Михаилъ затрубитъ въ трубу, и всѣ мертвые воскреснутъ.

Албанцы думаютъ, что на ихъ трубѣ когда-то игралъ самъ царь Давидъ (88).

Даже чехи своей трубѣ-раковинѣ придаютъ священное значеніе, говоря, что она была подарена имъ папой (89).

Изъ сопоставленія этихъ вѣрованій и миѳовъ видно, что звукъ трубы пріятенъ для божества или же оказываетъ ему услуги, что само божество изобрѣло этотъ инструментъ и даровало его людямъ, а слѣдовательно игра на трубѣ прямо богоугодное дѣло. Это вѣрованіе особенно арко обрисовывается вѣроученіемъ древнихъ и современныхъ евреевъ. Вопервыхъ всѣ предписанія еврейскаго Закона, касающіяся употребленія трубы въ разные моменты жизни народа Божія, не исключая и военной сигнализациі, исходятъ отъ самого Бога и передаются отъ его лица; „и въ день веселія вашаго и въ праздники ваши и въ новомѣсяція ваши трубите трубами при всесожженіяхъ вашихъ и при мирныхъ жертвахъ вашихъ...“ (90). „и когда пойдете на войну въ землѣ вашей противъ врага, наступающаго вѣасть, трубите тревогу трубами...“ (91). Одинъ день въ году у древнихъ евреевъ даже исключительно посвящался трубѣ, что уже прямо гранитъ съ культомъ этого инструмента: „и въ седьмой мѣсяцъ, въ первый (день) мѣсяца, да будетъ у васъ священное собраніе, никакой работы не работайте, пусть будетъ это у васъ день трубного звука“

У современныхъ евреевъ, какъ известно, сохранился обрядъ трубленія въ бараний рогъ въ синагогахъ и вѣтъ Талмудъ внушаетъ тѣмъ лицамъ, которые берутъ на себя исполненіе этого обряда, благоговѣйное отношеніе къ нему, рекомендуя проникнуться мысліемъ, что трубленіе совершается не ради наслажденія музыкой, а во исполненіе закона. По объясненію Талмуда, звуки шофера даютъ Ангеламъ силу и возможность плести изъ нихъ занавѣси и вѣнки въ небесныхъ чертогахъ. При этомъ требуется отъ каждого право-вѣрного еврея обязательное ежегодное выслушивание по крайней мѣрѣ девати

приемовъ игры на трубѣ, отъ которого онъ не освобождается даже въ случаѣ тяжкой болѣзни. Тотъ, кто по болѣзни не въ состояніи прійти въ синагогу для присутствія при совершеніи обряда Текіотъ шоферъ (т. е. трубленія въ рогъ), обязуется пригласить трубача къ себѣ на домъ и тамъ его выслушать. Кромѣ того требуется, чтобы звукъ шофера шелъ отъ трубы прямо и непосредственно въ ухо слушателя, а не быть бы отраженнымъ или преломленнымъ. Талмудъ перечисляетъ всевозможныя положенія, при которыхъ это можетъ случиться, вродѣ того, напримѣръ, что трубачъ находится на поверхности земли, а слушатель въ ямѣ и т. под. и прибавляется, что въ случаѣ сомнѣнія нужно начать выслушивание съизнова. Женщинъ Талмудъ освобождаетъ отъ обязанности выслушивания трубныхъ звуковъ, но обычай требуетъ его и вполнѣ прилагается въ этомъ отношеніи женщинъ къ мужчинамъ.

Подобные же взгляды на трубу существовали и существуютъ и у другихъ народовъ, признающихъ трубленіе религіознымъ обрядомъ, обязательнымъ при богослуженіи. Что же касается такихъ народовъ, которые придерживаются обычая трубить въ извѣстные дни или времена года, но у которыхъ этотъ обычай вовсе не связанъ съ ихъ религіей, то въ большинствѣ случаевъ они трубать, не разсуждая, въ силу привычки и во исполненіе дѣдовскихъ преданій, а потому на вопросъ о цѣли трубленія не всегда могутъ дать определенный отвѣтъ, но въ некоторыхъ случаяхъ и они назовутъ трубленіе „дѣломъ богоугоднымъ“ или скажутъ, что „не трубить-грѣшио“. Такъ, напримѣръ, намъ случилось толковать объ этомъ съ поляками Мазовецкаго уѣзда, Ломжинской губерніи, которые считаютъ для себя обязательнымъ трубить ежегодно въ теченіе Рождественскаго поста. Они объяснили, что трубленіе дѣло очень „хорошее, богоугодное“. Но на вопросъ, для чего нужны Богу трубные звуки, большинство отвѣчало или, что это „имъ неизвѣстно“ или, что „такъ дѣлали ихъ отцы и дѣды“. Только вѣкоторые высказали робкое предположеніе, что трубный звукъ помогаетъ Богу разгнать нечистую силу или, что труба напоминаетъ людямъ о необходимости поститься. Когда мы приобрѣли въ деревнѣ „лигавку“ для музея и возвращались на вокзалъ, въ полѣ попались намъ на встречу два незнакомые парни, которые остановили экипажъ просябой, дозволить имъ немножко по трубить на нашей „лигавкѣ“. Мы торопились на вокзалъ, а потому хотѣли имъ отказать, но возница изъ мѣстныхъ крестьянъ, объяснилъ, что „въ здѣшней мѣстности считается большими грѣхомъ не дать людямъ потрубить въ „лигавку“ во славу Божію“. Дѣлать нечего, пришлось согласиться, парни протрубыли каждый по нѣскольку нотъ, похвалили покупку и съ благодарностью ее возвратили.

Въ Гродненской губерніи, по рассказамъ тамошнихъ крестьянъ-малороссовъ, обычай трубить каждую осень поддерживается суевѣріемъ. Если въ какую-нибудь осень въ деревнѣ забросать трубу, то потомъ всякое деревенское несчастіе, какъ-то: неурожай, пожаръ, эпидемическую болѣзнь и проч. объясняютъ наказаніемъ Божіимъ за небреженіе къ дѣдовскому обычая.

Труба въ качествѣ священнаго инструмента сохраняется въ храмѣ и употребляется при богослуженіи.

У древнихъ евреевъ трубы не только сохранялись въ преддверіи храма, но и работать ихъ можно было только въ храмѣ и притомъ не иначе, какъ на ступеняхъ алтаря. Работа эта лежала на обязанности священниковъ изъ колѣна Ааронова (93). По словамъ еврейскихъ историковъ, труба употреблялась при каждомъ богослуженіи въ храмѣ Іерусалимскомъ. Въ будничные дни трубили семь разъ въ день: одинъ разъ утромъ, три раза—во время утренняго богослуженія и три раза—во время вечерняго. Въ праздники трубили чаще, и число инструментовъ тогда увеличивалось. Если трубили во время богослуженія, послѣ какой-либо молитвы, то трубный звукъ считался признакомъ того, что молитва принятая Богомъ (94). У современныхъ евреевъ бараний рогъ въ одномъ или нѣсколькихъ экземплярахъ обязательно хранится при каждой синагогѣ, но работаютъ его и продаютъ въ лавкахъ обыкновенные токари. Въ богослуженіи этотъ рогъ участвуетъ разъ въ годъ, о чёмъ рѣчь будетъ ниже.

О богослуженіи древнихъ Египтянъ и Ассирийцевъ до насъ не дошло такихъ полныхъ свѣдѣній, какъ о Іудейскихъ, но мы знаемъ однако, что у Египтянъ звукъ рога служилъ сигналомъ къ предстоящимъ жертвоприношеніямъ (95), а у Ассирийцевъ труба была необходимой принадлежностью храма, такъ какъ звукомъ своимъ собирала вѣрующихъ на богослуженіе (96).

Изъ комментарій къ Ведамъ мы узнаемъ, что и въ Индіи труба-раковина употреблялась брахинами въ храмахъ, для призыва вѣрующихъ на молитву (97). Тотъ же обычай сохраняется въ Индіи и до настоящаго времени (98).

О Сингалезахъ острова Цейлона говорятъ, что они страшно любятъ трубу и посвящаютъ ее своимъ храмамъ (99).

О Тибетѣ уже и говорить нечего, тамъ ни одно богослуженіе не обходится безъ трубъ. Въ Тибетскихъ храмахъ ламы (священники) поютъ съ аккомпанементомъ музыкальныхъ инструментовъ, между которыми самую видную роль играютъ трубы (100). Впрочемъ, тоже самое можно сказать и о всѣхъ буддистахъ. Г. Поздѣевъ подробно описываетъ обычай съ трубами въ буддий-

скихъ монастыряхъ Монголії. По его словамъ, между всѣми трубами первенствующую роль играетъ раковина. На жертвеникѣ буддійскихъ кумирнѣй, противъ главнаго бурхана (идола), въ числѣ „восьми жертвъ“ обыкновенно помѣщается „Дунъ-гаръ“ — символъ счастія... бѣлая раковина, издающа пріятные звуки на 10 странъ свѣта“. Кромѣ того, на жертвенный столъ ставятъ иногда особый приборъ, называемый „жертвой пяти чувствамъ“, на которомъ въ качествѣ „жертвы чувству слуха“ находится опять таки труба — раковина (101). Эта же труба употребляется въ качествѣ сигнального инструмента и для призыва къ богослуженію. Въ каждомъ буддійскомъ монастырѣ имѣется бурый шатъ, т. е. деревянный помостъ на четырехъ столбахъ, вышиной сажени въ $1\frac{1}{2}$ или 2, замѣняющій наши колокольни. На такой помостъ по лѣстницѣ подымается лама съ раковиной и трубить. Мѣдными трубами, также призываютъ въ храмъ на богослуженіе, но только въ такомъ случаѣ, если жилища ламъ раскинуты на обширномъ пространствѣ. Звуками раковины извѣщаютъ также о наступлѣніи того или другого важнаго момента въ богослуженіи, о прибытии хубилгана (буддійского святого) и т. п. (102).

Въ кумирнѣяхъ нашихъ калмыковъ также сохраняется иѣсколько сортовъ музыкальныхъ инструментовъ, въ числѣ которыхъ есть раковины, рога и очень длинныя трубы. Во время богослуженія жрецы поютъ иногда безъ аккомпанемента, иногда же съ аккомпанементомъ оркестра (103).

У Бурятъ въ Забайкальи, въ Гусиноозерскомъ дацанѣ (храмѣ) въ богослуженіи участвуютъ также длинныя мѣдныя трубы и большія раковины. По разсказу очевидца, „чтеніе длится съ полчаса и прерывается безъ мѣры оглушительнымъ концертомъ: бой барабановъ и прямо ревъ въ громадныя трубы. Кончается концертъ и снова начинается протяжное членіе Ганьчжура ламами, затѣмъ опять музыка и т. д. безъ конца“ (104).

У Китайцевъ, какъ видно изъ надписи Кенсингтонскаго музея, большія раковины-трубы также употребляются при буддійскомъ богослуженіи.

Въ древнемъ Римѣ участіе трубачей при богослуженіи и при жертво-приношеніяхъ также считалось обязательнымъ.

У древнихъ Литовцевъ музыка, состоявшая изъ трубъ, роговъ, бубновъ, котловъ и пищалокъ обязательно сопровождала обрядъ самой большой жертвы, приносившейся въ особо важныхъ случаяхъ главнымъ жрецомъ, Кревэ-Кревайто, и вообще труба и бубенъ употреблялись при всѣхъ жертвенныхъ обрядахъ, когда ихъ совершали высшіе жрецы (105). У древнихъ поморскихъ славянъ въ ихъ Штетинскомъ храмѣ между прочими богатствами сохранялись рога, приспособленные къ музыку (106).

Обычай сохранять трубы въ храмѣ и употреблять ихъ для благовѣста существовалъ въ старину и у христіанъ. Въ 9 вѣкѣ (107) онъ практи-

ковался между прочимъ въ Византіи. Что касается западной Европы, то тамъ я до сихъ поръ во многихъ христіанскихъ храмахъ сохраняются древніе рога. Одинъ изъ такихъ случаевъ мы уже приводили съ олифантомъ Карла Великаго, сохраняемымъ въ сокровищнице Аахенского собора.

У французскихъ крестьянъ въ Шато и Бурбонѣ до настоящаго времени существуетъ, какъ остатокъ глубокой старины, обычай во время страстной недѣли, когда у католиковъ бываетъ такъ называемый „постъ колоколовъ“, призываѣтъ народъ къ богослуженію игрой на деревянныхъ трубахъ. Молодые парни, на обязанности которыхъ лежитъ такой благовѣстъ, вѣзаютъ тогда на деревенскую колокольню (108). Такой же обычай сохранился и у христіанского народа Сванетъ на Кавказѣ. У нихъ въ числѣ древностей въ старыхъ церквяхъ сохраняются мѣдныя трубы. Трубы эти, по преданію, замѣняли когда-то колокола и теперь еще по большимъ праздникамъ достаются эту традиціонную вещь и трубятъ въ нее, созывая народъ въ церковь, какъ это дѣжалось въ древности (109).

У Абиссинцевъ, сохранившихъ въ своихъ религіозныхъ обрядахъ много чертъ христіанства первыхъ вѣковъ, хотя нѣть обыкновенія употреблять трубу въ храмѣ при богослуженіи, но есть однако обычай трублениія, находящійся въ непосредственной связи съ храмовой службой. Вотъ что разсказываютъ объ этомъ очевидцы:

„Кающіеся... не входятъ даже въ ограду храма, а молятся или у самой подошвы священнаго холма (на которомъ построена церковь) или далеко—далеко отъ него, въ какихънибудь уединенныхъ долинахъ... Клиры нѣкоторыхъ богатыхъ соборовъ, заботясь объ утѣшениіи всакаго рода плачущихъ, кающіихся, подверженныхъ очищенію,—устраиваютъ для нихъ особую церковную музыку виѣ храма. Для этой цѣли употребляется труба „нагарить“, необыкновенно дѣйствующая на чувство абиссинцевъ. Когда она издается звуки церковной мелодіи, соответствующей той, которая одновременно съ этимъ раздается въ храмѣ,—стоящіе далеко отъ храма приходятъ въ молитвенный восторгъ“ (109 А). А объ одномъ изъ абиссинскихъ народовъ, Галла, путешественники разсказываютъ, что у него „богослуженіе совершається подъ развѣсистымъ деревомъ. Молящіе бываютъ головой объ стволѣ дерева, поютъ и трубать въ бамбуковую трубу, называемую „fagga“ и въ этомъ заключается весь богослужебный обрядъ“ (110).

На трубахъ играютъ или духовныя лица или люди, занимающіе выдающееся положеніе въ обществѣ.

У древнихъ евреевъ игра на трубѣ была возложена на членовъ высшаго еврейскаго сословія, священниковъ. Въ библіи прямо говорится: „сыны

Аароновы, священники, должны трубить трубами, это будетъ вамъ постановлениемъ вѣчнымъ въ роды ваши" (111).

Въ Индіи, какъ мы уже видѣли, трубленіемъ во время религіозныхъ торжествъ занимаются съ древнихъ временъ брамины, т. е. жрецы и въ тоже время люди, принадлежащіе къ высшей кастѣ. Кроме того, странствующіе дервиши, пользующіеся также высокимъ уваженіемъ въ Индійскомъ обществѣ, всегда имѣютъ при себѣ трубу-раковину и игрой на ней даютъ знать бого-мольцамъ о своемъ прибытіи въ городъ (112).

У Буддистовъ въ Тибетѣ, Монголіи и у бурятъ въ Забайкальи обязанность трубленія въ храмахъ возложена на буддійскихъ жрецовъ ламъ (113). По описанію г. Поздѣева, въ монгольскихъ монастыряхъ для игры на каждомъ инструментѣ есть лама—специалистъ, носящій особое название. Такъ называются дуинчи или лабайчи, на мѣдныхъ трубахъ играютъ ламы бурѣчи, наконецъ благовѣсть лежитъ на обязанности ламъ, мэдэчи (114).

Въ западномъ Китаѣ, у подножія Божіяго трона, по описанію Грумъ-Гржимайло, трубленіемъ во время богослуженія занимаются хошани т. е. жрецы (115).

Въ древне-римскомъ обществѣ трубачи также занимали почетное положеніе. Плутархъ разсказываетъ, что благочестивый Императоръ, Нумъ Помпілій, при распределеніи римскихъ гражданъ по профессіямъ и ремесламъ поставилъ трубачей на первое мѣсто, потому что они участвовали при богослуженіи. А изъ одного эпизода, разсказанного Ливіемъ изъ Семнитской войны, видно, что римскіе трубачи осмѣливались даже отказывать въ повиновеніи сенату, до такой степени высоко было ихъ общественное положеніе (116).

У древнихъ галловъ національная музыка стояла въ тѣсной связи съ ихъ религіозными обрядами, а потому находилась въ рукахъ друидовъ (жрецовъ), власть которыхъ была выше власти правительства. Музыкальными исполнителями являлись сами друиды и ихъ ближайшіе помощники, барды. Музыку этихъ послѣднихъ императоръ Юліанъ сравниваетъ съ воемъ дикихъ звѣрей и съ карканьемъ вороновъ, а Діодоръ разсказываетъ, что они производили страшный ревъ трубами (117). Позже, во времена процвѣтанія въ западной Европѣ рыцарства, рогъ, висацій на шеѣ (преимущественно олифантъ изъ слоновой кости), былъ однимъ изъ атрибутовъ рыцаря, дворянина и военноначальника. Онъ служилъ для передачи приказаний на далекое разстояніе какъ въ бою, такъ и на охотѣ. У каждого изъ насть по романамъ и картинкамъ изъ средневѣковой жизни твердо запечатлѣлся въ памяти образъ рыцаря, подъѣзжающаго къ какому-нибудь замку и дающаго знать о своемъ прибытіи трубнымъ звукомъ. Подобныя картинки воспроизведили когда-то бывшую дѣйствительность. Вмѣстѣ съ паденіемъ рыцарства

исчезъ и этотъ обычай, или лучше сказать не исчезъ, а принялъ другую форму: когда позже короли, князья и важные сановники выѣзжали куда-либо въ путь, то они высыпали впереди себя трубачей, дававшихъ знать игрой на трубѣ о ихъ приближеніи. Въ еще болѣе позднія времена исполнители этой функции назывались *laugr'ami* (что-то вродѣ скороходовъ) (118). Обычай этотъ долго существовалъ въ такомъ видѣ во всей западной Европѣ, пока новые условія жизни не заставили и его измѣниться, принеся еще болѣе новый видъ. Съ проведеніемъ дорогъ и съ устройствомъ почты, обязанности *laugr'ovъ* мало по малу перешли къ почтовымъ служителямъ и кондукторамъ дилижансовъ. Въ наше время, когда почтовыя кареты въ свою очередь уступаютъ мѣсто желѣзно-дорожнымъ вагонамъ, трубленіе становится уже совершенно излишнимъ, но память о старинномъ обычай не исчезла окончательно, такъ какъ труба становится эмблемой почтоваго вѣдомства и украшаетъ стѣны почтовыхъ вагоновъ. Вотъ какой рядъ превращеній потерпѣлъ поэтическій обычай средневѣковыхъ рыцарей извѣщать о своемъ прибытіи трубнымъ звукомъ. Но все это совершилось, конечно, не сразу, а въ строгой постепенности. Такимъ же образомъ, можно было бы возстановить рядъ переходныхъ ступеней между военноначальникомъ среднихъ вѣковъ, лично передававшимъ свои приказанія войскамъ при помощи трубы и современнымъ пѣхотнымъ солдатикомъ - горнистомъ, между привилегіей, нѣкогда дававшей право трубить только лицамъ высокопоставленнымъ, и скромной обязанностью современного оркестроваго музыканта, трубящаго на танцевальныхъ вечерахъ, чтобы заработать свой скучный кусокъ хлѣба. Но мы этого дѣлать не будемъ, а лишь приведемъ въ видѣ иллюстраціи два примѣра, касающіхся трубы, изъ времена промежуточнаго между поэтическимъ вѣкомъ рыцарей и нашей прозаической эпохой. Однимъ изъ этихъ примѣровъ можетъ служить преданіе, относящееся къ 15-му вѣку, которымъ нѣмецкіе историки музыки доказывали, что современная валторна (*Waldhorn*) была изобрѣтена нѣмцами. Изобрѣтеніе это приписываютъ Тюрингенскимъ крестьянамъ, которые трубили на своихъ празднествахъ въ прямую трубу, а когда этотъ инструментъ былъ имъ запрещенъ тогдашнимъ помѣщикомъ, такъ какъ прямые трубы считались исключительной привилегіей двора, то они согнули свою прямую трубу и назвали ее валторной (*Waldhorn*). Другой примѣръ — это разсказъ объ обществахъ трубачей, существовавшихъ когда-то въ Германии въ тѣ времена, когда трубленіе уже перестало быть привилегіей рыцарей. Интересно, что члены такихъ обществъ, по старой памяти, еще долгое время пользовались всеобщимъ почетомъ. Ученіки въ эти общества выбирались съ большимъ разборомъ, а когда, по выдержаніи установленнаго

възамена, они принимались въ члены общества, то надъ ними совершился, какъ нѣкогда надъ рыцарями, обрядъ посвященія посредствомъ пощечины (119)

Какъ отдаленное эхо рыцарского обычая носить при себѣ рогъ, до недавнихъ порь сохранялось обыкновеніе у знатныхъ польскихъ магнатовъ и у нашихъ русскихъ помѣщиковъ старыхъ временъ вмѣстѣ съ образцами оружія собирать у себя коллекцію охотничихъ роговъ и развѣшивать ихъ по стѣнамъ своихъ кабинетовъ. Еще недавно намъ пришлось осматривать богатую коллекцію такихъ роговъ, между которыми были и трубы-раковины, въ „палацѣ“ князя Сангушко въ м. Славутѣ (Волынской губ.).

Что рассматриваемое нами почетное положеніе въ обществѣ трубачей не составляетъ исключительной принадлежности Европы и Азіи, видно изъ того, что разсказываютъ путешественники о султанствѣ Баггирми въ Центральной Африкѣ. Тамъ во время торжественныхъ выѣздовъ султана впереди процессіи идетъ отъ 8 до 12 человѣкъ музыкантовъ, играющихъ на длинныхъ деревянныхъ трубахъ. Трубы эти вмѣстѣ съ литаврами и барабанами принадлежать къ королевскимъ регаліямъ, а музыканты, на нихъ играющіе, ведутъ свой родъ отъ брата первого баггирмійского короля, слѣдовательно, принадлежать къ королевскому роду. Благодаря своему высокому происхожденію, они пользуются даже особой привилегіей, считающейся въ Баггирми весьма почетной, а именно: при входѣ во дворецъ султана все подданные его должны снимать оружіе и обувь и обнажать свои плечи, тогда какъ трубачи, наравнѣ съ чужеземцами, имѣютъ право своихъ плечъ не обнажать (120). Здѣсь сходство съ Европой, кромѣ высокаго происхожденія трубачей, заключается также и въ томъ, что трубы принадлежать къ числу королевскихъ регалій и что въ торжественномъ выходѣ короля ему предшествуютъ трубачи. Другой примѣръ такого же обычая даетъ путешественникъ по Африкѣ, Швейнфуртъ, который разсказываетъ, что король народа Момбутту, въ восточномъ Суданѣ, появлялся на аудіенцію при звукѣ рожка (121). Наконецъ, въ южной Африкѣ у народа Мганге шаманы, соотвѣтствующіе сѣверно-Азіатскимъ и Американскимъ, имѣютъ при своихъ заклинаніяхъ не бубенъ и трещетку, какъ въ Азіи и Америкѣ, а волшебный рогъ или трубу. Тоже самое и у папуасовъ на Ново-Гебридскихъ островахъ. Шаманы здѣсь, какъ извѣстно, замѣняютъ жрецовъ (122).

Изъ приведенныхъ примѣровъ мы убѣждаемся, что игра на трубѣ считалась въ старину какъ бы привилегіей двухъ почетнѣйшихъ классовъ общества: духовенства и военного сословія. Имѣя это въ виду и обращаясь къ другимъ народамъ, у которыхъ еще сохранился обычай трубленія въ различные моменты ихъ жизни, но игра на трубѣ уже не составляетъ привилегіи духовного или военного сословія, мы найдемъ, однако, въ современныхъ обы-

чаяхъ этихъ народовъ много остатковъ того же общаго правила, которое мы подтверждали вышеуведенными примѣрами. Мы увидимъ, что лица, на которыхъ у разныхъ народовъ возлагаются обязанности трубачей, стоять въ наиболѣе близкомъ соотношении или къ военному или къ духовному сословію. Дѣйствительно, у громаднаго большинства народовъ, сохранившихъ у себя трубу, за небольшими исключеніями, о которыхъ будетъ сказано ниже, трубленіемъ занимаются только мужчины, т. е. тотъ полъ, изъ которого у большинства народовъ рекрутируется и духовное и военное сословія. Кроме того, у многихъ народовъ изъ числа мужчинъ трубятъ только взрослые неженатые юноши, т. е. люди въ возрастѣ, когда они наиболѣе способны сдѣлаться воинами. Это мы наблюдаемъ, напримѣръ, у поляковъ Ломжинской и Сѣдлецкой губерніи и у малороссовъ Сѣдлецкой, Гродненской, Волынской и Минской губ., у которыхъ, какъ мы увидимъ ниже, существуетъ обычай для взрослыхъ юношъ ежегодно осенюю трубить въ трубу. Въ иныхъ мѣстахъ трубленіе является даже какъ бы виѣшнимъ признакомъ того, что юноша уже достигъ совершеннолѣтія. Такъ у латышей Добленскаго уѣзда Курляндской губерніи, если молодой парень собирается жениться, то въ лѣтніе вечера трубить въ свой рогъ (123). Нѣчто подобное существуетъ и въ Полинезіи. Тамъ юноша, желающій, чтобы его приняли въ общество взрослыхъ, и имѣющій на это право по своимъ годамъ, подкрадывается къ сбѣдней деревнѣ, поражаетъ кого-нибудь стрѣлой, отрѣзаетъ убитому голову и, возвращаясь домой, въ свою деревню, еще издали даетъ сигналъ о своемъ прибытіи игрою на бамбуковой трубѣ (124). Даже общезнѣстный и распространенный во всей Европѣ обычай, по которому труба неразлучна съ должностю пастуха подтверждаетъ высказанное нами положеніе, такъ какъ должностъ пастуха, стоящая въ наше время очень низко на общественной лѣстнице, въ древности далеко не была такою. Это мы видимъ во-первыхъ изъ того, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы пастухи занимаются врачеваніемъ, т. е. исполняютъ функцию, принадлежавшую нѣкогда исключительно духовному сословію. Такого рода явленіе хорошо известно, напримѣръ, въ Польшѣ, гдѣ даже въ настоящее время интеллигентные или полуинтеллигентные люди, извѣрившись въ докторахъ, прибѣгаютъ къ помощи пастуховъ. Слѣда же относится обычай, въ силу которого у вѣкоторыхъ народовъ къ доенію коровъ допускаются только мужчины. Этотъ обычай мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ въ Африкѣ (125), въ Европѣ же онъ соблюдается только при доеніи овецъ у гагаузовъ, болгаръ, молдаванъ, гуцоловъ (въ Галиціи) и у крымскихъ татаръ. Все это, конечно, только остатки нѣкогда широко-распространеннаго культа быка, который едвали не въ наибольшей чистотѣ сохранился въ настоящее время у народа то-

довъ въ Остъ-Индіи. У этихъ послѣднихъ молоко-жидкость божественная, а доеніе—священнодѣйствіе. Доеніемъ занимается жрецъ изъ клана пейковъ (въ родѣ левитовъ), живущій въ безбрачіи, пока онъ доитъ; его помощники также обязуются соблюдать половое воздержаніе. Молочная—мѣсто святое, въ которое имѣютъ право входить один только жрецы, другіе мужчины могутъ дотрагиваться до ея ограды, но женщины нельзя приближаться къ частоколу ближе чѣмъ на 30—40 шаговъ... (126). У галяцкихъ гуцуловъ на ихъ половины (горныя пастбища) также не допускается ни одна женщина (127). Отсюда можно заключить, что и въ Европѣ пастухи нѣкогда были жрецами, а въ настоящее время удержали за собою трубленіе, какъ одну изъ древнихъ привилегій духовнаго класса..

Но есть, какъ мы говорили выше, мѣстности гдѣ трубятъ исключительно женщины или дѣвушки. Такой обычай, напримѣръ, наблюдается у черемисъ Уржумскаго уѣзда Вятской губерніи по вечерамъ въ теченіе всей осени. Подобный же обычай существуетъ и у шведскихъ дѣвушекъ крестьянъ: лѣтомъ на пастбищахъ (128). Кромѣ того, въ Парижскомъ музѣи Guimet мы видѣли трубу-раковину изъ Лаоса (въ Индо-Китаѣ), принадлежащую племени Луангъ-Прабангъ, о которой въ надписи сказано, что въ нее трубятъ женщины при религіозныхъ профессіяхъ. Наконецъ, у военнаго отряда дагомейскихъ амазонокъ имѣется также женскій оркестръ, состоящій изъ трубъ (129). Эти четыре факта, повидимому, противорѣчать, высказанному нами выше, правилу о личностяхъ, на которыхъ возлагается трубленіе, но здѣсь противорѣчіе только кажущееся. Дѣйствительно, существованіе воинственныхъ женщинъ-амазонокъ, какова бы ни была причина появленія ихъ на свѣтѣ, должно быть признано историческимъ или предъисторическимъ фактомъ, такъ какъ его подтверждается слишкомъ много данныхъ, историческихъ и этнографическихъ, чтобы можно было ими пренебречь. А въ такомъ случаѣ вполнѣ естественно, что вмѣстѣ съ функцией воина на женщинъ-амазонокъ переходили и другія права и привилегія мужчинъ, а въ томъ числѣ и право трубленія. Интересно, что въ трехъ изъ упомянутыхъ нами мѣстностей, гдѣ трубятъ женщины, сохранились и другія данныя, если не доказывающія, то намекающія на пребываніе въ тѣхъ краяхъ амазонокъ. Про Дагомѣ уже и говорить нечего, такъ какъ врядъ ли кто не знаетъ объ отрядѣ дагомейскихъ амазонокъ, доходившемъ численностью до 4000 и составлявшемъ гвардію дагомейскаго короля. Тоже самое, только въ меньшихъ размѣрахъ существуетъ и въ Сіамѣ, въ которому Лаось находится въ весьма близкихъ отношеніяхъ какъ политическихъ, такъ и этнографическихъ. При Сіамскомъ королѣ есть также батальонъ гвардіи изъ амазонокъ-дѣвушекъ, содержащей караулы при королевскомъ дворцѣ (130). У шведовъ, хотя не

существуетъ ничего подобнаго, но есть однако странный обычай въ провинции Bleking, по которому новобрачной на другой день послѣ свадьбы дарить оружіе всѣхъ сортовъ (131). Очевидно, что это оружіе когда-то дѣйствительно нужно было тамошнімъ женщінамъ и обычай дарить его новобрачной сохранился до нашего времени только въ видѣ *перекладія* отдаленнаго прошлаго.

При богослуженіяхъ въ храмахъ изъ трубъ составляется оркестръ.

У древніхъ евреевъ по закону число трубачей въ храмѣ и вѣтъ его было не менѣе двухъ, хотя могло увеличиваться и до 120, но при этомъ всегда было четнымъ, т. е. трубачи считались не иначе, какъ парами (132). Правило это основывалось вѣроятно на слѣдующемъ мѣстѣ Библіи: „И сказалъ Господь Моисею: сдѣлай себѣ въ серебрянныя трубы... чтобы они служили тебѣ для созыванія общества... (133)“.

Любопытно, что подобное же правило наблюдается и у буддистовъ, когда они составляютъ свои храмовые оркестры. У г. Поздѣева о монгольскихъ монастыряхъ говорится, что ламы, играющихъ на трубахъ-раковинахъ, въ самыхъ малыхъ монастыряхъ бываетъ не менѣе двухъ, а играющихъ на мѣдныхъ трубахъ никакъ не менѣе четырехъ, хотя въ большихъ монастыряхъ, при особо торжественныхъ богослуженіяхъ, г. Поздѣевъ насчитывалъ ихъ до 40 и болѣе.

Тоже самое видимъ мы и въ Тибетѣ: англійскій путешественникъ 18-го вѣка, капитанъ Турнеръ, описывая одну изъ религіозныхъ процессій, которую ему случилось наблюдать въ этой мѣстности, говоритъ, что ламы, игравшіе на большихъ трубахъ, было 10, барабанщиковъ 20, цимбалистовъ 20, и 2 дули въ раковины (134).

Въ Берлинскомъ этнографическомъ музѣ выставлена модель самыхъ пышныхъ китайскихъ похоронъ. Здѣсь участвуютъ 3 пары музыкантовъ трубачей, идущихъ одна за другой, причемъ каждая пара снабжена однимъ сортомъ трубъ, одна пара играетъ на прямыхъ трубахъ, другая — на согнутыхъ, а третья на прямыхъ, утолщенныхъ на концѣ.

Соответственно этимъ азіатскимъ оркестрамъ, въ Европѣ, какъ известно, оркестры приняты въ церквяхъ католическихъ.

Порядокъ трубленія предписывается религіозными законами.

У древніхъ евреевъ порядокъ трубленія предписывался отъ имени самого Бога. Въ библіи говорится: „и когда пойдете на войну... противъ врага, наступающаго

иа вась, трубите тревогу трубами... когда одною трубою затрубать, поднимутся стани, становящіеся къ сѣверу, тревогу пусть трубать при отправлениі ихъ въ путь... (135)». Во время странствованія евреевъ по пустынѣ одинъ длинный звукъ призывалъ на собрание старшинъ, два такие же звука собирали весь народъ, одинъ короткій звукъ означалъ снятие стана и выступленіе, а два—призывъ къ битвѣ (136).

Что касается современныхъ евреевъ, то для ихъ трубленія въ синагогѣ выработана цѣлая сложная система звуковъ. Правила этой системы мы записали отъ кантора одной изъ Варшавскихъ синагогъ; вотъ они:

Трубачъ выдуваетъ изъ шофера всегда только одну ноту, наиболѣе легкую для него, но эта нота должна воспроизводиться по тремъ опредѣленнымъ приемамъ, изъ которыхъ каждый имѣть свое название:

1) Текія—звукъ длинный и ровный съ начала до конца.

2) Тэрюа—такой же протяжный звукъ, при которомъ трубачъ, не переводя духа, долженъ сдѣлать 9 ударовъ языкомъ. Пріемъ этотъ Талмудъ уподобляетъ плачу.

и 3) Шеваримъ (по еврейски-ломаный) группа изъ 9 равныхъ короткихъ звуковъ, взятыхъ Stacato съ ударами языкомъ при каждомъ. Это рядъ синкопъ въ такомъ родѣ:

 . Талмудъ уподобляетъ этотъ пріемъ стеканіямъ. Пріемъ

длительность всѣхъ трехъ, перечисленныхъ нами, пріемовъ должна быть совершено одинакова. Изъ нихъ, какъ мы увидимъ ниже, при служеніи въ синагогѣ, составляется извѣстная весьма сложная комбинація звуковъ, строго опредѣленная закономъ.

Нѣкоторыя изъ правилъ трубленія, предписанныхъ ламамъ въ буддийскихъ монастыряхъ, передаетъ намъ г. Позднѣевъ (137): при созываніи народа къ богослуженію звукъ раковины долженъ раздаваться 3 раза. Начавшись съ самого сильного и производительного, онъ долженъ постепенно ослабѣвать въ силѣ до тѣхъ поръ, пока не замреть окончательно вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ истощится запасъ воздуха въ груди трубача. Затѣмъ, передохнувъ, лама долженъ начать съ того самого слабаго звука, которымъ онъ кончилъ предыдущій пріемъ, и возвести его опять до степени максимума. Полный благовѣсть заключается въ себѣ три такихъ отдаленія. Если благовѣстъть мѣдными трубами, то тогда трубить уже два ламы поочередно каждый по 3 раза на всѣ четыре стороны свѣта. Послѣднаго правила, т. е. трубленія на четыре страны свѣта придерживались и древніе литовцы, но только не при богослуженіи, а при выступленіи на войну, это называлось у нихъ: трубить на четыре вѣтра (137 А).

Трубному звуку приписывается чудодейственная сила.

Върованье въ чудодейственную силу трубныхъ звуковъ уже само собой вытекаетъ изъ убѣжденія, что труба—инструментъ священный и что изображеніе ея принадлежитъ божеству или совершено при участіи божества. Мы хотимъ здѣсь привести лишь иллюстраціи къ этому върованью. Одну изъ такихъ иллюстрацій даетъ намъ вышеприведенное японское народное преданіе о томъ, какъ звуками музыки вызвано было само божество, но здѣсь труба не занимаетъ первенствующаго положенія, она поставлена наряду съ другими инструментами.

Несравненно болѣе характернымъ является, всѣмъ намъ хорошо извѣстный, эпизодъ съ Иерихонскими трубами. Вотъ какъ передается онъ въ библіи: „Тогда сназаль Господь Иисусу (Навину): вотъ я предаю въ руки твои Иерихонъ—пойдите вокругъ города... и обходите городъ однажды (въ день)... и дѣлайте это 6 дней, и семь священниковъ пусть несутъ семь трубъ юбилейныхъ (въ славянскомъ текстѣ сказано: „трубъ рожаныхъ“ т. е. роговыхъ) передъ ковчегомъ, а въ седьмой день обойдите вокругъ города семь разъ и священники пусть трубатъ трубами, когда затрубить юбилейный рогъ, когда услышите звукъ трубы, тогда весь народъ пусть воскликнетъ громкимъ голосомъ, и стѣна города обрушится до своего основанія“... (138).

У буддистовъ, какъ мы уже приводили выше, раковина-труба, подаренная Буддѣ царемъ драконовъ, сохраняется въ монгольскомъ монастырѣ Галданъ-хита какъ чудотворная святыня (139).

Трубы участвуютъ въ религіозныхъ процессіяхъ.

О религіозныхъ процессіяхъ древнихъ евреевъ врядъ ли нужно много распространяться, такъ какъ у нихъ каждое торжество, каждое общественное собраніе сопровождалось трубными звуками, а прекрасный примѣръ религіозной процессіи съ трубами представляетъ семикратное обхожденіе Иерихонскихъ стѣнъ.

Объ употреблениіи трубъ при религіозныхъ торжествахъ въ Индіи и Тибетѣ мы уже упоминали выше. Остается лишь добавить, что изъ числа трубъ, употребляемыхъ при религіозныхъ процессіяхъ въ Индіи, называются Rana Stringa (надпись India museum) и Nursingh (140).

О монгольскихъ буддійскихъ монастыряхъ г. Поздѣевъ пишетъ, что тамъ трубы кромѣ участія въ богослуженіи обязательно сопровождаютъ религіозныя процессіи, при чемъ каждый инструментъ носится въ двухъ экзем-

плярахъ двумя ламами. Всѣ ламы идутъ попарно, пара за парой и играютъ во все время движенія процессіи (141).

Объ игрѣ на трубахъ въ религіозныхъ процессіяхъ Китая и Лаоса мы уже упоминали ранее.

У буддистовъ—Калмыковъ на праздникъ Цоганъ-сара жрецы при звукѣ трубъ и другихъ инструментовъ выносатъ изъ „хурула“ изображеніе божества Окунъ-тенгри, прикрѣпленное къ высокому шесту и обходить съ нимъ торжественно вокругъ палатокъ (142).

О японцахъ путешественникъ, Отто фонъ-Коцебу, разсказываетъ, что „когда они носятъ своихъ идоловъ въ процессіи вокругъ храма, то ихъ трубы и рога производятъ дьявольскую музыку“ (143).

Далѣе у православныхъ грузинъ на праздникъ Нахицуроба, во время крестного хода вокругъ церкви, одинъ изъ участниковъ процессіи держитъ въ рукахъ трубу и трубитъ, что есть силы, по три раза у каждого угла церкви (144).

Въ Европѣ, у католиковъ въ религіозныхъ процессіяхъ также очень часто участвуютъ оркестры изъ духовыхъ инструментовъ, у насъ въ Россіи это также иногда случается, но сравнительно очень рѣдко.

Мы здѣсь ведемъ рѣчь исключительно только о церковныхъ процессіяхъ, имѣющихъ чисто богослужебный характеръ и соответствующихъ нашимъ крестнымъ ходамъ, что же касается свадебныхъ и похоронныхъ процессій, то объ участіи въ нихъ трубъ будетъ сказано ниже.

Труба изгоняетъ бѣсовъ.

Есть много данныхъ полагать, что современному понятію народовъ о „нечистой силѣ“, какъ о существѣ безплотномъ, предшествовало представление о ней вполнѣ материальное. Такъ, напримѣръ, у ватиковъ мы находимъ разсказы о томъ, какъ человѣкъ убиль изъ ружья Ву-Мурта (Водяного) или черта и о томъ, что Корка-Муртъ (домовой), также, какъ и великороссійскій Кикимора, имѣть способность уменьшаться до микроскопическихъ размѣровъ и прятаться въ щеляхъ дома. У мордвы Вирь-Ава (лѣшій), идя по лѣсу, выростаетъ вышиной съ дерево, а, идя по травѣ, уменьшается до высоты травы. Подобныхъ разсказовъ о „нечистой силѣ“ можно было бы перечислить сотнями и не у однихъ только нашихъ восточныхъ инородцевъ, но достаточно и приведенного, чтобы согласиться съ ними, что подобные вѣрованья могли образоваться только въ тѣ времена, когда „нечистая сила“ представлялась существомъ совершенно материальнымъ, подобнымъ человѣку или животнымъ, такъ какъ безплотному существу нѣтъ надобности сжиматься.

чтобы быть невидимымъ, и нельзя убить бесплотное существо материальной силой. Въ той же мысли убѣждаютъ нась и пріемы, практикующіе разными народами для „изгнанія бѣсовъ“, которое во многихъ мѣстностяхъ совершается периодически. Всѣ они указываютъ на существующее или существовавшее понятіе о бѣсахъ какъ о какихъ-то мелкихъ животныхъ, вродѣ насѣкомыхъ, которые окружаютъ человѣка со всѣхъ сторонъ. Иллюстраціей къ такому теоретическому представлению о „нечистой силѣ“ можетъ служить во-первыхъ обычай месховъ (одноге изъ грузинскихъ племенъ) изгонять тѣхъ бѣсовъ, которые „проникаютъ въ организмъ человѣческій, че р е зъ р о тъ“ (145). а во вторыхъ вѣрованье закавказскихъ татаръ, очень напоминающее современное ученіе о бактеріяхъ. „Вся вселенная, по мнѣнію татаръ, наполнена злыми духами. Духи эти находятся въ каждомъ углу дома, въ каждой щели, въ колодцахъ, въ рѣкахъ, въ озерахъ, въ лѣсу, дуплахъ деревьевъ и внутри животныхъ. Они всегда окружаютъ людей и даже норовятъ лѣзть имъ въ ротъ, въ носъ и т. д.“ (146). Впрочемъ, это вѣрованье отнюдь не составляетъ исключительной особенности закавказскихъ татаръ, такъ какъ оно принадлежитъ къ числу международныхъ. Такъ, напримѣръ, малороссы о происхожденіи нечистой силы на землѣ разсказываютъ слѣдующую легенду:

„Однажды старый чертъ вздумалъ сравниться съ Богомъ. Для этого онъ велѣлъ выстроить чертамъ высокую башню. Когда была окончена башня, всѣ черти взобрались туда..., но Богъ разрушилъ это зданіе и черти летѣли оттуда (на землю) сорокъ дней и сорокъ ночей, и который куда падалъ, тамъ находится и до настоящаго времени. Который упалъ въ воду — „водяныѣ“, въ лѣсъ — „лісовыѣ“, въ болото — „болотяныѣ“, на поле — „полевой“, въ очереть — „очеретяныѣ“ и т. д. (147). Австралійцы воображаютъ также, что „сверхъестественные существа разсѣяны повсюду: все лицо земли кишитъ ими: лѣсныя чащи, берега водъ, скалы“. Веддахи (на О-вѣ Цейлонѣ) убѣждены, что „воздухъ населенъ духами и что каждая скала, каждое дерево, каждый лѣсъ, каждый холмъ, короче сказать, каждая черта природы имѣть своего мѣстнаго духа“. Тасманицы въ своемъ воображеніи „населяли цѣлыми толпами злыхъ духовъ пещеры, лѣса, разсѣянны скаль, вершины горъ“. Карены въ Индо-Китай говорятъ, что „міръ гораздо гуще населенъ духами, чѣмъ людьми“. Тайтани воображаютъ, что „живутъ въ мірѣ духовъ, который окружаетъ ихъ денно и ноно, наблюдая за каждымъ ихъ дѣйствіемъ“. Арабы „считаютъ пустыню столь густо населенной духами, что когда они бросаютъ какую-нибудь вещь въ сторону, то просятъ извиненія у тѣхъ кого, быть можетъ, задѣли при этомъ“ (148) и т. д. Мы говорили здѣсь объ „изгнаніи бѣсовъ“ и о средствахъ, для этого употребляемыхъ, потому что къ числу этихъ средствъ между прочимъ принадлежать и трубные звуки.

Вотъ, напримѣръ, какъ описываютъ обрядъ „изгнанія бѣсовъ“ у черемисъ Царевококшайскаго уѣзда Казанской губерніи. Исполненіе этого обряда лежитъ на обязанности мужчинъ. Они заготавливаютъ въ сакій день обряда длинныя деревянныя трубы и затѣмъ обходить поочередно, начиная съ краю, всѣ крестьянскія избы. Въ то время какъ два пожилыхъ черемисина трубить въ трубы, стоя снаружи избы, у ея оконъ, одинъ съ улицы, а другой со двора (что-бы испугать бѣсовъ, находящихся въ избѣ), молодые парни и ребята бьютъ кнутами сначала по воротамъ и заборамъ, а потомъ внутри избы по стѣнамъ, лавкамъ, столамъ, печамъ и т. д. Если на лавкахъ случится одежда, то сбрасываютъ ее на полъ съ криками: „іу! іу! уй! у!“! Окончивши изгнаніе бѣсовъ въ одной избѣ, переходятъ въ слѣдующую и продолжаютъ все это до поздней ночи. Если въ одинъ день не удастся обойти все село, то обходъ этотъ продолжается и на слѣдующій день.... Когда кончится обхожденіе всѣхъ избѣ въ селѣ, то участники обряда собираются въ одинъ домъ и оттуда мчатся верхомъ на луга близъ лѣсу ломать трубы. Дорогую кричать дикимъ голосомъ: „іу! уй! уу! уа!“! Для уничтоженія трубъ близъ лѣса есть особо назначенный пенекъ, о который ихъ и разбиваются со словами: „шайтаны ушли въ лѣсъ“. Затѣмъ такимъ же порядкомъ во весь опоръ мчатся домой (149). По объясненію черемисъ, трубнымъ звукомъ они изгнаютъ шайтановъ или, какъ ихъ называютъ, „кереметей“, которые заносятъ изъ деревни въ деревню различные болѣзни. Черемисы вѣрятъ, что „кереметъ“, услышавши въ какой-нибудь деревнѣ трубный звукъ, уходитъ оттуда и уже болѣе не возвращается, такъ что въ той деревнѣ цѣлый годъ бываетъ благополучіе (150). Если мы сравнимъ тотъ же самый обрядъ у черемисовъ изъ разныхъ уѣздовъ и губерній, то увидимъ, что при общемъ сходствѣ между собою мѣстныхъ варіантовъ обряда, детали его измѣняются. Въ однѣхъ мѣстностяхъ онъ совершаются ежегодно, въ другихъ въ три года или въ 5 лѣтъ разъ, въ однѣхъ весною, въ другихъ лѣтомъ, въ третьихъ осенью. Кромѣ того въ перечисленныхъ нами средствами, считающимися дѣйствительными противу шайтановъ, прибавляются и новые, какъ-то: шумъ, производимый трещетками, стрѣльба изъ ружей, прыганье черезъ огонь, втыканье въ землю горящихъ головней, ножей и т. под. (151). Наконецъ, въ иѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, при прочихъ одинаковыхъ приемахъ изгнанія нечистой силы, вовсе отсутствуетъ игра на трубѣ.

Если отъ черемисовъ мы перейдемъ къ другимъ нашимъ восточнымъ инородцамъ: вотякамъ, чувашамъ и зырянамъ, то и у нихъ найдемъ все тотъ же периодически совершающійся обрядъ „изгнанія бѣсовъ“, въ которомъ кое-какие изъ черемисскихъ приемовъ повторяются съ прибавкою все новыхъ и

новыхъ деталей. Такъ напримѣръ, у вотяковъ обрядъ, сопровождаемый тѣмъ же пріемами, что и у черемисъ, совершается чаще т. е. два раза въ годъ въ юнѣ и въ декабрѣ (152). У зырянъ Архангельской губерніи онъ совершается на Богоявленіе, а къ черемисскимъ пріемамъ прибавляется быстрое катанье на лошадяхъ и на оленяхъ вокругъ села и по улицамъ его, сопровождаемое криками (153). У чувашъ трубу замѣняютъ скрипкой, кнуты—прутьями вербы, а къ выколачиванью стѣнъ, заборовъ и проч. прибавляютъ хлестаніе вербой всѣхъ, попадающихъ навстрѣчу, прохожихъ (154).

Если мы теперь будемъ сличать одинъ и тотъ же обрядъ у всѣхъ упомянутыхъ инородцевъ во всѣхъ его деталяхъ, то убѣдимся, что одни изъ этихъ деталей измѣняются, другія остаются постоянными. Измѣняется время совершенія обряда и большая часть пріемовъ для изгнанія бѣсовъ, а неизмѣнными остаются: 1) идея обряда „изгнанія нечистой силы“, 2) его периодичность, 3) некоторые изъ пріемовъ, какъ-то: шумъ всякаго рода и хлестаніе и 4) передвиженіе изгоняющихъ по улицамъ деревни.

Расширяя еще болѣе область нашихъ наблюденій и вводи въ сферу ихъ все новые и новые народы, мы увидимъ, что обрядъ, настъ интересующій, далеко не составляетъ исключительной принадлежности нашихъ восточныхъ инородцевъ, что онъ распространяется не только по всей Европѣ, но въ Азіи, въ Африкѣ и даже въ Америкѣ.

Возьмемъ первую и самую главную изъ найденныхъ нами, наиболѣе постоянныхъ деталей обряда, идею о возможности изгнанія изъ данной мѣстности нечистой силы и посмотримъ, у какихъ народовъ она существуетъ и какіе пріемы ими для этого употребляются. Мы найдемъ такимъ образомъ изгнаніе духовъ у нѣмцевъ при помощи шума (155), у лужичанъ-стрѣльбой изъ ружья и щелканьемъ хлыстами (156), у месховъ (одного изъ грузинскихъ племенъ)—пригнаніемъ черезъ костры (157), въ Тибетѣ—трубленіемъ въ раковины, барабаннымъ боемъ и зажженными факелами (158) и, наконецъ у туземцевъ Никобарскихъ острововъ—шумомъ. Обрядъ изгнанія бѣсовъ у этихъ послѣднихъ такъ прекрасно иллюстрируетъ вѣрованье первобытнаго человѣка въ материальность злыхъ духовъ и такъ поразительно близокъ къ черемисскому обряду, что мы позволимъ себѣ разсказать о немъ передать здѣсь цѣликомъ:

„Однъ разъ въ году..., они строятъ большой членокъ; „минловенъ“, или жрецъ, приказываетъ подвозить этотъ членокъ вплоть къ каждому дому, и тогда, съ помощью поднимаемаго имъ шума, онъ принуждаетъ всѣхъ злыхъ духовъ покинуть жилище и войти въ членокъ, при этомъ всѣ присутствующіе мужчины, женщины и дѣти помогаютъ ему въ его заклинаніяхъ; когда всѣ духи выгнаны, всѣ двери запираются и лѣстница отнимается прочь (никобар-

екіе дома строятся на столбахъ въ 8 или 9 футовъ высотою), послѣ такого очищенія всѣхъ домовъ, членокъ оттаскивается на берегъ моря, гдѣ скоро уносится волнами со всѣмъ своимъ грузомъ чертей" (159).

Этотъ рядъ фактовъ доказываетъ намъ, что вѣра въ возможность изгнанія бѣсовъ пріемами, употребляющимися у нашихъ восточныхъ инородцевъ, принадлежитъ къ числу международныхъ. Если затѣмъ мы обратимся къ этнографическому матеріалу другихъ народовъ земного шара, то найдемъ новый рядъ фактовъ, доказывающихъ, что разные народы, продѣлывая періодически рядъ такихъ же пріемовъ, какъ черемисы, цѣль ихъ объясняютъ вѣсколько иначе. Такъ въ Голландіи и въ Германіи стрѣльбой прогоняютъ колдуны (160). Ломжинскіе поляки разведеніемъ костровъ предохраняютъ себя отъ чаръ колдуны (161). Тульскіе великороссы прыганьемъ черезъ огонь отгоняютъ болѣзни и призоры (162). Кашубы (славянское племя) адекимъ шумомъ прогоняютъ старый годъ (163), а калифорнскіе индѣйцы ежегодно изгоняютъ духовъ усопшихъ, накопившихся въ продолженіе года (164) и т. д.

Можно было бы перечислить здѣсь цѣлый рядъ народовъ, сохранившихъ у себя такие же обряды, какіе мы видѣли при "изгнаніи бѣсовъ", но цѣли, съ которыми совершаются эти обряды, варьируются до безконечности. Одинъ народъ желаетъ предохранить себя отъ какого-либо особенно вреднаго, злого духа, другой думаетъ избавиться отъ какой-либо специальной болѣзни, третій — отъ дикихъ звѣрей, града, молніи или неурожая, одинъ совершаеть обрядъ для того, чтобы земля была плодороднѣе или чтобы былъ урожай, другой чтобы у женщинъ были легкіе роды или чтобы вѣдьмы не отбирали молока и т. д. Но при всемъ разнообразіи этихъ цѣлей въ нихъ видна одна общая мысль, что совершеніе обряда избавляетъ человѣка отъ зла, а зло представляется какъ бы въ видѣ живаго существа, на которое дѣйствуютъ одни и тѣ же устрашающіе пріемы.

Наконецъ у многихъ народовъ цѣль періодического совершенія обряда уже давно забыта, а онъ все-таки повторяется изъ года въ годъ въ силу многовѣковой привычки, во исполненіе дѣдовскихъ предавій или просто для развлечения.

Что касается пріемовъ, изъ которыхъ обрядъ состоять, то они также разнообразны до безконечности, но сводятся въ общемъ къ слѣдующимъ: 1) Огонь въ различныхъ видахъ, какъ-то: костры, пылающія деревья, зажженные факелы, смоляные бочки, горящія колеса, тлѣющіяся головы, прыганье черезъ огонь, бѣганье вокругъ огня и т. д.; 2) вода, въ которой купаются, или которую обливаютъ и опрыскиваютъ; 3) травы и разныя растенія, издающія запахъ то въ свѣжемъ видѣ, то при сжиганіи на

огнѣ, то дѣйствующія своимъ привыкновеніемъ, то самымъ своимъ присутствіемъ; 4) шумы всякаго рода, крики, пѣніе, игра на всевозможныхъ музикальныхъ инструментахъ, выстрѣлы, брацаніе оружиемъ; 5) магическіе жесты, магическіе возгласы, магическія формулы, наговоры и молитвы; 6) быстрыя движенія всякаго рода: скаканіе на лошадяхъ, бѣганье, пляска; 7) обхаживаніе вокругъ извѣстнаго мѣста, очерчиваніе его заколдованнымъ кругомъ и 8) удары и маханія по воздуху, кнутами, бичами, прутьями, палками и всякаго рода оружиемъ, по землѣ, по постройкамъ и даже по людямъ. Количество такихъ приемовъ въ обрядѣ и ихъ сочетанія между собой разнообразится также до безконечности, начиная съ одного какого-либо изъ нихъ и кончая самой сложной комбинаціей всевозможныхъ приемовъ.

Расширяя еще болѣе область нашихъ изслѣдованій, мы увидимъ, что интересующій насъ обрядъ совершается не только periodicески, но даже и безъ всякой periodicности въ разные болѣе или менѣе важные моменты человѣческой жизни, при которыхъ предполагается или предполагалась прежде возможность вреда со стороны нечистой силы.

Къ periodicескимъ обрядамъ относятся: кромѣ „изгнанія бѣсовъ“ нашо празднованіе Ивана Купала, польскія собѣтки, западно-европейскіе єгии Ивановскіе, Петровскіе, Пасхальные, Рождественскіе и т. под.

Къ случайнымъ же или экстраординарнымъ принадлежать: такъ называемыя „опахиванія“, совершаемые для предохраненія людей или домашнихъ животныхъ отъ эпидемическихъ болѣзней, обряды для отогнанія грозовыхъ тучъ, обряды во время солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, обряды, совершаемые для предохраненія отъ злыхъ духовъ роженицы и новорожденнаго, новобрачныхъ на свадьбѣ, больного во время его болѣзни, покойника во время похоронъ и т. п.

Если ко всему сказанному мы прибавимъ, что перечисленными здѣсь приемами, служащими для отогнанія нечистой силы, сопровождаются также всякаго рода богослуженія у всѣхъ народовъ земного шара, то увидимъ, что неѣть почти ни одного болѣе или менѣе важнаго момента въ жизни народной и въ жизни отдельнаго человѣка отъ его рожденія и до могилы, гдѣ бы не имѣли мѣста разсматриваемые нами обряды, имѣвшіе когда-то своей цѣлью „изгнаніе бѣсовъ“.

Само собою разумѣется, что при своей обширной распространенности и при своей универсальности, какъ средство въ борьбѣ со всякаго рода зломъ, обрядъ „изгнанія бѣсовъ“ сравнительно рѣдко встрѣчается въ томъ чистомъ видѣ, какъ мы его находимъ у нашихъ восточныхъ инородцевъ; обыкновенно онъ входитъ въ комбинаціи со всевозможными культурами, когда либо бывшими у человѣчества, а въ огромной массѣ случаевъ является даже просто риту-

аломъ, которымъ человѣчество на каждомъ шагу сопровождастъ всевозможныя свои дѣйствія, имѣющія отношенія къ религіи.

Отсюда ясно, что разсмотрѣть приводимый нами обрядъ въ настоящемъ очеркѣ, сколько нибудь обстоятельно неѣть никакой возможности. Если же мы здѣсь заговорили о немъ, то только для того, чтобы освѣтить рядъ обычаевъ съ трубами, которые мы намѣреваемся здѣсь привести, выяснить себѣ ихъ значеніе въ народной жизни и связь ихъ между собою, указывающію на общность ихъ происхожденія. Придерживаясь принятаго нами порядка, мы обратимся прежде всего къ обычаямъ, повторяющимся periodически; ихъ можно подраздѣлить: 1) на такие, которые справлялись или справляются въ весеннее полугодіе, т. е. въ periodъ времени отъ зимнаго солнцестоянія до лѣтнаго и 2) такие, которые приходятся на осеннеое полугодіе отъ лѣтнаго солнцестоянія до зимнаго. Къ первымъ надо отнести слѣдующіе:

Въ древнемъ Римѣ 1-го Марта, въ день празднества Марсу, саліи (служители бога войны) въ полномъ вооруженіи танцовали подъ звуки трубы и при этомъ ударяли копьями по священнымъ щитамъ (165). Здѣсь приемы, употребительные при обрядѣ „изгнанія бѣсовъ“, какъ-то: удары оружіемъ, шумъ, пляска и звуки трубы, повидимому, не имѣютъ самостоятельнаго значенія, а являются только въ видѣ ритуала къ культу бога войны.

Быть можетъ, подобное же значеніе имѣли они когда-нибудь и въ обычаяхъ современныхъ французскихъ крестьянъ (въ провинціяхъ Артуа и Булоня) разводить костры на горахъ въ первое воскресеніе великаго поста (Сагете), но въ этомъ послѣднемъ случаѣ не сохранилось слѣдовъ какого-либо культа, а потому обычай въ общемъ и въ деталяхъ весьма близокъ къ черемисскому обряду „изгнанія бѣсовъ“. Праздникъ начинается съ того, что дѣти обоего пола сходятся въ назначенное мѣсто и оттуда отправляются по деревни для сбора горючаго матеріала, причемъ даютъ знать о своемъ прибытіи трубными звуками. Вечеромъ разводятся костры на горахъ, и всѣ, отъ мала до велика, собравшись около костровъ, пляшутъ, кричатъ, трубятъ въ трубы и стрѣляютъ изъ револьверовъ. Цѣль, для которой совершается этотъ обычай, уже забыта, но, повидимому, онъ принадлежитъ къ числу весьма древнихъ, такъ какъ о существованіи такого обычая въ Пикардіи и въ другихъ мѣстностяхъ Франціи въ 13 и 14 столѣтіяхъ сохранились историческія свидѣтельства (166).

Въ Англіи есть такъ—называемый „праздникъ плуга“, устраиваемый ежегодно въ первый понедѣльникъ послѣ Крещенія. Подробности этого праздника видоизмѣняются въ зависимости отъ мѣстности, но въ общихъ чертахъ онъ состоять въ томъ, что нѣсколько молодыхъ людей, увѣшанныхъ

разноцвѣтными ленточками, волокутъ отъ дома до дома плугъ, сопровождаемые музыкой и толпой товарищѣй, одѣтыхъ молотильщиками, жнецами, кузнецами, мельниками, шутами и т. под. Эта веселая процессія, кромѣ музыки, сопровождается криками, щелканьемъ бичей и пронзительными звуками воловьихъ роговъ (167).

Здѣсь разнаго рода шумы, производимые процессіей, напоминаютъ обрядъ „изгнанія бѣсовъ“, что же касается плуга, то по всей вѣроятности въ древнія времена его не волокли отъ дома къ дому, а опахивали имъ селеніе. какъ это дѣлается у нась въ Россіи во время скотскихъ эпидемій, для изгнанія „коровьей смерти“ съ той только разницей, что у нась этимъ дѣломъ занимаются женщины.

Кромѣ того въ Авгліи же въ Финистерѣ (Lands End) и въ Оксфордѣ, ежегодно, въ первые дни мая мѣсяца молодые люди трубятъ въ рогъ, а девушки въ это время плетутъ себѣ вѣнки. Говорить, что это очень древній обычай въ честь Тарана или Таракно, бога лѣта у древнихъ британцевъ (169).

Въ Швеціи тотъ день, когда весною въ первый разъ выгоняютъ скотъ въ поле, съ незапамятныхъ временъ считается большимъ праздникомъ. Онъ приходится каждый годъ въ различные числа, смотря по погодѣ, но чаще всего около половины мая. Празднество начинается еще наканунѣ тѣмъ, что повсюду зажигаютъ огни, надѣясь предохранить такимъ образомъ скотъ отъ дикихъ звѣрей. Въ тоже время деревенскіе парни всю ночь разъѣжаютъ по лѣсу, стрѣляютъ изъ ружей, трубятъ въ рога и производятъ всевозможный шумъ (170). У древнихъ литовцевъ былъ также пастушескій праздникъ подъ названіемъ Sekmine, который приходился около половины мая и также сопровождался игрою на трубѣ (171).

У поляковъ галицкихъ, въ окрестностяхъ города Кракова, справлялся прежде обычай, извѣстный подъ именемъ „Коника Звѣжинецкаго“. Во второй четвергъ праздника „Божьяго тѣла“ (въ іюнѣ мѣсяца) человѣкъ, замаскированный всадникомъ, на конѣ, сдѣланномъ изъ палокъ и трапеций, и одѣтый по татарски въ желтыхъ сапогахъ и съ булавою, єздилъ подъ звуки музыки: трубѣ и литавры (172). Исторического значенія этому обычая нельзя придавать, такъ какъ безъ татарскаго костюма онъ соблюдался и у поляковъ Ропчицкаго уѣзда (въ Галиціи же) на остатки или бекусы (т. е. въ послѣдніе дни масляницы). Тамъ молодой человѣкъ, также замаскированный всадникомъ и также на искусственномъ конѣ, єздѣтъ улицей села и трубитъ, останавливаясь подъ окнами хозяевъ, чтобы получить отъ нихъ какой нибудь подарокъ (173).

Въ Царствѣ польскомъ въ городѣ Гроднѣ Блонскаго уѣзда Варшав-

ской губ. въ ночь на Ивана Купала костровъ не жгутъ, какъ въ другихъ мѣстностяхъ, но молодые парни бѣгаютъ по городу съ зажженными факелами и трубятъ въ деревянныя трубы.

Вотъ и все, что мы могли подыскать въ литературѣ и собрать записью отъ народа объ обычай трубить ежегодно въ весеннею полугодіе.

Въ осеннею полугодіе этотъ обычай наблюдается также у многихъ европейскихъ народовъ.

Такъ у венгровъ есть вѣрованье, что въ день Св. Людмилы, 13 декабря, колдуны рыскаютъ повсюду, а потому во многихъ мѣстностяхъ Венгрии въ этотъ день пастухи ходятъ вокругъ деревень съ трубами въ увѣренности, что звуки этихъ инструментовъ разгоняютъ вѣдьмъ (174).

У чеховъ въ Брезницѣ Писецкаго округа, какъ намъ передавалъ профессоръ Варшавскаго Университета, Ф. И. Езбера, происходящій родомъ изъ названной мѣстности, пастухи, наканунѣ Рождества ходятъ подъ окнами домовъ и трубятъ въ трубы, за что получаютъ отъ хозяевъ мелкія деньги и v醕оску (особаго рода булки).

Совершенно подобный же обычай существуетъ и у галицкихъ гуцловъ; тамъ рождественскія коляды сопровождаются игрою на трубахъ (175).

Кромѣ того трубленіе въ осеннею полугодіе совершается у поляковъ Плоцкой, Ломжинской и Сѣдлецкой губерній, у русскихъ Сѣдлецкой, Гродненской, Волынской и Минской губ., у литовцевъ, у современныхъ евреевъ, у черемисъ и у мингрельцевъ. Но мы имѣемъ относительно обычаевъ этихъ народовъ такой обильный матеріялъ, что помѣщаемъ его ниже, въ отдельной главѣ.

Въ Тибетѣ, кромѣ того, что трубленіемъ въ морскія раковины встрѣчается Новый годъ, празднующійся въ зимнее время (176), существуетъ еще обычай ежемѣсячнаго изгнанія бѣсовъ. „Въ былое время, говорить тибетцы, „бѣсы часто появлялись въ нашей странѣ; люди и животные отъ нихъ заболѣвали, коровы не давали молока; они пребирались даже въ кельи тамъ и нарушали храмовое пѣніе. Ночью они толпами собирались въ близкомъ оврагѣ, кричали и стонали не человѣческимъ голосомъ. Наконецъ, одинъ благочестивый монахъ придумалъ ночные молитвы и съ тѣхъ поръ не стало болѣе злыхъ духовъ“. И вотъ такого рода молитвы повторяются въ Тибетѣ 28-го числа каждого мѣсяца. На всѣхъ домахъ укрѣпляются на шестахъ красные фонари; ламы, одѣтые по праздничному, сидѣть на крышахъ домовъ и поютъ молитвы, а такъ какъ въ молебствіи непремѣнно должны участвовать всѣ ламы, то число ихъ иногда доходитъ до 4000 человѣкъ. Вдругъ пѣніе на крышахъ умолкаетъ и раздаются звуки трубъ, ударяютъ въ колокола, слышатся протяжные звуки морскихъ раковинъ, бьютъ въ барабаны,

все это въ дикомъ безпорядкѣ и съ тремя промежутками. Къ тому же всѣ дамы вдругъ начинаютъ ревѣть какъ дикие звѣри и поднимаютъ несносный крикъ. Этимъ и кончается молебствіе; фонари тухнутъ, ламы возвращаются въ кельи и все опять успокаивается (177).

B. Moшковъ.

(Продолженіе будетъ).

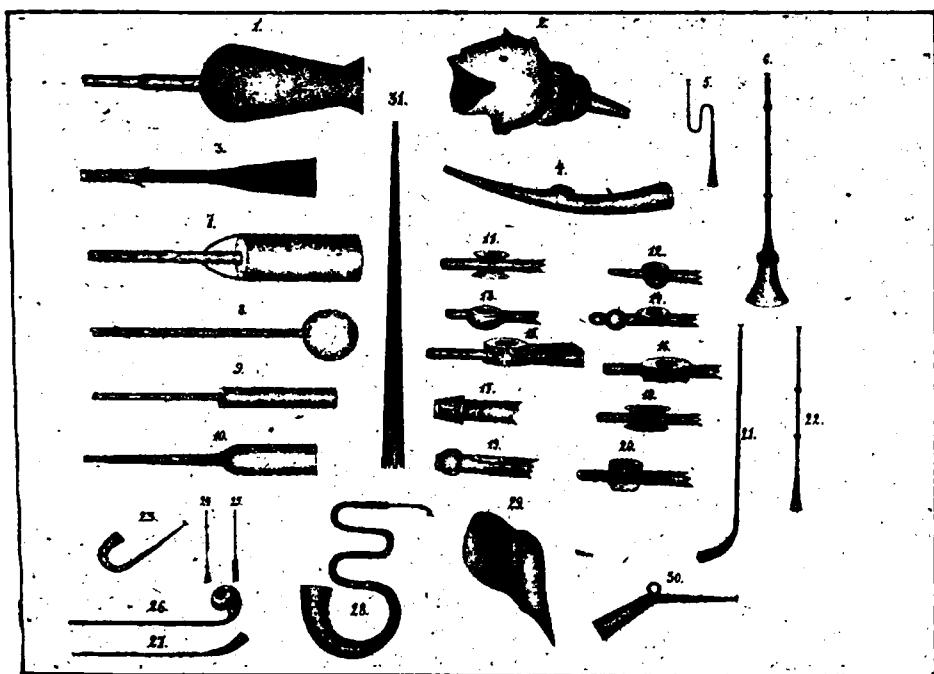

Таблица I.

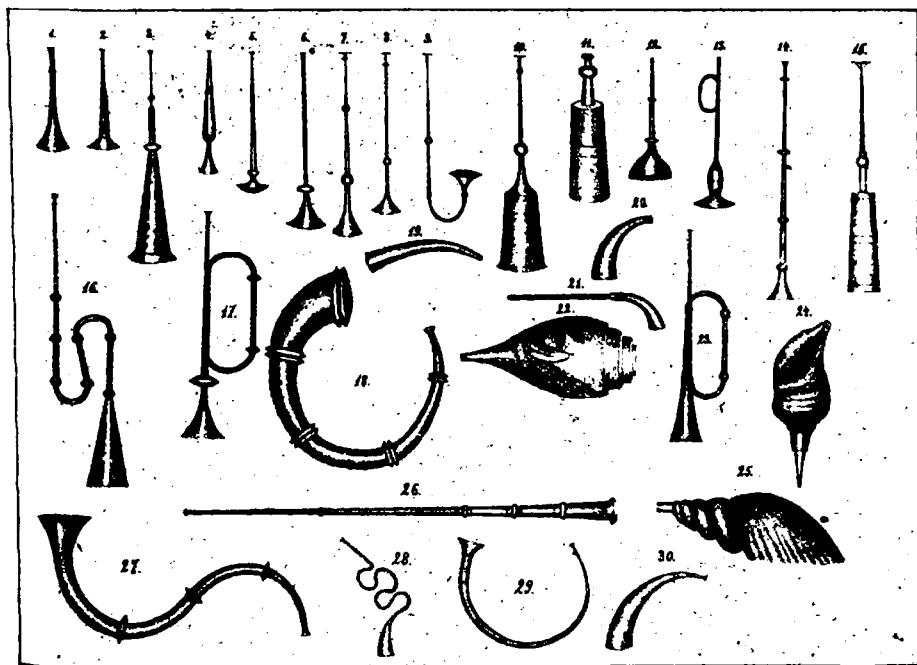

Таблица II.

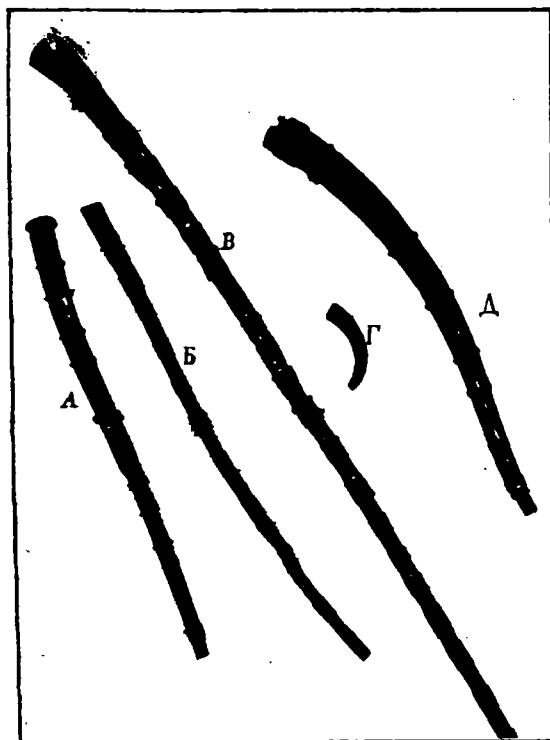

Таблица III.

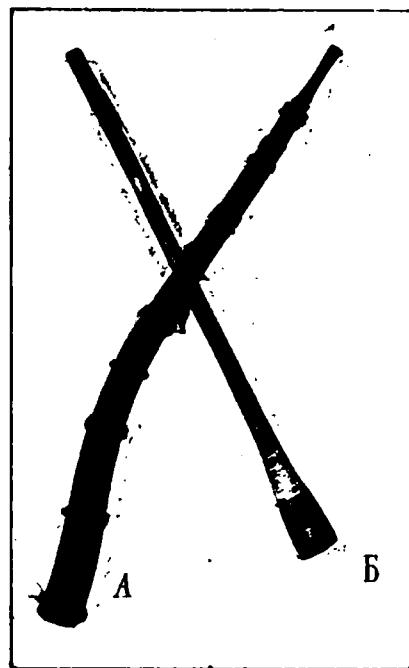

Таблица IV.

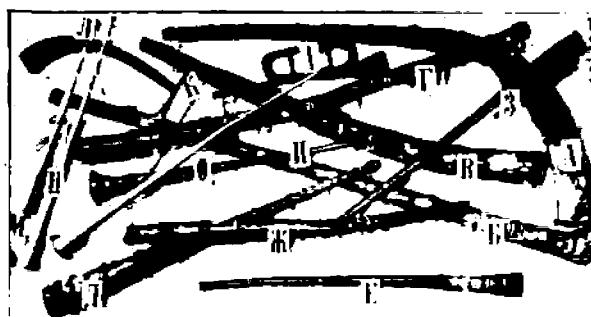

Таблица V.

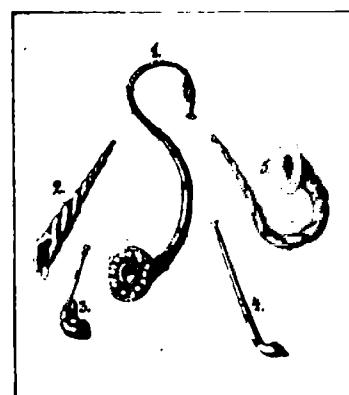

Таблица VI.

Хунъ-ну и Гунны.

(Бібліографіческий обзоръ теорій о происхождении народа Хунъ-ну китайскихъ языковъ, о происхождении европейскихъ Гунновъ и о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее изслѣдованіе есть извлеченіе, съ иѣкоторыми дополненіями, изъ моей студенческой работы на ту-же тему. Сначала, за недостаткомъ времени, я предполагалъ напечатать эту работу черезъ иѣсколько лѣтъ; съ тѣхъ поръ однако же мои занятія обратились въ область, имѣющую очень мало общаго съ древнѣйшей этнографіей средней и сѣверо-восточной Азіи, а появление изслѣдованій проф. Хирта почти черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ гунскій вопросъ обсуждался въ послѣдній разъ (извѣстной полемикой В. Г. Васильевскаго и Д. И. Иловайскаго въ 1882 г. и Хоурсомъ на шестомъ международномъ съѣздѣ ориенталистовъ въ Лейденѣ въ 1883 г.), послужило доказательствомъ того, что этотъ вопросъ все еще настойчиво требуетъ разясненія.

Располагая сравнительно большимъ количествомъ собранного и даже систематизированного материала, я рѣшилъ дать „бібліографіческий обзоръ“, основываясь на томъ соображеніи, что наука быстро идетъ впередъ и подобнаго рода обзоръ можетъ очень пригодиться будущимъ изслѣдователямъ. Въ наукѣ бываютъ иногда вопросы, литература о которыхъ настолько обширна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настолько запутана и разбросана, что является время отъ времени необходимость привести въ порядокъ всѣ высказанныя мнѣнія и оценить ихъ значеніе. Такова моя задача.

Гунскій вопросъ, понимаемый въ широкомъ смыслѣ, заключаетъ въ себѣ какъ историко-этнографическую, такъ и чисто историческую сторону. Къ первой относится опредѣленіе этнографической принадлежности Хунъ-ну и Гунновъ, ко второй—взаимные отношенія этихъ двухъ народовъ. Историко-этнографическая сторона вопроса распадается въ свою очередь на двѣ части:

определение происхождения Хунь-ну и определение происхождения Гунновъ. Такимъ образомъ, гунский вопросъ во всей совокупности распадается на слѣдующія три части: 1) выясненіе этнографической принадлежности Хунь-ну, 2) выясненіе этнографической принадлежности Гунновъ и 3) взаимныя отношенія этихъ двухъ народовъ.

Какъ ни обширна литература по нашему вопросу, однако до сихъ поръ не было сдѣлано попытки дать по возможности полный и подробный обзоръ всѣхъ сочиненій, посвященныхъ ему. Краткіе же обзоры нѣкоторыхъ изслѣдователей отличаются, какъ увидимъ ниже, неполнотою, а иногда прямо таки ошибочностью. Часть вопроса, именно отношенія Хунь-ну и Гунновъ, въ самое послѣднее время была подробно разобрана проф. Хиртомъ, однако безъ исторического обзора литературы по этому предмету. Литература историко-этнографической стороны тоже не приведена въ порядокъ.

Въ подобнаго рода библіографическомъ обзорѣ играетъ громадное значеніе классификація. По мнѣнію большинства изслѣдователей, гунский вопросъ (понимаемый въ широкомъ смыслѣ) разсматривался съ точки зренія трехъ теорій: монголизма, турчизма, и финнизма. При ближайшемъ разборѣ материала я долженъ былъ уклониться отъ общаго мнѣнія. Такъ, я выдѣлилъ въ особую (первую) главу двухъ изслѣдователей, стоявшихъ на совершенно особой точкѣ зренія и поэтому чуждой какой-либо изъ трехъ вышеупомянутыхъ теорій. Въ послѣднюю (пятую) главу я выдѣлилъ касающіяся только части вопроса теоріи славянства и турчизма Гунновъ. Сюда же я включилъ обзоръ изслѣдованій проф. Хирта объ отношеніяхъ Хунь-ну и Гунновъ. Такимъ образомъ, эта послѣдняя глава не заключаетъ въ себѣ, подобно четыремъ предыдущимъ, обзора мнѣній представителей определеній теоріи, а скорѣе обзоръ современнаго состоянія отдѣльныхъ частей вопроса.

I.

Ученые миссіонеры XVIII-го вѣка и значеніе ихъ изслѣдованій въ изучаемомъ нами вопросѣ.—Дегинъ и его исторія Гунновъ.—Политическая классификація народовъ Средней Азіи.—Дегинъ—не сторонникъ монголизма Хунь-ну и Гунновъ.—Мнѣніе Дегина въ новѣйшее время: Каѣнъ и его сочиненіе.

Исторія народа, известнаго подъ именемъ Хунь-ну, тѣсно связана съ событиями древней исторіи Китая и потому естественно, что въ первыхъ же сочиненіяхъ обѣ исторіи этого государства, мы встрѣчаемся и съ кочевниками, жившими къ сѣверу отъ Срединной имперіи, съ Хунь-ну. Первыми

работами о Китаѣ обязаны мы миссионерамъ-іезуитамъ, преимущественно французамъ. Они открыли Европѣ цивилизацію далекаго Востока, они, не жалѣя силъ и трудовъ, отправлялись за тысячи миль и селились среди народа, до тѣхъ порь почти совершенно неизвѣстнаго, они-же старались содѣйствовать распространенію христіанства, что составляло по самому ихъ званію главную задачу. Въ то время какъ одни, въ самомъ Китаѣ, составляли астрономическіе таблицы и строили обсерваторіи, изучали китайскій языкъ и его письменность, собирали и переводили лѣтописи и другія сочиненія,ѣздили съ одного конца обширной имперіи до другого и т. д., оставшіеся на родинѣ собирали извѣстія, присыпаемыя имъ собратьями, и, издавая ихъ, знакомили европейцевъ съ далекимъ, невѣдомымъ міромъ. Такія имена, какъ Вербистъ, Шаль, Жербильонъ, съ одной стороны, и Дюгальдъ, съ другой—навсегда останутся памятными въ исторіи востоковѣдѣнія. Исторія Китаа они удѣляли много труда и можно сказать, что ихъ работы до сихъ порь имѣютъ громадное значеніе. Мы должны назвать Малы, Аміо, Біо, Сибо, Гобиля, Грозвѣ и др., которые извѣстны всякому, даже немногому знакомому научно съ Китаемъ. Первому напр. принадлежитъ лучшая до сихъ порь въ европейской литературѣ исторія Китая *).

Разрабатывая исторію Китая, миссионеры касались и исторіи иѣкоторыхъ другихъ народовъ, входившихъ въ различныя сношенія съ китайцами. Приходилось имъ касаться и Хунъ-ну. Но они занимались ими только попутно, въ связи съ исторіей Срединнаго царства, а не ради самихъ народовъ, не для выясненія ихъ происхожденія и исторіи. Этихъ Хунъ-ну они, не сомнѣваясь, считали Гуннами. Никакихъ доказательствъ они не приводили—отожествленіе было основано исключительно на сходствѣ именъ. Вотъ напр. какъ выразился патеръ Гобиль (*Gaubil, Traité de la Chronologie Chinoise, éd. Sylvestre de Sacy, 1814, p. 58*). „Эти Хунъ-ну безспорно тѣ, которыхъ европейская исторія называетъ Гуннами“.

Фактами, сообщенными этими учеными, съ добавленіемъ многихъ другихъ изъ китайскихъ лѣтописей, воспользовался французскій ученый, профессоръ Французской коллегіи Дегинь (*Deguignes*). Онъ задался цѣлью прослѣдить историческій ходъ переселеній народовъ съ Востока на Западъ, изъ Азіи въ Европу и дать полную исторію этихъ движеній. Сначала онъ напечаталъ „*Mémoire sur l'origine des Huns et des Sures*“ (Paris, 1748) **),

*) Въ данномъ случаѣ мы основываемся на миѣніи нашего нокойнаго историка—синолога проф. С. М. Георгіевскаго. См. его «Первый періодъ китайской исторіи», стр. 185.

**) Мы, къ несчастью, не могли воспользоваться этой книгой, такъ какъ ея изѣть въ петербургскихъ библиотекахъ, а вынѣсать оказалось невозможнымъ, такъ какъ она—библиографическая рѣдкость.

а затѣмъ выпустилъ знаменитую четырехтомную „Histoire g n rale des Huns, des Turcs et des autres Tartares Occidentaux“ (Paris, 1756—8). Главная его заслуга состоить въ сопоставлениі китайскихъ извѣстій съ европейскими. Его отожествлениія народовъ, упоминаемыхъ въ китайскихъ лѣтописахъ, съ народами такъ называемаго „великаго“ переселенія, за немногими исключеніями вполнѣ удачно и признается до сихъ поръ вѣриимъ. Но Дегинъ жилъ въ XVIII-мъ вѣкѣ, когда не существовало многихъ наукъ, съ которыми въ настоящее время исторія считаться—въ его время не было ни науки о языкахъ, ни этнографіи, ни этиологии. Ясно, что Дегинъ не могъ решать некоторые исторические вопросы такъ, какъ мы решаемъ ихъ теперь.

Основой классификациіи народовъ Средней Азіи этотъ ученый береть не принадлежность народа къ извѣстной этнографической группѣ, а политическое раздѣленіе. Поэтому Дегинъ и не дѣлаетъ существенаго различія между Тюрками и Монголами. Всѣ обитатели этой части Азіи называются у него вообще Татарами (les Tartares) и раздѣляются на восточныхъ и западныхъ. Первые, по его мнѣнію, тождественны съ восточными варварами китайскихъ лѣтописей, а вторые съ западными. Восточные Татары, по Дегину, тѣ народы, которыхъ мы теперь называемъ народами тунгусского и корейского племенъ, какъ то: То-ба (To-ba), Сянь-би (Sien-pi) и др. (T. I. P. I, pp. 179—212). За ними онъ признаетъ гораздо менѣе важную роль, чѣмъ за Татарами западными, которые и служать главнымъ предметомъ его сочиненія. Къ нимъ-то и относятся занимающіе насъ Хунъ-ну. Поэтому, мы остановимся на нихъ дольше и разсмотримъ то, что сообщалъ Дегинъ.

„Римскіе историки“, говорить онъ: „знали ихъ (т. е. западныхъ Татаръ) подъ именемъ Гунновъ и рассказали много басенъ о происхожденіи этого народа, не говоря о томъ, откуда онъ пришелъ. Въ Татаріи они назывались Хунъ-ну (Hiong-pou) и основали большое государство, которое было разрушено китайцами. Тогда они разсѣялись. Одни пошли на западъ и впослѣдствіи вступили въ Римскую имперію. Всѣ знаютъ нашествіе знаменитаго Аттилы. Другіе остались на границахъ Китая и были разбиты только татарами Жу-жень (Gou-gen). Нѣкоторые поселились въ Китаѣ, где образовали много государствъ. Они были совершенно обезсилены или, по крайней мѣрѣ, не имѣли никакого значенія въ Татаріи, когда одинъ изъ вождей этого народа, по имени Ту-мынь (Toi-mien) сталъ во главѣ многихъ ордъ и образовалъ новое государство. Эти народы назывались тогда Турками. Они завладѣли всей Татаріей“. Далѣе онъ говоритъ, что „Чингизъ-ханъ происходилъ изъ монгольского народа, составлявшаго часть народа турецкаго“. Вышеприведенные строки, взятыя нами изъ первой части первого тома (pp. 213—215), которая посвящена генеалогическимъ таблицамъ государей,

правившихъ въ Азіи, выражаютъ, по нашему мнѣнію, достаточно ясно точку зрењія Дегиня. Мы видимъ, что онъ строго придерживался политической классификаціи. Разъ мы установимъ, что этотъ авторъ излагалъ только политическую исторію, очевидно, что онъ не былъ ни сторонникомъ монголизма, ни турчизма, ни финизма. Для него не существуетъ этнографическихъ различій, что можно видѣть изъ неоднократно высказываемыхъ имъ взглядовъ. Онъ признаетъ Хунъ-ну тожественными и съ Турками, и съ Монголами *).

Только одно мѣсто во всемъ сочиненіи могло бы казалось дать поводъ думать, что Дегинъ признавалъ иѣкоторое этнографическое различіе. Въ примѣчаніи на стр. 114 части II-й, тома I-го, онъ сказаълъ слѣдующее: „Раздѣленіе имперіи Хунъ-ну на сѣверныхъ и южныхъ (48 г. по Р. Х.), кажется, имѣетъ большое отношеніе къ раздѣленію турецкаго государства на Монголовъ и Татаръ. Первые—Хунъ-ну сѣверные, вторые—южные“. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ авторъ старался примирить, вслѣдствіе обилія бывшихъ у него подъ руками источниковъ, тюркскія преданія мусульманской редакціи съ историческими фактами, сообщаемыми китайскими лѣтописями. Мы заключаемъ это изъ того, что раньше на стр. 5—12 II-й ч. I-го т., онъ изложилъ преданія, сообщенные Абуль-Гази, въ одномъ изъ которыхъ говорится, что отъ общаго предка Тюрка произошли два брата, близнецы-ханы Татаръ и Монголь. Весьма вѣроятно, что въ этомъ преданіи содержится какое-нибудь историческое воспоминаніе; какое—сказать трудно. Замѣтимъ, что у Дегиня замѣчается здѣсь иѣкоторая путаница. Възвѣстіе Абуль-Газа, что отъ Монголь-хана происходить Монголы, а отъ Татаръ-хана—Татары, онъ не выяснилъ, кто такие эти послѣдніе. Самъ онъ назвалъ Татарами всѣхъ жителей Средней Азіи—и тюрковъ, и монголовъ, и тунгузовъ и др. Судя же по этому примѣчанію, Татары, по его мнѣнію, лишь часть тюрковъ. На стр. 368 II-й части I-го тома онъ, приступая къ изложенію исторіи восточныхъ тюрковъ, выводить ихъ, сообразуясь съ исторіей, изъ сѣверныхъ Хунъ-ну, которыхъ онъ въ вышеназванномъ примѣчаніи назвалъ Монголами. Поэтому, на одной и той-же страницѣ (368) онъ называетъ этихъ восточныхъ тюрковъ и тюрками, и монголами **).

*) Приведемъ иѣкоторые примѣры: «Гуны вносли въ послѣдствіи имена Турукъ» (Т. I, р. I, р. V). «Турки Татаріи происходили отъ древнихъ Хунъ-ну» (Т. I, р. I, р. 225). «Исторія сохранила намъ только иззвѣстіе о времени иѣкоторыхъ вторженій этихъ народовъ (т. е. Гуниловъ) или скорѣе Татаръ вообще» (Т. I, р. II, р. 16). «Монголы, по словамъ всѣхъ писателей, особая орда, происшедшая отъ турецкаго народа» (Т. I, р. I, р. 272) и т. д. см. Т. I, р. II, т. I, р. II, р. 368, т. II, р. 2 и др.

**) При полномъ отсутствіи точныхъ данныхъ возникли различныя предположенія. О. Іакинотъ Бичуринъ, также старавшійся согласовать эти иззвѣстія («Собрание свѣдѣній о народахъ Средней Азіи»). Введеніе къ первой части, стр. I—II), думалъ, что отъ Монголь-хана произошло домъ Хунъ-ну, а отъ Татаръ-хана—домъ Дунъ-ху. И тѣ, и другіе были,

Разсмотрѣвъ мнѣнія Дегиня относительно происхожденія народа Хунъ-ну, перейдемъ къ возврѣнію его на отношенія Хунъ-ну къ европейскимъ Гуннамъ. Тожество этихъ двухъ народовъ кажется Дегиню, какъ и предшествовавшимъ ему миссионерамъ, несомнѣннымъ. Къ этому отожествленію склонило его конечно сходство именъ. Вопросъ о происхожденіи имени Хунъ-ну, подавшій впослѣдствіи поводъ къ многочисленнымъ спорамъ, разрѣшается имъ очень просто. Сообщивъ китайскія извѣстія о томъ, что этотъ народъ при императорѣ Яо, т. е. за 2000 лѣтъ до Р. Х., назывался Шань-юнъ (Chanyong т. е. Шань-хунъ), черные варвары, при Шанской династіи Гуи-фангъ (Kuci-fang), при Чжу Хань-юнъ (Hien-yun), при Ханахъ Хунъ-ну (Hiong-pou), онъ прибавляеть: „это слово (Hiong-pou) можетъ быть переведено по китайски—несчастные рабы; но я думаю, что это татарское слово, которое китайцы выражали двумя знаками, образующими тотъ-же звукъ. Это слово измѣнено, какъ всѣ иностранные слова, которые они хотятъ выражать на своемъ языкѣ. Однако, оно можетъ быть китайское по происхожденію; нерѣдко въ татарскомъ языкѣ встрѣчаются подобного рода имена“ (прим. Т. I, р. II, р. 13). Онъ, повидимому, не думалъ, что Гунны образовались сразу, путемъ единичнаго случая раздѣленія хуннуской орды, будь то въ половинѣ I-го вѣка до Р. Х. (когда Чжи-чжи, отдѣлившись отъ Ху-хань-а, пошелъ на западъ), или въ концѣ I-го вѣка по Р. Х. (изгнаніе сѣверныхъ Хунъ-ну). Изъ его словъ скорѣе можно заключить, что это переселеніе происходило въ теченіе большого промежутка времени, цѣлыми рядами движений отдѣлявшихся отъ главной орды частей. Такъ, говоря, какъ Гунны въ концѣ I-го вѣка по Р. Х. разбили у Ника (Урала) Алановъ, онъ замѣчаетъ, что эти послѣдніе не всегда жили тамъ, а тоже пришли съ востока и причину ихъ прихода видѣть въ смутахъ, произошедшихъ отъ расположения Хунъ-ну около теперешняго Тобольска, во времена Чжи-чжи. Впрочемъ, главнымъ движениемъ онъ кажется считать переходъ на Западъ части сѣверныхъ Хунъ-ну послѣ ихъ пораженія въ 93 г. по Р. Х., такъ какъ именно съ этого года онъ начинаетъ исторію западныхъ Гунновъ. Относительно тожества Хунъ-ну и Гунновъ онъ совершенно убѣжденъ; напр., говоря о раздѣленіи Хунъ-ну на южныхъ и сѣверныхъ и объ удаленіи послѣднихъ на Западъ, онъ говоритъ: „Это тѣ Гунны, которые перешли впослѣдствіи въ Европу, въ правленіе императора Валента“ (Т. I, р. I, р. 217).

по его мнѣнію, Монголы. Вотъ его слова: «Хунну, по азіатскимъ (онъ различаетъ китайскихъ и азіатскихъ историковъ, разумѣя подъ послѣдними мусульманскихъ) историкамъ Домъ Могулъ-хана... Дунъ-ну, по азіатскимъ историкамъ Домъ Татарь-хана». Шмидтъ (Forschungen, стр. 11) не вѣрилъ въ возможность существованія этихъ хановъ.

Въ заключеніе, мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу причисленія Дегиня къ представителямъ теоріи монголизма Хунъ-ну *). Нѣ-которые ученые считаютъ его даже создателемъ этой теоріи. По прочтеніи его сочиненія, мы сдѣлали тогъ выводъ, что въ отношеніи нашего вопроса онъ высказалъ слѣдующія два положенія: 1) Хунъ-ну было кочевое государство, изъ которого впослѣдствіи возникло государство Тюрковъ, а затѣмъ и Монголовъ и 2) Гунны Аттилы—потомки части населения хуннускаго государства, ушедшей на Западъ. Разсматривая вопросъ съ особой точки зре-нія, считая Хунъ-ну не столько народомъ, сколько государствомъ, сторонники политической классификаціи должны, по нашему мнѣнію, стоять особнякомъ **).

Если Дегинь былъ сторонникомъ политической классификаціи народовъ Средней Азіи, то это объясняется тѣмъ, что въ его время не существовало никакой исторіи, кромѣ политической, не было, какъ мы уже сказали, ни этнографіи, ни лингвистики. Совсѣмъ иное отношеніе видимъ мы со стороны другого представителя этой-же классификаціи. Любопытно, что сторонникомъ ея, непосредственно за первымъ писавшимъ по нашему вопросу, нужно поставить современника намъ ученаго, сочиненіе котораго можетъ считаться какъ-бы послѣднимъ словомъ науки по древней исторіи Средней Азіи. Мы говоримъ о французскомъ изслѣдователѣ г. Каэнѣ (L. Cahun). Свои взгляды на происхожденіе Хунъ-ну онъ высказалъ вкратцѣ въ ХVІ-й главѣ II-го тома Всеобщей исторіи подъ редакціей Лависса и Рамбо. Подробнѣе же онъ говорилъ въ специальному сочиненіи „Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405“ (Paris, 1895). Эта книга посвящена исторіи Средней Азіи съ древнѣйшихъ временъ до смерти Тимура. Въ ней, помимо фактовъ, изложены и собственные возврѣнія автора на нѣкоторые, не вполнѣ еще выясненные вопросы. Хотя въ нашу задачу входитъ только раз-смотрѣніе мнѣнія Каэнѣ о происхожденіи Хунъ-ну и Гунновъ и ихъ взаим-ныхъ отношеніяхъ, однако, для яснаго пониманія этого, мы должны ознаком-иться и съ его классификацией народовъ Средней Азіи.

Нашъ авторъ является убѣждевшимъ сторонникомъ политической класси-фикаціи. Вотъ что онъ говоритъ, напримѣръ, о группировкѣ по племенамъ: „Въ этническомъ смыслѣ слова никогда не существовало ни расы, ни даже

*) Напр. П. П. Семеновъ на 400 стр. I-го тома русскаго перевода «Землевѣдѣнія Азіи» Риттера (Спб. 1850) выразился такъ: «Дегинь, а въ настоящее время о. Іакинъ, считали Хунну за тождественное съ Гуннами Аттилы монгольское племя. Впрочемъ, высоко-уважаемый географъ на стр. 630 того-же сочиненія нѣсколько измѣнилъ свое мнѣніе и считалъ Дегиня только сторонникомъ тождества Хунъ-ну и Гунновъ».

**) Мнѣнію Дегиня слѣдовали многие историки XVIII-го вѣка, его современники. Таковы напр. Gray (Annales veteres Hungarum, Vindobonae, 1761, стр. 1—60) и Гиббонъ (Исторія упадка и разрушенія римской имперіи, русс. пер. ч. III).

племени гунского, мадьярского, тюркского, монгольского или маньчжурского, но существовали только политическая соединенія, носившія ихъ имена". Примѣръ этому авторъ видѣть въ потомкахъ монголовъ, завоевавшихъ Россію въ XIII-мъ вѣкѣ и говорящихъ, какъ и ихъ предки, на тюркскихъ діалектахъ. Можно распредѣлить", говорить онъ (р.р. 39—40): „по группамъ финно-угорскіе, тюркскіе, монгольскіе, маньчжурскіе языки, но нельзѧ распределить по расамъ или естественнымъ видамъ (*espèces naturelles*); мы видимъ ихъ, насколько можемъ видѣть въ прошломъ, только какъ искусственная соединенія, націи". Вопросъ о расѣ кажется г. Каѣну не нужнымъ въ подобномъ случаѣ. Даже имена этихъ народовъ при филологическомъ разборѣ оказываются не этническими (?) именами, а опредѣляющими образъ жизни народа. Такъ у Абуль-Гази первые пять тюркскихъ народа называются: Кипчакъ, Уйгуръ, Канглы, Калачъ и Карлукъ. Кипчакъ значитъ степнякъ, Уйгуры—люди соединившіе т. е. цивилизованные, Канглы—люди повозокъ и т. д. *).

Съ доводами этого ученаго мы, однако, не можемъ согласиться. Живущіе въ настоящее время въ Россіи народы, пришедшіе въ XIII-мъ вѣкѣ съ Монголами и говорящіе на тюркскихъ языкахъ, конечно, потомки тюрковъ, пришедшихъ подъ властью Монголовъ. Политически они были монголами, какъ теперь они русскіе, этнически-же они тюрки. Въ классификациіи по племенамъ съ насъ даже достаточно лингвистическихъ признаковъ. Мы называемъ тюрками народы, говорящіе по тюркски, а монголами — говорящіе по монгольски **). Мы согласны съ тѣмъ, что въ Средней Азіи болѣе частое, чѣмъ въ другихъ странахъ, измѣненіе политическихъ группъ способствовало измѣненію къ скорѣйшему изчезновенію племенныхъ чертъ и ничего не имѣмъ противъ утвержденія нашего автора, что „взаимное проникновеніе народовъ, принадлежащихъ къ финно-угорской, тюркской, монгольской и маньчжурской группамъ, очень древне—и если не доказывается единства, то, по крайней мѣрѣ, остается свидѣтелемъ продолжительныхъ и часто повторявшихся сношеній", но не считаемъ возможнымъ отрицать распределеніе этихъ народовъ

*) Этотъ взглядъ г. Каѣна, какъ и многіе другіе, былъ осужденъ критиками. Такъ В. В. Бартольдъ, въ рецензіи на это сочиненіе, помѣщенной въ Журн. Мин. Нар. Просв. (1896, Іюль), сказалъ слѣдующее: «Непріятно поражаетъ пристрастіе автора къ этимологическімъ объясненіямъ личныхъ, географическихъ и этнографическихъ именъ», а г. Аристовъ (Замѣтка объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ, Живая Старина, 1896), прямо отказался, въ виду общаго признанія важности и возможности этнографической классификациіи, опровергать мысль г. Каѣна, что эта классификациія невозможна. Выше-приведенные словопроизводства В. В. Радловъ въ статьѣ «къ вопросу объ Уйгурахъ» (Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. 72, кн. I, Спб. 1893, стр. 2) назывались прямо «народными этимологіями».

**) Мы отлично знаемъ, что возможно усвоеніе народомъ чуждаго языка. Но это исключение, а мы говоримъ объ общемъ правилѣ.

по племенному происхождению. Впрочемъ, г. Каёнъ признаетъ одно этническое имя; это имя—Тюркъ. Говоря объ этомъ, онъ касается вопроса относительно древнейшихъ обитателей Средней Азіи. „Древнее имя, которое китайцы давали предкамъ тюрковъ было Хунь-ну. Это слово не имѣть ни этническаго, ни национального характера; оно ни тюркское, ни монгольское, а китайское и очень древнее“ (46).

А вотъ какъ напѣ авторъ говорить объ отношеніяхъ Хунь-ну къ Гуннамъ: „Когда изслѣдовали происхождение Гунновъ, т. е. того народа, который пришелъ въ Европу подъ предводительствомъ Аттилы, тратили по-пусту время, чтобы доказать, что эти варвары были или не были то же самое, что Хунь-ну, о которыхъ говорятъ китайцы; это напрасный споръ и поиски за рѣшеніемъ задачи, которая не имѣть рѣшенія. Мы можемъ сказать навѣрно, что все тюрки были Хунь-ну, но мы не можемъ сказать, чтобы все Хунь-ну были тюрки. Если давать Хунь-ну общій смыслъ, который давали этому имени китайцы до II-го вѣка, то Гунны были Хунь-ну, какъ тюрки, монголы и маньчжуры, но среди Гунновъ Аттилы были еще другие этническіе элементы, какъ позже среди Монголовъ Чингизъ-хана“ (47). Вотъ мнѣніе г. Каёна о происхождении Хунь-ну. Тутъ прежде всего возникаетъ вопросъ, почему этотъ изслѣдователь полагаетъ, что Хунь-ну чисто китайское слово и не хотеть считаться съ прежде высказаннымъ мнѣніемъ, что это слово китайская транскрипція туземнаго имени?

Многіе ученые, писавшіе до г. Каёна, придерживались этого взгляда на происхождение Хунь-ну. Главная-же ошибка заключается въ томъ, что г. Каёнъ думаетъ, будто китайцы давали этому имени общій смыслъ. Достаточно прочитать даже тѣ отрывки изъ китайскихъ лѣтописей, которые приведены у о. Іакинеа въ началѣ первой части „Собранія свѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, чтобы увидѣть, что подъ Хунь-ну китайцы разумѣли народъ, образовавшій обширное государство съ опредѣленными законами и единымъ государемъ, а не беспорядочную массу различныхъ племенъ и народцевъ, бродившихъ гдѣ-то на сѣверѣ. Они придавали этому имени совершенно особенный смыслъ и отличали ихъ отъ нѣкоторыхъ другихъ варварскихъ народовъ, жившихъ къ сѣверу отъ границъ ихъ государства (напр., отъ Дунь-ху). По мнѣнію г. Каёна, все тюрки были Хунь-ну—это вовсе не несомнѣнно. Мы слишкомъ плохо знаемъ древнюю этнографію сѣверо-восточной Азіи, чтобы имѣть право отрицать, что нѣкоторыя части тюркскаго племени даже въ ту отдаленную эпоху могли удалиться отъ границъ Китая и Монголіи, центра могущества Хувь-ну. Г. Каёнъ утверждалъ, что среди Монголовъ Чингизъ-хана находились самые разнообразные этническіе эле-

менты; однако, онъ не будетъ отрицать, что во главѣ государства стоялъ народъ, говорившій монгольскимъ языкомъ. Для опредѣленія происхожденія Хунъ-ну нужно решить вопросъ, какое племя играло у нихъ ту-же роль, что въ Монгольскомъ государствѣ Чингизъ-ханъ и его родичи, нужно выяснить, какое племя являлось господствующимъ въ этомъ государствѣ совѣтлемъ его. Наконецъ, г. Каёнъ видимо не считаетъ Хунъ-ну праалтайцами, общимъ собраниемъ угро-финскихъ, тюркскихъ, монгольскихъ и тунгусскихъ племенъ, еще не раздѣлившихся на отдѣльные группы, такъ какъ титулъ хунинского государя „тengri-kutъ“ онъ называетъ тюркскимъ (88).

Итакъ, при строгомъ проведеніи политической классификаціи неизбѣжно надо прийти къ иѣкоторымъ непримируемымъ недоразумѣніямъ. Только при признаніи вѣдѣнія политического положенія, но основываясь на этнографической классификаціи, можно решать вопросы о происхожденіи народовъ.

II.

Теорія монголизма Хунъ-ну и Гунновъ.—Раздѣленіе ея сторонниковъ на двѣ группы.—Миѣнія Шалласа и Бергмана, разборъ ихъ.—Своеобразное миѣніе Амедея Тьерри.—Изслѣдованіе Шмидта и работы о. Іакинеа Бичурина.—Разборъ ихъ.—Нейманъ и обобщеніе миѣній сторонниковъ теоріи монголизма.—Разборъ его сочиненія.—Хоуорсъ и возобновленіе теоріи монголизма.—Значеніе этой теоріи.

Первая по времени теорія о происхожденіи Хунъ-ну и Гунновъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ была теорія монголизма. Она, въ мірѣ своихъ представителей, распадается на двѣ группы. Одни изслѣдовали вопросъ о Гуннахъ и о возможности ихъ азіатскаго происхожденія, считая этотъ народъ Монголами. Другіе занимались вопросомъ о Хунъ-ну, оставляя въ сторонѣ Гунновъ. Послѣ того, какъ представители обѣихъ группъ высказали свои взгляды, явилось стремленіе обобщить ихъ и такимъ образомъ свести къ общемъ выводамъ полученные въ частностяхъ результаты. Это обобщеніе особенно интересно своимъ взглядомъ на связь Гунновъ съ Хунъ-ну. Распадаясь на двѣ группы, теорія эта является, однако единой, проводящей миѣніе, что и народъ, кочевавшій къ сѣверу отъ Китая, и орда „Бича Божія“ принадлежали къ одному и тому-же племени, были близкими родственниками по крови. При нашемъ изложеніи мы будемъ придерживаться порядка этой группировки. Сначала изложимъ миѣнія сторонниковъ монголизма Гунновъ и

разберемъ ихъ, затѣмъ доводы сторонниковъ монголизма Хунъ-ну съ ихъ разборомъ и, наконецъ, обобщенія съ указаніемъ на значеніе этой теоріи.

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ появленія сочиненія Дегива, высказался по поводу происхожденія Гунновъ извѣстный естествоиспытатель Палласъ. Онъ совершенно не касался вопроса о китайскихъ Хунъ-ну и ихъ происхожденія. Его замѣчанія касаются почти исключительно европейскихъ Гунновъ; онъ первый высказалъ убѣжденіе въ ихъ монголизмѣ. Сочиненіе его, озаглавленное „Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften“ состоитъ изъ двухъ частей и посвящено исторіи и быту монгольской группы (собственно монголовъ, бурятъ и калмыковъ) такъ называемыхъ „алтайскихъ народовъ“. Въ началѣ первой части (появилась въ 1776 году), Палласъ, излагая древнѣйшую исторію Монголовъ, коснулся мимоходомъ вопроса о происхожденіи тѣхъ страшныхъ Гунновъ, которые грозили Западной Европѣ въ V-мъ вѣкѣ. Такъ какъ онъ высказалъ объ этомъ въ немногихъ словахъ, то мы и считаемъ возможнымъ привести буквально то, что онъ написалъ: „Олѣты, именно та вѣтвь монгольского народа, которая извѣстна въ Западной Азіи и Европѣ подъ именемъ Калмыковъ. По древнѣйшимъ сказаніямъ этого народа, самая большая и могущественная часть его, задолго до Чингизъ-хана, совершила походъ въ Малую Азію и исчезла тамъ близъ Кавказа. Очень можетъ быть, что это сказаніе говоритъ о древнихъ Гунахъ, безобразіе и отсутствіе бороды у которыхъ описанные Амміаномъ Марцеліномъ, равно какъ и указываемыя древнія ихъ мѣстопребыванія на сѣверѣ отъ Китая, не могутъ относиться ни къ какому другому народу въ Восточной Азіи, кроме какъ къ Монголамъ, ихъ братьямъ Бурятамъ и, пожалуй, къ Тунгузамъ; современные же Калмыки имѣютъ болѣе богатую растительность, чѣмъ тѣ племена, живущія на Востокѣ“ (стр. 6). Даже онъ говоритъ, что оставшіеся на родинѣ Олѣты получили отъ своихъ сосѣдей Татаръ прозвище „Калимакъ (т. е. оставшіеся позади)“. Вышеприведенными извѣстіями исчерпывается все то, что Палласъ сообщилъ о Гунахъ. То же самое повторилъ онъ въ своемъ „Reise in den Kaukasus und nach Georgien“, т. I, с. 162. Мнѣніе его высказано только въ видѣ догадки, а сочиненіе посвящено собственно совсѣмъ другимъ вопросамъ; однако, его предположеніе подверглось критикѣ, именно со стороны представителей теоріи турчизма. Объ этомъ разборѣ мы скажемъ нѣсколько дальше.

Почти одновременно или немного позже писали о Гунахъ Тунманъ (Thunmann) въ „Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker, I“, Leipzig, 1774 *) и Энгель (Engel) въ „Ge-

*) Статья Тунмана «De Chunis, Cunis, Hunnis et Cumani» (помѣщена въ Acta societatis Jablonovianae, 1773) не только ничего не говоритъ о происхожденіи Гунновъ, но въ исторіи ихъ касается очень мало.

schichte des Ungarischen Reichs und seiner Nebenländer“, 1797. Но они занимались только политической историей Гунновъ и не говорили объ ихъ происхождении. Поэтому мы отъ Палласа переходимъ прямо къ Бергману.

Сочинение этого изслѣдователя „Nomadische Streifereien unter den Kalmyken in den Jahren 1802 und 1803“ вышло въ Ригѣ въ 1804 г. Оно состоитъ изъ ряда писемъ съ пути и отдельныхъ статей по различнымъ вопросамъ исторіи, этнографіи, религіи Калмыковъ. По занимающему нась вопросу, Бергманъ высказался специально въ особомъ письмѣ (четырнадцатомъ)—поэтому мы и обратимъ исключительно на него наше вниманіе. Этотъ изслѣдователь занялся только вопросомъ о происхождении Гунновъ, а потому и долженъ быть отнесенъ къ той-же группѣ, что и Палласъ. Этого послѣдняго Бергманъ совершилъ справедливо, по нашему мнѣнію, считаетъ основателемъ теоріи монголизма. „Г. Палласъ“, говорить онъ (т. I, с. 125): „на сколько я знаю, впервые выставилъ остроумную гипотезу, что древніе Гунны, которые наводнили значительную часть Европы, были монгольские народы. Наружность Гунновъ, равно какъ и преданіе о бывшемъ дѣйствительно движеніи калмыцкихъ ордъ въ Западъ, побудили къ этой гипотезѣ знаменитаго автора“. Далѣе Бергманъ указалъ на источники о Гуннахъ, именно на извѣстія Амміана Марцеллина, Прокопія и Приска, оставившихъ описание жизни и обычаевъ этого народа и приведшихъ значительное число гунскихъ именъ. По его мнѣнію, Гунны имѣютъ много общаго съ Калмыками. Относительно и тѣхъ и другихъ были распространены тѣ-же заблужденія (напр., относительно и тѣхъ, и другихъ говорили, что они клали мясо, употребляемое ими въ пищу, подъ сѣдла, занимались людодѣствомъ и т. д.). Наружность Гунновъ, описанная этими писателями (маленький ростъ, широкая грудь, небольшие глаза, тупой носъ и др.), сходна съ наружностью вообще монгольскихъ народовъ. Гунскія одежды, описанные Прокопіемъ, обычай при дворѣ Аттилы, описанные Прискомъ — тождественны съ одеждами и обычаями Калмыковъ. Бергманъ замѣчаетъ даже недостатки, общіе Гуннамъ и Калмыкамъ, напр., нерѣшительность. Самое-же очевидное и убѣдительное доказательство тождества Гунновъ и Монголовъ нашъ авторъ видѣть въ собственныхъ именахъ. Йорданъ (такъ пишетъ Бергманъ какъ и вся почти изслѣдователи до послѣдняго времени, вмѣсто правильнаго Йорданъ) приводить имя отца Аттилы-Мунцакъ (Muntzak). Слово это составлено изъ му — дурной и цакъ — время. Не такъ давно, говорить онъ, жилъ на берегахъ Волги калмыцкій князь съ этимъ именемъ. Имя Аттила или Этцель тождественно, по мнѣнію Бергмана, съ Атель, что значитъ Волга. Денцикъ или Денпукъ (Dentsik, Dentsuk) тождественно съ именемъ божества у Монголовъ. Эмедзарь (Emedsar) тоже самое, что виникцарь, что значитъ по монгольски „дивій быкъ“. Уто (Uto) —

длинный, высокий. Въ объясненіи слова Калимакъ Бергманъ не согласенъ съ Палласомъ. Этому слову онъ даетъ смыслъ „отступника“, а не „оставшіеся позади“. Онъ полагаетъ, что и Татары (Тюрки), и Монголы имѣли общую религию (подъ этой общей религией онъ, вѣроятно, разумѣеть шаманизмъ); когда Монголы приняли буддизмъ, то стали отступниками, т. е. калмыками. Тѣ же Монголы, которые не приняли буддизмъ, и не назывались калмыками.

Приступая къ разбору теоріи монголизма Гунновъ, мы, прежде чѣмъ представить собственныхъ замѣчанія, считаемъ нужнымъ привести возраженія, сдѣланныя до настъ, лицомъ, съ мнѣніемъ котораго по этому поводу необходимо считаться. Извѣстный французскій монголологъ Абель Ремюза въ своей книгѣ „Recherches sur langues tartares“ (Paris, 1820, р.р. 245—6), приведя гипотезу Палласа, выразился такъ: „Прежде чѣмъ принять это мнѣніе, мнѣ кажется необходимымъ разслѣдовать, какъ называются Малая Азія и Кавказъ въ монгольскихъ книгахъ, которые могли быть написаны самое раннее при Чингизъ-ханѣ, черезъ много столѣтій послѣ экспедиціи, о которой идетъ рѣчь“. Онъ считаетъ возможнымъ весьма раннія переселенія монгольскихъ народовъ на Западъ, но думаетъ, что трудно сказать, что съ нимисталось и какъ называются тѣ страны, куда они пришли. Относительно предполагаемаго тожества Гунновъ и Монголовъ, высказаннаго Палласомъ и Бергманомъ, онъ выражаетъ сомнѣніе на томъ основаніи, что собранныхъ до сихъ поръ материаловъ совершенно недостаточно и нужно еще изслѣдовать многія сочиненія, касающіяся происхожденія Гунновъ. Въ частности Абель Ремюза остановился на производствѣ слова Калимакъ. Относясь скептически ко всѣмъ словопроизводствамъ Абуль-Гази, онъ указалъ на то, что Калмыками называются Монголы, ушедшіе впередъ, а не оставшіеся назади.

Замѣтимъ отъ себя, что производство слова Калимакъ, столь различное у Палласа и Бергмана, точно не установлено, можно производить это слово и отъ монгольскихъ словъ голаимакъ или калмукъ *). Даже некоторые сторонники монголизма не принимаютъ отожествленія Гунновъ съ Калмыками. Такъ Шмидтъ въ своихъ „Forschungen“ на стр. 48 заявляетъ, что это слово татарское, самимъ монголамъ непонятное, а Нейманъ на стр. 16 своего сочиненія „Die Völker des südlichen Russlands“ тоже высказываетъ противъ этого отожествленія. Приведя преданіе, сообщенное Палласомъ, онъ выражаетъ мнѣніе, что въ этомъ преданіи „очевидно смѣшаны“ древнія переселенія Калмыковъ съ болѣе поздними Гунновъ **). Итакъ, мнѣніе Палласа

*) См. Нешель, Народовѣдѣніе (русск. пер. Спб. 1890, стр. 388). В. В. Радловъ производство именъ Калмыкъ отъ калмакъ отнесъ къ разряду народныхъ этимологій (см. Къ вопросу объ Уйгурахъ, стр. 8).

**) Нейманъ считалъ народъ «льноголовыхъ», упоминаемый у Геродота, за Калмыковъ, «вѣтвь далеко распространенного монгольского народа». Онъ привелъ извѣстіе о

высказано мимоходомъ, безъ приведенія источниковъ, изъ которыхъ почерпнуты извѣстія о фактахъ, а потому не заслуживаетъ большаго вниманія. Теперь перейдемъ къ Бергману.

Прежде всего мы должны сказать, что общность обычаевъ Гунновъ и Калмыковъ, какъ доказательство ихъ тождества не можетъ быть принято. Вспомнимъ только, какъ не такъ давно нѣкоторые ученые, именно на основаніи сходства обычаевъ, считали Гунновъ славянами. Если уже между Славянами, которые являются въ исторіи осѣдлыми, и Гуннами находятъ общность въ обычаяхъ, то какъ же должны быть схожи обычай двухъ кочевыхъ народовъ, жизнь которыхъ сложилась подъ всеуравниющимъ вліяніемъ степи? Неужели можно говорить, что Гунны и Калмыки одинъ и тотъ-же народъ, только потому, что относительно тѣхъ и другихъ были распространены тѣ-же самыя заблужденія? Впрочемъ, доводы на основаніи сходства обычаевъ не убѣдили многихъ, такъ какъ о нихъ больше и не говорили *). Указанное Бергманомъ сходство физического типа Гунновъ и Калмыковъ обратило на себя большее вниманіе. О немъ позже говорили и естествоиспытатели. Такъ, академикъ Бэръ, отрицавшій искусственное измѣненіе черепа у гунскихъ младенцевъ, о которомъ сообщила Аполлинарій Сидоній, а за нимъ и Ам. Тьерри, считалъ главное ядро этого народа— чистыми Монголами (см. стр. 45 статьи *Die Makrocephalen im Boden der Krum und Oesterreichs* § 6, *Ob die verbildeten Köpfe von den Hunnen stammen?* помѣщенной въ *Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg*, VII sér., II tome, № 6). Однако, въ настоящее время пришли къ убѣждевію, что такъ называемый монгольский типъ у восточно-финскихъ племенъ выраженъ нисколько не менѣе рѣзко, чѣмъ у собственно Монголовъ **). Западные Финны и Тюрки Османы не особенно рѣзко выражаютъ монгольский типъ, но если мы возьмемъ какого-нибудь Богула (этотъ народъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ угро-финскому семейству) или Каракиргиза (тюрка), то они по физическому типу не будутъ особенно отличаться отъ Монголовъ. Потому-то, при пересмотрѣ вопроса о Гуннахъ, антропологъ проф. Аничинъ, возражая Д. И. Иловайскому, считалъ этотъ народъ не арійцами, а урало-алтайцами (см. *Труды этнографического отдѣленія Московскаго Общества любителей естествознанія*, 1887, VII, 37-е засѣданіе). Еще Клапротъ высказался по

тому, что въ глубокой древности эти Калмыки пересели съ Востока на Западъ и расположились у Кавказа и въ Малой Азіи, т. е. то самое преданіе, которое привело Палласъ.

*) По поводу заключенія о родствѣ народовъ на основаніи сходства обычаевъ см. слова А. Гумбольдта, цитованныя въ *Geschichte der Völkerwanderung* Пальмана, стр. 88.

**) На близкую связь между монгольскими, финскими, тюркскими, самоѣдскими, тунгусскими, сѣверо-восточно-сибирскими и сѣверо-американскими племенами первый указалъ извѣстный датскій филологъ Раскъ. Многіе авторитетные ученые согласились съ этимъ: см. Кастрена, *Reiseberichte und Briefe*, стр. 10.

повору отожествлениі Гунновъ и Монголовъ на основаіі сходства физическаго типа. На стр. 239 своихъ „Tableaux historiques de l'Asie“ онъ писалъ слѣдующее: „Эти описанія могутъ быть примѣнены ко всѣмъ народамъ сѣверной Азіи, къ нимъ подходитъ какъ Вогулы, Самоѣды и Тунгусы, такъ и народы монгольскаго племени. Итакъ, сходства физического типа не достаточно для отожествлениія Гунновъ съ Монголами. Совершенно оставляя въ сторонѣ такое бездоказательное мнѣніе, какъ заключеніе о тожествѣ Гунновъ и Калмыковъ изъ общаго имъ недостатка, переходимъ къ лингвистическимъ доводамъ Бергмана, которые самъ авторъ считалъ наиболѣе вѣскими. Однако, эти доводы были опровергнуты Клапротомъ (цитов. соч., стр. 241). Справедливо напавъ на произвольныя сопоставленія именъ и словъ, сохраненныхъ намъ древними авторами отъ языковъ исчезнувшихъ народовъ, со словами первыхъ попавшихся языковъ *), онъ считаетъ невозможнымъ производить имя Мунцакъ отъ м у и цакъ, потому что оно пишется *Mundiukhos* и *Omundiukhos*, изъ чего видно, что среднее „и“—коренное и его нельзя произвольно выбрасывать. Слово Атель вовсе не значитъ Волга, а просто—большая рѣка (такое значеніе это слово имѣеть у казанскихъ татаръ, киргизовъ, башкировъ и чуваши). Съ этими возраженіями Клапрота согласился позже и Г. Н. Müller (*Der Ugrische Volksstamme*, 1837, т. I, с. 88). Говоря о томъ, что имя Волги Итель или Итиль—туркское, онъ считаетъ неосновательнымъ мнѣніе Бергмана и отвергаетъ его. Кромѣ этихъ двухъ ученыхъ, возсталъ противъ доводовъ Бергмана и Венелинъ (*Древніе и нынѣшніе Болгары*, т. I 1829, стр. 166). Онъ-же справедливо указывалъ и на несостоительность доказательствъ этого ученаго, основанныхъ на сходствѣ обычавъ и физического типа. Мы, со своей стороны, должны сказать, что считаемъ лингвистическія доказательства такого рода, какія приводилъ Бергманъ, только вспомогательными и совершенно недостаточными, какъ единственныи доводъ въ пользу принадлежности народа къ тому или другому племени. Мы въ данномъ случаѣ не говоримъ, разумѣется, объ остаткахъ народной письменности (каковы напр. Орхонскія надписи)—ихъ значеніе для исторіи очень велико и, если мы будемъ имѣть что-нибудь подобное въ исторіи Гунновъ и Хунь-ну, то вопросъ о происхожденіи этихъ народовъ будетъ рѣшенъ безповоротно. Недостаточными для рѣшенія мы считаемъ отдельныя слова и имена, дожедшія въ транскрипціи на языкахъ другихъ народовъ.

Разсмотрѣвъ гипотезу Палласа и доводы Бергмана въ пользу монгольскаго происхожденія Гунновъ и специально ихъ тожества съ Калмыками, мы пришли и въ убѣжденію, что ихъ мнѣнія уже достаточно опровергнуты, такъ что тѣ, которые желаютъ видѣть въ Гуннахъ Монголовъ или Калмыковъ,

*.) Отъ чего впрочемъ не свободенъ и самъ Клапротъ.

должны привести новые доказательства, а не ссылаться на двухъ вышеупомянутыхъ ученыхъ—ихъ взгляды и доказательства въ настоящее время не выдерживаютъ критики.

Нѣсколько другихъ, хотя и близкихъ къ двумъ вышеупомянутымъ ученымъ, возврѣвъ придерживался известный французскій историкъ Амедей Тье́ри. Такъ какъ онъ писалъ значительно позже Палласа и Бергмана, тогда, когда появились и получили большое распространеніе другія теоріи о происхожденіи Гунновъ, то, высказывая взгляды, онъ долженъ быть считаться съ возврѣніями другихъ ученыхъ. Его своеобразное мнѣніе, хотя и не высказанное такъ положительно въ пользу монголизма, такъ мы видѣли это у Бергмана, все-таки должно быть причислено къ этой теоріи. Высказалъ онъ его въ своемъ двухтомномъ сочиненіи „*Histoire d'Attila et de ses successeurs*“ (Paris, 1856). Излагая исторію великаго гунского завоевателя, онъ долженъ быть коснуться вопроса о происхожденіи его народа. Этому онъ посвятилъ нѣсколько страницъ своего сочиненія (6—9, I-го тома), при чмъ высказалъ свое мнѣніе только, какъ предположеніе. Говоря о населеніи Восточной Европы во время появленія Гунновъ и специально о Финнахъ, онъ замѣтилъ слѣдующее: „На Востокѣ имя Финновъ исчезло передъ названіями союзовъ, которые, образовавшись около Урала, оказывали дѣйствіе то на Европу, то на Азію, чаще на послѣднюю. Самымъ знаменитымъ изъ этихъ союзовъ былъ, кажется, союзъ Кнопп, Ноипп или Гунновъ, который покрывалъ своими ордами оба склона Уральскаго хребта и долину Волги. „Далѣе, сообщивъ известія Птолемея и Діонисія Періегета объ этомъ народѣ, онъ передалъ то, что исторія сохранила намъ о внутреннемъ устройствѣ этого союза. Онъ раздѣлился на двѣ большия группы, при чмъ принадлежащіе къ восточной или каспійской назывались Бѣлыми Гуннами, а къ западной—Черными. Тье́ри, по этому случаю, высказалъ предположеніе, что „гунское владычество простидалось къ Востоку на народы тюркскаго племени, а къ Западу на финновъ и, по весьма вѣроятной гипотезѣ, господствующее племя было монгольское, болѣе рѣзко выражющее физическій типъ азіатовъ, чѣмъ финны. „Дѣйствительно, исторія рисуетъ намъ Аттилу и часть гунского народа съ типичною калмыцкою наружностью“. Наружность Аттилы онъ, судя по сохранившемуся описанію, признавалъ скорѣе монгольскую, чѣмъ восточно финскую. Далѣе, онъ привелъ известіе Аполлинарія Сидонія о томъ, что Гуны искусственно безобразили своихъ дѣтей (вдавливали носъ, придавали черепу острую форму и т. д.). Объясненіе, которое даютъ этому древніе писатели, т. е. что Гуны дѣлаютъ это для того, чтобы шлемъ сидѣлъ на головѣ, Тье́ри считалъ не заслуживающимъ вниманія. Онъ скорѣе думалъ, что, такъ какъ Монголы были господствующимъ племенемъ, то ихъ наруж-

ность считалась аристократической и потому подданные старались искусственно приблизиться ви́ннимъ видомъ къ господствующимъ—вотъ причина измѣнія ихъ наружности.

Итакъ, считая уральскихъ Гунновъ въ массѣ Финнами, Тье́рри примѣну́лъ ко второй и третьей теоріямъ. Но господствующее племя онъ считалъ монгольскимъ, а такъ какъ въ нашемъ вопросѣ важно именно знать, каково было ядро народа, то мы и относимъ его къ теоріи монголизма.

Приступая къ разбору, мы прежде всего должны сказать, что очень трудно вообще критиковать мнѣнія, высказанныя въ видѣ предположеній или догадокъ; гдѣ нѣть доказательствъ, нѣть и критики. Тье́рри высказался именно въ такой формѣ. Онъ, напр., утверждалъ, что Аттила имѣть чисто-монгольскую наружность и не походилъ на восточного финна. Мы сказали уже выше, что въ настоащее время считаютъ почти невозможнымъ указать на различія между типами монгольскимъ, восточно-турецкимъ и восточно-финскимъ. Однако, на этомъ различіи Тье́рри строить цѣлую гипотезу о верховномъ владычествѣ монгольского племени. Что касается до искусственного измѣненія Гуннами наружности своихъ дѣтей, то противъ предположеній Тье́рри по этому поводу высказался еще Бэръ (въ названной выше статьѣ). Дѣло въ томъ, что единственный сообщавшій объ этомъ былъ Аполлинарій Сидоній, тогда какъ ни Аміанъ Марцеллинъ, ни Іорданъ, ни Прискъ—не говорятъ объ этомъ. Вотъ почему къ этому извѣстію надо относиться съ большой осторожностью и вполнѣ понятно задаться вопросомъ—не является-ли это сообщеніе попыткой объяснить до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстную западнымъ народамъ наружность Гунновъ. Вообще нужно сказать, что догадки этого ученаго, равно какъ и его воскрешеніе теоріи монголизма не основаны на точныхъ данныхъ, а потому какъ прежде, такъ и теперь не имѣли и не имѣютъ серьезнаго научнаго значенія, и если иногда встречается въ литературѣ упоминаніе о его мнѣніи по данному вопросу, то это объясняется, думается намъ, доступностью и популярностью вышеупомянутаго сочиненія *).

Перейдемъ теперь ко второй группѣ сторонниковъ теоріи монголизма, именно къ тѣмъ, которые доказывали монголизмъ Хунь-ну. Первымъ сторонникомъ монголизма Хунь-ну явился монголологъ Шмидтъ въ своихъ „Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literärischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter, St. Pé. 1824“. Это сочиненіе, какъ видно изъ заглавія,

*) Относя Тье́рри къ сторонникамъ монголизма, мы не можемъ сдѣлать того-же въ отношеніи г. Уйфальви, хотя г. Сайу (Sayous «Les origines et l'éroique rauchine de l'histoïre des Hongrois», p. 30) и считаетъ мнѣнія ихъ тождественными, потому что оба они считали Гунновъ «находившимся подъ монгольскимъ вліяніемъ». Однако, на это вліяніе они смотрѣли различно.

касается различныхъ вопросовъ исторіи Средней Азіи. Хунъ-ну и Гуннамъ посвящено около тридцати страницъ (39—67). Будучи оріенталистомъ, Шмидтъ обратилъ вниманіе на сочиненіе Дегінія, съ критики которого онъ и началъ свое изслѣдованіе о Хунъ-ну. Большимъ недостаткомъ этого ученаго считалъ Шмидтъ незнаніе имъ монгольского языка. „У Дегінія,“ говорить онъ, „Монголы являются тюркской ордой“. Не понимая системы классификаціи этого ученаго, Шмидтъ ближайшей причиной этого заблужденія считалъ мнѣніе, что Ту-гю (Tu-kіcei) были Тюрки. На основаніи китайскихъ лѣтописей заключали, что Хувану (Hiongnu) или Сунну (Siunnu) Ханьской династіи и Ту-гю Тайской были одинъ и тотъ-же народъ. Изъ этого по мнѣнію Шмидта, и получилось, что „Ту-гю были Тюрки, болѣе ранніе Хунну—тоже Тюрки, а позднѣйшіе Монголы—тиркская орда“. Единственнымъ доводомъ въ пользу турчизма Ту-гю считается Шмидтъ преданіе, по которому этотъ народъ получиль свое имя отъ горы, имѣвшей форму шлема, слова, которое на ихъ языкѣ называется ту-гю (въ китайской транскрипціи). Въ османскомъ языкѣ шлемъ называется такъ я—изъ этого заключили, что Ту-гю и Тюркъ одно и то-же. Но Шмидтъ задается вопросомъ (стр. 41): какимъ образомъ тюрки приими китайскій выговоръ въ словѣ, бывшемъ ихъ народнымъ именемъ, и выпустили букву *r*. Онъ болѣе склоненъ видѣть въ транскрипціи Ту-гю монгольское слово тулга или дулга, которое тоже значитъ шлемъ. Если выпустить букву *l*, которая въ концѣ слога такъ-же трудна китайцамъ, какъ и буква *r*, то получится эта самая транскрипція. Поэтому Шмидтъ высказалъ убѣжденіе, что и Ту-гю, и Хунъ-ну вовсе не были Тюрки, а чистые Монголы. Еще болѣе его убѣждаетъ въ этомъ то, что изложеніе исторіи древнихъ Хунъ-ну у Дегінія вполиѣ тождественно съ древнѣйшей исторіей Монголовъ въ сочиненіи о. Іакинеа. Кроме того, сходство видно и въ обычаяхъ—Хунъ-ну, какъ и современные Монголы, дѣлились на два крыла: правое и лѣвое. Извѣстно, что, по преданію Гуннамъ указала дорогу черезъ Меотійскія болота (Азовское море) лань. Шмидтъ указалъ на сходство имени этого животнаго съ именемъ жены мифологического родоначальника Монголовъ Бюрте-Чино (Bürtä-Tschino) Маралъ (лань) и еще съ тѣмъ, что по китайскимъ извѣстіямъ въ 967 г. до Р. Х. Чжоускій князь Му-вань отправился въ походъ противъ монгольского (?) племени Цюань-шунь и взялъ въ день 400 шкуръ бѣлыхъ волковъ и 400 шкуръ бѣлыхъ оленей. „Вездѣ здѣсь мы открываемъ Бюрте-Чино и Гоа-Маралъ въ монгольскомъ значеніи ихъ именъ“, добавляетъ Шмидтъ. Сдѣлавъ это неожиданное открытие, онъ въ самомъ имени Хунъ-ну видѣтъ связь съ монгольскимъ монгольскимъ звѣремъ. Онъ указываетъ на то, что въ сѣверо-китайскомъ говорѣ гортанные звуки южнаго произношенія замѣняются

шипящими. Такъ съверное Ся (имя династіи) равно южному Хя, Бедзинъ-Пекинъ и т. д. Поэтому южное Хунну или Хюнну (Hiongnu, Hiungnu) равно съверному Сунну или Сюнну (Sionnu, Siunnu). По монгольски слово Чино (Tschino) выговаривается во всѣхъ діалектахъ Чюно (Tschiuno) или Чюнно (Tschiunno). Такимъ путемъ онъ сближаетъ китайское Сюнну съ монгольскимъ Чюнно. Самый титулъ хуннускихъ государей (по Дегиню Ценъ-ли-ко-то, Tseng-li-ko-to, по Абель Ремюза Тенгри-куту, (Tangri-kutu) онъ считаетъ тожественнымъ съ титуломъ Чингизъ-хана Сутубогдо (Ssntu-Bokdo), такъ какъ по вышеуказанному правилу Суту равно Куту. Это слово, по мнѣнію Шмидта, ни въ монгольскомъ языке, ни тѣмъ менѣе въ тюркскомъ, не значитъ сынъ. Суту по монгольски „правильное перо“. Бодо-же и Тенгри (небо) почти одно и тоже; кроме того въ нѣкоторыхъ монгольскихъ книгахъ хаганы прямо называются тенгри. Переида заѣмъ къ европейскимъ Гуннамъ, онъ замѣтилъ, что нѣкоторые ученые (кто именно, онъ не говоритъ), сообразуясь съ описаніями наружности и обычаевъ Гунновъ, оставленными Амміаномъ Марцеліномъ, Іорданомъ и Прокопіемъ, признали въ нихъ Монголовъ, а Бергманъ пошелъ еще дальше и съ большимъ основаніемъ, по мнѣнію Шмидта, открылъ, что гунскія имена—монгольскія. Соглашаясь съ производствомъ имени Аттилы, онъ считаетъ ошибкой производство имени Мунцаѣтъ отъ му и цакъ. Это слово, по его мнѣнію, тоже, что и однозвучное съ нимъ и до сихъ поръ употребляющееся у Монголовъ и значащее: круглый, шарообразный предметъ, или-же это слово близко къ „мунца“, которое значитъ: „клинъ“. Онъ думаетъ, что и многія другія приводимыя древними авторами имена можно объяснить монгольскими словами. Такъ, Донатъ (Donat) равно Доной (Donoi), Карапонъ (Caraton)—Харату (Charatu), Бледа (Bleda) или Буда (Buda)—Бода (Boda), что значитъ личность или Будунъ (Budun), что значитъ туманъ, Баламиръ (Balamir)—Баламбаръ (Balambag), Эллакъ (Ellak)—Аллакъ (Allak), Субтаръ (Subthar)—Субударра (Subudarrga) и т. д. Вообще Шмидтъ вполнѣ довольствуется тѣмъ, что говорилъ о происхожденіи Гунновъ Бергманъ, и считаетъ ихъ Монголами.

Сходныхъ со Шмидтомъ взглядовъ придерживался и известный русскій синологъ о. Іакинъ Бичуринъ. Онъ писалъ по этому вопросу сначала въ „Запискахъ о Монголіи“ (Спб. 1828), потомъ въ „Собраниі свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена“ (Спб. 1851). Этотъ ученый, знатокъ китайского языка, совершенно не имѣлъ подготовки къ занятіямъ исторіей. По его мнѣнію, Средняя Азія всегда была населена тѣми народами, которые населяютъ ее теперь. Перевода изъ китайскихъ лѣтописей известія о кочевыхъ народахъ, жившихъ къ съверу отъ Китая, онъ довольствовался только переводами, не критикуя и не пропріяя данныхыхъ,

сообщаемыхъ этими лѣтописями. При такомъ способѣ работы, все написанное имъ по истории замѣчательно, главнымъ образомъ, какъ собраніе материаловъ, а не какъ научныя изслѣдованія. Мы начнемъ съ первого изъ упомянутыхъ сочиненій, во-первыхъ потому, что оно появилось раньше, а во вторыхъ потому, что въ немъ о. Іакинеъ сообщаетъ больше собственныхъ взглядовъ, чѣмъ во второмъ.

„Записки о Монголіи“ раздѣлены на четыре части. I-я—дневникъ поездки автора отъ Пекина до русской границы, 2-я—географическое и статистическое описание Монголіи, 3-я—собраніе историческихъ свѣдѣній (въ пересказѣ по китайскимъ лѣтописямъ), 4-я излагаетъ уложеніе, по которому китайцы управляютъ теперь Монголіей. По занимающему насъ вопросу болѣе всего данныхъ находится въ третьей части, хотя иѣкоторыя замѣчанія можно найти и во второй. Какъ синологъ и историкъ сѣверо-восточной части Азіи, о. Іакинеъ касался только истории Хунъ-ну. „Болѣе нежели за двадцать вѣковъ до нашей эры скитался уже Монгольский народъ со своими стадами по пустынамъ, сопредѣльнымъ съверному Китаю“, говоритъ онъ (т. II, стр. 1), вѣрный своимъ взглядамъ относительно неизмѣнности состава народовъ, населявшихъ Среднюю Азію *). Нензвѣстнымъ какъ предшественникамъ, такъ и иѣкоторымъ писавшимъ послѣ о. Іакинеа, остался тотъ фактъ, что Хунъ-ну въ 15 г. по Р. Х. получили отъ китайского императора Вань-мана предложеніе перемѣнить свое имя на Гунъ-ну. „Хунну, по китайски Хунъ-ну или Сюнь-ну, значить: злой рабъ, а Гунну значить: почтительный рабъ. И такъ Хунну съ 15 г. по Р. Х. начали называться Гуннами“ (т. II, стр. 34, прим.). Слѣдовательно, по мнѣнію о. Іакинфа, отдѣленіе орды Чижичи отъ Ху-хань-е, случившееся въ 51 г. до Р. Х., произошло до этого переименованія, тогда какъ распаденіе на сѣверныхъ и южныхъ (43 г. по Р. Х.) было уже позже. Что же касается до участія сѣверныхъ Хунъ-ну послѣ ихъ по-

*.) Замѣтимъ здѣсь, что о. Іакинеу принадлежитъ мнѣніе, которое мы находимъ и у сторонниковъ политической классификаціи—Дегінія и Каѣна, мнѣніе, что у кочевыхъ народовъ Средней Азіи племенное или родовое имя распространяется на цѣлый народъ, т. е. на совокупность племенъ и родовъ. Однако, мы видимъ, что это возврѣніе нисколько не мѣшаетъ о. Іакинеу придерживаться этнографической классификаціи. Приведемъ иѣсколько примѣровъ. «Поколѣнія, т. е. владѣтельныя домаъ, занимающими Монголію, даемъ нынѣ название Монголовъ не потому, чтобы они происходили отъ дома Монголовъ, не потому что сей домъ, усилившись, наконецъ, вѣтъ прочія поколѣнія своего племени покорилъ своей власти и составилъ какъ-бы новое государство, которое мало-по-малу привыкли называть Монголами-же, по прозванию господствующаго дома. Симъ образомъ, разныя Монгольскія (ошибка о. Іакинеа въ томъ, что онъ думалъ, будто все населеніе теперешней Монголіи всегда принадлежало къ монгольскому племени) поколѣнія и прежде назывались общими именами: Татаныцевъ, Киданеѣ, Хойхоровъ (Уйгуроы), Тумасцевъ, Синьбайцевъ, Хунновъ и т. д.» (т. I, стр. 157). «Цѣлое государство или народъ получаетъ у Монголовъ название отъ имени господствующаго дома, а каждый аймакъ отъ владѣльчаго поколѣнія. Съ паденiemъ владѣтельныхъ домовъ народъ ихъ не теряетъ своего бытія, но съ перемѣнами онъ получаетъ только новыя названія. Симъ образомъ одинъ и тотъ-же Монгольскій народъ существуетъ отъ древнѣйшихъ временъ до нынѣ подъ разными только именами» (Т. II, стр. 2).

раженія Сянъбайцамъ (92 г. по Р. Х.), то часть ихъ, по мнѣнію о. Іакинеа, подчинилась новымъ побѣдителямъ, а другая, сначала поселенная рядомъ съ южными Хунъ-ну по южную сторону Великой стѣны, ушла оттуда, и послѣ долгихъ странствованій и остановокъ у Урумцы, въ Тарбагатаѣ и Восточномъ Туркестанѣ, была разбита китайцами. „Послѣ сего сѣверные Гуны дѣйствовали слабо и, наконецъ, мало-по-малу и самое имя ихъ исчезло. Несмотря на сіе, нѣкоторыя поколѣнія Гунновъ долго еще существовали въ Тарбагатаѣ подъ другими именами и впослѣдствіи учинились известными по своимъ военнымъ подвигамъ“ (Т. II, стр. 52). Очевидно, что послѣднія слова указываютъ на европейскихъ Гунновъ. Итакъ, въ своемъ первомъ сочиненіи о. Іакинеъ явился рѣшительнымъ сторонникомъ теоріи монголизма. Переходимъ теперь къ его второму сочиненію.

Какъ указываетъ заглавіе, въ немъ излагается исключительно исторія. Разница между нимъ и третьей частью „Записокъ о Монголіи“ та, что въ немъ передается исторія не только кочевниковъ, жившихъ въ Монголіи, но и вообще народовъ Средней Азіи, а также и то, что въ первомъ сочиненіи ведется разсказъ по лѣтописамъ, а во второмъ только даны переводы съ примѣчаніями и добавленіями автора, такъ что оно уже вполнѣ носить характеръ сборника материаловъ; по собственному заявлению о. Іакинеа это сочиненіе „есть точный, болѣе буквальный переводъ“ (т. I, отд. I, стр. 2). Несмотря на то, что „Собрание свѣдѣній“ явилось на 23 года позже „Записокъ о Монголіи“, взгляды автора совершенно не измѣнились. О. Іакинеъ все такъ-же считаетъ, что Монголы издавна жили въ сосѣдствѣ съ Китаемъ. Такъ, онъ говорить: „Монголы съ незапамятныхъ временъ смышанно жили съ китайцами на сѣверныхъ предѣлахъ Китая“ (Т. I, отд. I, стр. I) „Хунъ-нѣй, Хань-юнь и Хуину суть три разныхъ названія одному и тому-же народу, известному нынѣ подъ названіемъ Монголовъ“ (Т. I, отд. I, стр. 2). „Почти за двадцать столѣтій до Р. Х. Монголы и Тунгузы въ китайской исторіи представляются какъ два самобытные наарода. Одни Тюрки, по причинѣ отдаленности, нѣсколько позже ознакомились съ жителями Срединнаго государства“ (Т. I, отд. II, стр. 477). О. Іакинеъ прямо заявляетъ, что „на всей полосѣ Средней Азіи отъ Восточнаго океана до Каспійскаго моря искони обитали тѣ-же самые народы, которые и нынѣ населяютъ эту страну“ (Т. I, отд. I, стр. VII). Исторію Хунъ-ну о. Іакинеъ помѣщаетъ въ первую часть, въ которой говорится только о наародахъ монгольского племени. Тутъ онъ касается вопроса объ имени этого народа, вопроса, о которомъ онъ ничего не говорилъ въ „Запискахъ о Монголіи“, и замѣчаетъ слѣдующее: „Китайцы, при голосовомъ переложеніи сего слова на свой языкъ, употребили двѣ буквы: хунъ злой и ну невольникъ. Но монгольское слово Хуину есть

собственное имя и значения китайскихъ буквъ не имѣть" (Т. I, отд. I, стр. 1). Имя первого славного шаньюя Хунну Мо-дэ онъ сближаетъ съ монгольскимъ словомъ модо, что значитъ „лвъсъ“ (тамъ-же, стр. 11). По поводу переименования изъ Хунь-ну въ Гунь-ну онъ замѣчаетъ: „Здѣсь измѣнено не подлинное народное название Монголовъ, а голосовое переложеніе названія на китайский языкъ“ (Т. I, отд. I, стр. 107). О. Іакинѣтъ, писавшій уже послѣ выхода въ свѣтъ многихъ изслѣдованій касавшихся Хунь-ну и счи-тавшихъ ихъ не Монголами, высказалъ мимоходомъ свое мнѣніе о двухъ ученыхъ, особенно извѣстныхъ своими работами по этому вопросу, въ слѣдую-щей формѣ (Т. I, огд. I, стр. 10): „Дегинева исторія о Хуннахъ, Тюркахъ и Монголахъ и Клапротовы записки объ Азіи отъ начала до конца наполнены превратными понятіями о древнихъ народахъ монгольского племени, потому что ни Дегинь, ни Клапротъ не читали китайской исторіи во всей ее обши-рности, почему то, что читали безъ связи въ цѣломъ, не все ясно и пра-вильно понимать могли“. По мнѣнію этого изслѣдователя ни многолѣтній, обширный трудъ Дегиня, ни работы Клапрота не заслуживаютъ вниманія, такъ какъ съ начала до конца полны ошибками. Ту-гю о. Іакинѣтъ, какъ и Шмидтъ, относилъ въ монгольскому племени. „Орієнталісты Западной Европы“, говорить онъ: „пренебрѣгли увѣреніемъ китайской исторіи, а обратили вни-маніе на созвучность Ту-гю съ Тюрки и прияли въ основаніе, что Монголы, извѣстные подъ народнымъ названіемъ Дулга, были Тюрки, а какъ предки дулгасскаго дома происходили изъ дома Хунновъ, то и Хуны были народы тюркскаго же племени. Сіе-то смѣщеніе Монголовъ съ Тюрками повело уче-ныхъ Западной Европы къ превратнымъ понятіямъ о народахъ монгольского племени, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена“ (Т. I, отд. II, стр. 256). Здѣсь мы видимъ возраженіе противъ раздѣляемой многими уче-ными теоріи о турчизмѣ Хунь-ну. Какъ убѣдительно возразилъ на нее о. Іакинѣтъ, насколько доказательны его взгляды, — скажемъ далѣе, при разборѣ.

Начнемъ съ Шмидта, какъ высказавшаго первымъ мнѣніе о монголизмѣ Хунь-ну. Клапротъ во второмъ томѣ (стр. 301—411) своихъ „Mémoires relatifs à l'Asie“ (1826) написалъ критику на *Forschungen* Шмидта. Этотъ ученый, доказавшій, что Ту-гю были Тюрки (объ этомъ мы скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ), особенно возсталъ противъ того, чтобы считать ихъ Монголами, какъ это сдѣлалъ Шмидтъ. Его возраженія не только опро-вергли доводы Шмидта, но и доказали противоположное. Впрочемъ распро-страняться по этому поводу не стоитъ, такъ какъ въ настоящее время Ор-ханская открытия сдѣлали несомнѣннымъ турчизмъ Ту-гю. Поэтому по нашему мнѣнію доводы Шмидта по вопросу о монголизмѣ Ту-гю могутъ остаться безъ возраженій. При наложеніи мнѣній этого изслѣдователя, мы видѣли, что

именно предположение монголизма Ту-гю содействовало тому, что Шмидтъ принялъ Хунъ-ну тоже за Монголовъ—вѣдь по китайскимъ извѣстіямъ Ту-гю происходили отъ Хунъ-ну. Если опровергнуть монголизмъ Ту-гю, то этимъ опровергнутъ и монголизмъ Хунъ-ну. Рассмотримъ теперь другіе доводы въ пользу монголизма этихъ послѣднихъ. Шмидтъ указалъ на сходство древней исторіи Хунъ-ну въ изложеніи Дегиня съ тѣмъ, что передалъ о. Іакинѣо о древнѣйшей исторіи Монголовъ. Однако, о. Іакинѣо самъ писалъ съ тенденціей, принимая Хунъ-ну за Монголовъ. Поэтому, вполнѣ понятно, что его исторія сходна съ тѣмъ, что сообщалъ Дегинъ—оба они писали исторію одного и того-же народа, только называли его различными именами. Что касается до отожествленія Хунъ-ну и Монголовъ только потому, что и тѣ, и другіе дѣлились на два крыла или сопоставленія имени Мараль съ преданіемъ о лани, указавшей Гуннамъ дорогу черезъ Меотійскія болота, то при критикѣ нельзя не сказать, что подобного рода мнѣнія совершенно не заслуживаютъ вниманія. Даѣе, по мнѣнію Шмидта, Хунъ-ну или Сюнъ-ну равно Чюнно. Если такъ, то конечно Сюнъ-ну ближе къ истинному имени этихъ кочевниковъ, чѣмъ Хунъ-ну. Однако же подданные Аттилы не назывались Сюннами и Чюннами, а Гуннами. Разъ истинное название этого народа Чюнно, то что-же общаго между этимъ именемъ и Гуннами? Шмидтъ этого не разъясняетъ. Относительно отожествленія Тенгри-куту и Сото-Бокда, мы приведемъ въ видѣ лучшаго опроверженія слова Клапрота (упом. статья стр. 394): „Хотя китайскіе историки вполнѣ ясно говорятъ, что Тенгри-куту (какъ и китайское Тань-цзу, Thien-tsü) означаетъ „сынъ неба“, г. Шмидтъ желаетъ объяснить этотъ титулъ, какъ „небесное перо“... Кута значитъ родственникъ, двоюродный братъ въ тюркскихъ нарѣчіяхъ Сибири“. Титулъ „сынъ неба“ понятенъ, но что это за „небесное правильное перо“—мы совершенно не понимаемъ. Что побудило государя Хунъ-ну называться такъ? Относительно Гунновъ напѣтъ авторъ не высказалъ ничего особенно важнаго. Примкнувъ къ мнѣнію Бергмана, онъ только привелъ еще нѣсколько гунскихъ именъ и сопоставилъ ихъ съ монгольскими. Въ общемъ, доводы этого изслѣдователя совершенно не выдерживаютъ критики. Въ одномъ случаѣ онъ прямо таки ошибается (принимая Ту-гю за Монголовъ), въ другомъ видѣть отличительныя черты народа тамъ, гдѣ ихъ совершенно нѣть (сопоставленіе лани въ преданіи о переходѣ Гунновъ въ Европу—съ именемъ Мараль), въ третьемъ даетъ такое объясненіе словамъ, что смыслъ ихъ остается совершенно непонятнымъ (Сото-Бокда). Мы можемъ смѣло сказать, что гипотеза Шмидта относительно происхожденія Гунновъ, опиравшаяся только на мнѣніе Бергмана, рушится, разъ отвергнуты доводы этого послѣдняго. Относительно Хунъ-ну онъ приводилъ такія доказательства, которыхъ при ближайшемъ разсмотрѣніи

не выдерживают критики. О. Іакинеъ, какъ мы уже говорили, доказывалъ очень мало; онъ довольствовался, главнымъ образомъ изложеніемъ историческихъ фактовъ. Мы привели выше его критику мнѣній Дегина и Клапрота, двухъ ученыхъ, которые по нашему вопросу сдѣлали очень много. И что-же говорить о нихъ о. Іакинеъ? Онъ совершенно отрицаетъ значеніе ихъ работъ, думая, что они только перепутали извѣстія. Относительно происхожденія Туту онъ придерживался того-же мнѣнія, что и Шмидтъ—следовательно ошибался, какъ и тотъ. Изученіе историческихъ фактовъ убѣдило его певидимому въ томъ, что откочевавшіе сѣверные Хунъ-ну могли быть предками Гунновъ. Полное отсутствіе какихъ-бы то нибыто доказательствъ лишаетъ насъ возможности разбирать подробно мнѣнія этого ученаго. Ему казались совершенно ясными такие вопросы, которые требовали и даже теперь требуютъ решенія.

Хотя оба изъ раннихъ сторонниковъ монголизма Хунъ-ну придерживались, думается намъ, по большей части недоказанныхъ мнѣній, мы все-же отдаемъ преимущество о. Іакинеу. Онъ даль намъ въ русскомъ переводѣ извѣстія о Хунъ-ну, существовавшія въ китайскихъ лѣтописяхъ. Относительно происхожденія Хунъ-ну онъ почти не приводилъ никакихъ собственныхъ доказовъ, а принялъ возврѣнія другихъ. Шмидтъ-же принялся доказывать; какого рода эти доказательства—мы видѣли. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ (выраженнымъ правда въ рѣзкой формѣ) Клапрота въ упомянутой выше рецензіи. Шмидтъ и о. Іакинеъ принесли гораздо больше пользы наукѣ, первый изданіемъ и переводомъ Санань-Сѣцна, второй китайской грамматикой или переводомъ китайскихъ лѣтописей, чѣмъ мнѣніями о происхожденіи и племенной принадлежности народа Хунъ-ну.

Если Палласъ, Вергманъ и Тьерри писали объ европейскихъ Гуннахъ, а Шмидтъ и о. Іакинеъ о китайскихъ Хунъ-ну, причемъ и тѣ, и другие, обративъ свое вниманіе на одинъ народъ, или совсѣмъ не касались другого, или говорили о немъ мимоходомъ, то Нейманъ (C. F. Neumann) можетъ считаться такимъ представителемъ этой теоріи, который писалъ и о тѣхъ, и о другихъ. Онъ считался какъ съ возврѣніями другихъ сторонниковъ той-же теоріи, такъ и писавшихъ до него приверженцевъ прочихъ теорій. Еще въ 1837 году высказалъ онъ въ своихъ „Asiatische Studien“ (Leipzig, 1837, S. 126) слѣдующее: „Хунъ-ну мы вмѣстѣ съ Гобилемъ, Виделу и Дегинемъ считаемъ за западныхъ Гунновъ“. Гораздо подробнѣе коснулся онъ этого вопроса въ небольшомъ изслѣдованіи о переселеніяхъ народовъ, озаглавленномъ „Die Völker des sündlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwicklung“ (Leipzig, 1847) и увѣнчанномъ наградой Французскимъ Институтомъ. По нашему мнѣнію въ вопросахъ, касающихся Хунъ-ну и Гунновъ, Нейманъ изложилъ въ сжатой, болѣе или менѣе науч-

ной формѣ взгляды вышеназванныхъ писателей, съ нѣкоторыми добавленіями и измѣненіями. Поэтому, мы считаемъ его сказавшимъ какъ-бы послѣднее слово монгольской теоріи и остановимся нѣсколько подробнѣе на его взглядахъ. Сочиненіе это было отвѣтомъ на данную Французскимъ Институтомъ тему—дать исторію отношеній и странствованій всѣхъ народовъ, жившихъ къ сѣверу отъ Чернаго и Каспійскаго морей съ начала третьаго до конца одиннадцатаго вѣка. Съ этой исторіей связаны нѣкоторые другіе вопросы, касающіеся переселеній народовъ и ихъ первоначальныхъ мѣстъ жительства. Однимъ изъ такихъ вопросовъ является нашъ вопросъ о происхожденіи Хунъ-ну и ихъ отношеніяхъ къ Гуннамъ. Какъ серьезный историкъ Нейманъ, разумѣется, не могъ оставить безъ вниманія событій, произошедшихъ въ глубинѣ Азіи, особенно движений кочевыхъ народовъ на западъ и юго-западъ. Почти при каждомъ появлѣніи нового народа въ исторіи южной Руси, онъ обращается къ далѣкому Востоку и старается выяснить причины движенія этого народа, а не то даже найти упоминаніе о немъ въ китайскихъ лѣтописяхъ.

Изложивъ въ первой главѣ своего изслѣдованія древнѣйшія извѣстія объ исторіи юга Россіи до второго вѣка и господства тамъ Готовъ, онъ во второй главѣ передалъ исторію Хунъ-ну и движеніе ихъ на западъ. Эта вторая глава, главнымъ образомъ, и интересуетъ насъ. Впрочемъ, относящіеся до нашего вопроса факты и соображенія находятся также въ первой, равно какъ и въ главахъ третьей (исторія государства Аттилы) и четвертой (паденіе гуннского государства и изложеніе судебъ Средней Азіи при Сянъ-би и То-по, а также появленіе Тюрковъ). Въ начаѣ второй главы, прежде, чѣмъ излагать исторію, онъ вкратцѣ коснулся вопроса объ отношеніяхъ кочевниковъ въ Китаѣ, а затѣмъ мнѣнія китайцевъ относительно племенной принадлежности этихъ народовъ. Онъ указалъ на громадное значеніе этихъ кочевниковъ для сосѣднихъ, осѣдлыхъ народовъ и на стремленіе этихъ осѣдлыхъ народовъ ближе ознакомиться съ законами и обычаями, числомъ и мѣстами обитанія этихъ страшныхъ враговъ, чтобы легче бороться съ ними. Далѣе онъ сообщилъ, что, по возврѣніямъ китайцевъ, все эти народы принадлежали къ одному и тому-же племени и различались только мѣстами жительства. „Это одинъ и тотъ-же народъ, говорятъ китайцы, который при различныхъ династіяхъ назывался различными именами. Хунъ-ну (Hiong-nu), Ту-ю (Tu-kiuei), Монъ-гу (Mong-ku), Та-та (Ta-ta)“ (стр. 24). Авторъ вполнѣ согласенъ съ этимъ взглѣдомъ, говоря, что хотя и существуетъ различіе въ физическомъ типѣ между Тюрками, Монголами и Тунгузами и хотя это различіе даже указывается самими китайцами, языки этихъ народовъ указываютъ на ихъ первоначальное единство. Затѣмъ онъ переходитъ къ исторіи. „Кажется во времена древнѣйшей китайской династіи Ха (Hia) узнали впервые

собственное имя народа Хунь-ё, которое, въроятно, значить—люди, потому что народы и племена рѣдко даютъ себѣ собственные имена; они обыкновенно называютъ себя только — народъ, люди” (25). Итакъ, Нейманъ считаетъ именно Хунь-ё (Hun-io) именемъ народа, а всѣ остальные, позднѣйшія имена только передѣлками этого. Оно совсѣмъ не значить „проданные рабы“, какъ перевелъ его Абель-Ремюза и не выговаривается Чонь-ё (Tschong-io), какъ писалъ Дегинъ, принявъ ошибочное наименование, сообщенное Ма-ту-ань-линемъ. Истинное значение этого слова, по мнѣнію Неймана, „лукойды“. Когда впослѣдствіи эти варвары вступили въ болѣе близкія и болѣе враждебныя отношенія къ китайцамъ, эти послѣдніе стали имъ давать разныя обидныя клички, напр. Хунь-ну (Hiong-nu), что значитъ „поднимающіе шумъ рабы“ (lÄrg-wende Sclaven). „Эти оскорбительныя слова, только по звуку сходныя съ собственнымъ именемъ Хунь-ё, выгѣсили это и стали употребляться вместо него“ (стр. 26). Объ обычаяхъ этого народа Нейманъ сообщаетъ какъ по китайскимъ, такъ и по византійскимъ источникамъ, замѣчая, что известія Сы-ма-цзя и Ма-туань-лини настолько сходны съ тѣмъ, что сообщилъ Амміанъ Марцелінъ, что кажется будто они списали другъ съ друга (стр. 29). Сообщая далѣе, что европейцевъ поражала наружность Гунновъ, тогда какъ китайцы ничего особенного въ ней не находили, онъ заключаетъ, что слѣдовательно и жители Срединнаго царства и эти варвары принадлежали къ одной расѣ. Имъ, напротивъ, казался страннымъ видъ народовъ кавказскаго племени — они разсказываютъ о Тюркахъ и о другихъ народахъ, принадлежащихъ къ этой-же расѣ, что у нихъ впалые глаза и выдающіяся носъ. Этого достаточно для признанія, что Хунь-ё и Монголы одинъ и тотъ-же народъ. Если бы они были Тюрки, то китайцы отмѣтили-бы и у нихъ эти отличительныя черты“ (стр. 30). Описанія ихъ наружности убѣждаетъ Неймана въ ихъ несомнѣнной принадлежности къ монгольскому племени. Послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ соображеній Нейманъ восклицаетъ: „какой-же благородный историкъ можетъ послѣ этихъ, до мелочей сходныхъ, описаній Хунь-ё, Гунновъ и Монголовъ въ восточныхъ источникахъ за нѣсколько столѣтій до Р. Х. и въ западныхъ IV, V, и XIII вѣковъ, сомнѣваться еще, что всѣ эти народы принадлежали къ монгольской расѣ?“ (стр. 31). Въ этихъ словахъ Нейманъ выразилъ свое убѣжденіе, что Хунь-ну (по его мнѣнію скорѣе Хунь-ё) китайскихъ лѣтописей, европейскіе Гуны IV и V вѣковъ и Монголы Чингизъ-Хана — одинъ и тотъ-же народъ. Объясненіе гунскихъ именъ и словъ изъ тюркскихъ и финскихъ языковъ нисколько, думаетъ онъ, не противорѣчить монголизму этого народа. Вотъ что сказалъ онъ по этому поводу: „Мы знаемъ, что изъ одного татарскаго *) племени

*) Подъ татарскими въ его время подразумѣвали тюркскіе, монгольскіе и тунгускіе языки; см. по этому поводу Абель Ремюза «Recherches sur les langues tartares».

языковъ, существовавшаго въ глубочайшей древности, съ течениемъ времени развились три, различающіе въ частностихъ, въ общемъ-же обнаруживающіе одно происхожденіе языка, съ которыми финскіе болѣе или менѣе родственны. Однако, изъ арійскаго или индо-китайскаго племени вышли многие своеобразные какъ въ корняхъ, такъ и въ формахъ языки. Не нужно никакихъ дальнѣйшихъ доводовъ для того, что, хотя и существуетъ соотношеніе между татарскими и финскими идіомами, заходящее далеко за границы всякой исторіи, оно не можетъ быть взято какъ доказательство общаго происхожденія или родства физически столь несходныхъ народовъ". Изъ этихъ словъ можно сдѣлать тотъ выводъ, что Нейманъ придавалъ гораздо больше значенія физическому сходству или различію, чѣмъ лингвистическому; Монголы могутъ имѣть въ своемъ языкѣ тюркскія или финскія слова, но физически они всегда будутъ отличаться отъ тюрковъ и финновъ. Въ передачѣ историческихъ фактовъ Нейманъ строго слѣдуетъ за китайскими лѣтописями. Онъ, какъ и о. Іакинъ, признаетъ, что въ концѣ I-го вѣка по Р. Х. сѣверные Хунъ-ну были разбиты. Одна часть ихъ подчинилась Китаю, другая Синь-би, третья-же откочевала на западъ. Эти откочевавшіе Хунъ-ну заняли область Юе-бани. Нейманъ считаетъ вѣроятнымъ, что китайцы называли такъ всѣ області, лежавшія въ сѣверо-западу отъ Согдіаны до земель Римской имперіи. Можетъ быть, что Юе-бани Угорская земля (das Land der Jugri), и можетъ быть это слово есть измѣненное Eulysia, которое Прокопій даетъ всей степной области на Востокѣ отъ Азовскаго мора. Что касается отношеній Хунъ-ну и Гунновъ, то Нейманъ признавалъ этихъ ушедшихъ въ Юе-бани Хунъ-ну Гуннами. Онъ указалъ на то, что извѣстія китайскихъ и европейскихъ писателей вполнѣ согласуются. „Какъ разъ около того времени", говорить онъ (стр. 38—39): „къ концу первого вѣка нашего лѣтосчисленія, когда Гуны по китайскимъ извѣстіямъ расположились въ Юе-бани (Jue-pan) и завладѣли частью земли Аланъ, и западные писатели знаютъ о присутствіи ихъ въ этихъ мѣстахъ. Это—сходство, которое также должно убѣдить самую осторожную критику въ тожествѣ Хунъ-ѣ, Хунъ-ну и Гунновъ". Изъ этихъ западныхъ писателей онъ называетъ Діонісія, который говорить, что Гуны живутъ за Скиѳами, и Амміана, который знаетъ объ ихъ вторженіяхъ въ Армению. Что касается до этническаго состава вторгнувшихся въ Европу Гунновъ, то Нейманъ, думая вполнѣ справедливо, что кочевые народы вообще немногочисленны, признавалъ, что они не могли быть чистыми Монголами. „Часто случается, что народы завоевывающіе страну, удерживаютъ имена коренныхъ жителей или жившихъ до нихъ. Поэтому Болгары, Авары, Мадьяры и Секлеры (Szekler), принадлежавшіе частью къ финскому, частью къ татарскому племени, позже Тюрки и даже Славяне у относившихся безъ кри-

тики писателей Запада и Востока назывались Гуннами (стр. 77). Что касается до производства слова тюркъ, то по этому поводу Нейманъ высказалъ своеобразное мнѣніе. Приведя извѣстія о происхожденіи этого имени отъ слова та́къя, онъ прибавилъ (стр. 85): „Это, безъ сомнѣнія, одно изъ позже выдуманныхъ производствъ, которыхъ много въ восточныхъ и западныхъ сочиненіяхъ“. Онъ думаетъ, что это имя происходит отъ слова Туранъ, означающаго страны, лежащія по ту сторону Окса и впервые названныя такъ Персами (стр. 11). Наконецъ, оригинальны его возврѣнія и относительно происхожденія Ту-гю отъ Хунь-ну. Онъ думаетъ, что эта орда была подчинена Гуннамъ и даже говорила на языкѣ этихъ послѣднихъ и только позже отдѣлилась отъ бывшихъ побѣдителей (стр. 85—86).

Приведя вкратцѣ мнѣнія Неймана, мы можемъ сказать, что онъ въ общемъ придерживался тѣхъ-же возврѣній, что и его предшественники по теоріи монголизма. Хунь-ну и Гунны, по его возврѣніямъ, одинъ и тотъ же народъ и при томъ монгольского происхожденія. Его доводы должны обратить наше особенное вниманіе какъ потому, что онъ завершилъ и обобщилъ то, что было сдѣлано до него сторонниками монголизма, такъ и потому, что онъ обладалъ большимъ материаломъ и большей научной способностью, чѣмъ вышеупомянутые изслѣдователи. Согласіе Неймана съ тѣмъ мнѣніемъ китайцевъ, что все названія народовъ Средней Азіи только названія династій, а не народовъ, не оправдывается по нашему мнѣнію его собственными словами, что Хунь-ну были Монголы, а Ту-гю—Тюрки. Совершенно уже нельзя согласиться, если даже вопросъ о народности Хунь-ну считать спорнымъ, съ тѣмъ, что Ту-гю и Минь-гу т. е. Тюрки и Монголы одинъ и тотъ-же народъ. Можно сказать, что въ государство Ту-гю входило много монгольскихъ элементовъ, а въ Минь-гу тюркскихъ, но необходимо признать, что въ одномъ случаѣ власть принадлежала Монголамъ, а въ другомъ—Тюркамъ. Мы вполнѣ согласны, что нѣкогда и Тюрки, и Монголы, и Тунгузы составляли одно цѣлое но это не значитъ, что они всегда оставались въ такихъ отношеніяхъ, что ихъ даже трудно отличить однихъ отъ другихъ. Очень возможно, что китайцы, зная ихъ съ глубокой древности, продолжали считать ихъ за одинъ и тотъ же народъ, знакомясь же ближе, стали отмѣтить отличительныя черты каждого изъ нихъ. Такимъ образомъ и получилось, что кочевые народы на сѣверѣ Китая считались то однимъ народомъ, то разными. На первоначальное единство этихъ народовъ указываетъ не только сходство языковъ при „физическомъ различіи“, но сходство и того, и другого. Илагая исторію, Нейманъ высказался въ пользу того, что истинное имя страшныхъ кочевниковъ было Хунь-ё, всѣ-же прочія—передѣлки этого названія. Мы не понимаемъ какъ ругательное слово Хунь-ну могло вытѣснить народное имя и при

тому, если оно действительно вытеснило его, то у кого—у китайцев или у самих Хунь-ю? Что китайцы могли употреблять его вместо настоящего—съ этимъ мы можемъ согласиться, но принятие его самими кочевниками отрицаємъ. Трудно определить, къ какому имени изъ сообщаемыхъ лѣтописями всего ближе истинное имя народа. Сходство гунскихъ и хунхускихъ обычаевъ въ описанияхъ европейскихъ и китайскихъ авторовъ объясняется общими кочевыми условиями жизни. Это сходство не можетъ быть принято какъ доказательство тождества народовъ. Мы вполнѣ согласны, что китайцы были ближе къ этимъ народамъ по расѣ, чѣмъ жители Европы и что ихъ поражалъ видъ народовъ кавказской расы, но замѣтимъ, что Нейманъ очень ошибался, принимая Тюрковъ за представителей кавказской расы *). Извѣстія, которыя онъ приводить изъ китайскихъ лѣтописей о наружности Тюрковъ, относятся не къ нимъ. Очевидно Нейманъ имѣлъ въ виду сообщеніе „Исторіи сѣверныхъ дворовъ“ и Ма-ту-ац-лииа, такъ какъ онъ и сослался на этого послѣдняго. Но въ этихъ извѣстіяхъ дѣло идетъ не о Тюркахъ, а объ Арийцахъ **). Мы не можемъ также согласиться съ этимъ ученымъ относительно предпочтенія классификаціи по физическому типу и такимъ образомъ поставить на второе мѣсто лингвистическую классификацію. Въ этнографіи въ настоящее время придается лзыку не менѣе, если даже не болѣе важное значеніе. Видимо знакомый съ доводами Клапрота, Нейманъ считалъ возможнымъ видѣть въ гунскомъ языкѣ финскія слова, но продолжалъ считать эти народы совершенно различными. Теперь, однако, Финны и лингвистически и физически причисляются къ тому-же племени, къ которому принадлежать Тюрки, Монголы и Тунгузы. Далѣе, трудно сказать откуда Нейманъ взялъ определеніе мѣстоположенія страны Юе-бани. Относительно отождествленія ея съ Угорской землей Нейманъ высказалъ только предположеніе безъ всякихъ доказательствъ. Измѣненіемъ слова Eulysia Юе-бань не могло быть потому, что это греческое слово, которое быть можетъ не знали даже туземцы, а если и знали, то оно было имъ совершенно чуждо. Только этотъ изслѣдователь и Дегинъ думали, что страна Юе-бань находилась западнѣе Кангюя. Съ этимъ, однако, нельзя согласиться на томъ основаніи, что китайскія лѣтописи точно указываютъ мѣстоположеніе Юе-бани—страна эта лежала къ востоку отъ Кангюя (киргизскія степи) и къ западу отъ Усу-ни (Дзунгаріи). Поэтому Юе-бань скорѣе всего соответствуетъ Тарбагатайскому округу и областямъ къ югу отъ

*) Это заблужденіе было, впрочемъ, распространено и въ его время, и ранѣе. Напр. Абель Ремюза, державшія совсѣмъ другихъ взглядовъ относительно происхожденія Хунь-ну, считалъ Тюрковъ принадлежащими къ кавказской расѣ. См. его *Recherches*, стр. XXXVI.

**) См. В. В. Григорьевъ, выпускъ второй «Восточного Туркестана», (Землевѣдѣніе Азіи Риттера), стр. 10. Китайскій текстъ переведенъ у о. Іакинеа. «Собраніе свѣдѣній», т. III, стр. 145; ср. тамъ-же, стр. 61.

него *). Если нельзя ничего сказать против мнѣнія Неймана относительно этническаго состава Гунновъ, какъ смѣси всевозможныхъ народовъ и племенъ, то нельзя согласиться съ производствомъ слова Тюркъ отъ слова Туранъ. Помимо бездоказательности этого словоизводства, нужно сказать, что Туранцы были Арийцы, а вовсе не Тюрки. Своеобразно мнѣніе Неймана относительно происхожденія Ту-гю отъ Хунь-ну. Не будучи уже въ состояніи раздѣлять возврѣній Шмидта и о. Іакинея относительно монгольского происхожденія Ту-гю, онъ считалъ ихъ Тюрками и думалъ, что они не этнически, а политически произошли отъ Хунь-ну т. е. что государство Ту-гю возникло на руинахъ государства Хунь-ну. Не признавая видимо существованія тюркскаго языка въ сѣверо-восточной Азіи до появленія Ту-гю, онъ выразилъ мнѣніе, что Тюрки, бывшіе подъ властью Хунь-ну, даже говорили на языкѣ этихъ послѣднихъ. Доказательствъ какъ первому, такъ и второму изъ этихъ предположеній, мы, однако, нигдѣ не находимъ.

Изложивъ мнѣнія Неймана и разобравъ ихъ, я долженъ сказать, что въ причисленіи его къ теоріи монголизма не всѣ согласны. Именно, П. П. Семеновъ называетъ его однимъ изъ новѣйшихъ авторовъ, которые возвращаются мало по малу къ прежнему мнѣнію о тождествѣ Гунновъ и Хунь-ну, не возобновляя конечно уже оставленной гипотезы о соплеменности Хунновъ съ Монголами (Риттеръ, Землевѣдѣніе Азіи, т. I, Спб., 1850, стр. 631). Въ опроверженіе этому можно привести слова самого Неймана на стр. 31 его сочиненія, въ которыхъ онъ рѣшительно высказалъ за монголизмъ Хунь-ну и Гунновъ. Впрочемъ, изъ того, что П. П. Семеновъ ссылается тамъ-же въ подтвержденіе своихъ словъ на „Asiatische Studien“ (специально на стр. 132, гдѣ Нейманъ только мимоходомъ высказалъ мнѣніе о тождествѣ Гунновъ и Хунь-ну), можно думать, что почтенный ученый считалъ это сочиненіе главнымъ или единственнымъ, касающимся вопроса о Хунь-ну, тогда какъ другое, болѣе важное въ данномъ случаѣ, изслѣдованіе „Die Völker des südlichen Russlands“ осталось ему неизвѣстнымъ.

Съ Нейманомъ теорія монголизма сказала какъ бы свое послѣднее слово. Онъ поставилъ въ тѣсную связь извѣстія о Хунь-ну и Гуннахъ; онъ уклонился отъ произвольныхъ сопоставленій словъ, что являлось отличительной чертой предшествовавшихъ ему сторонниковъ теоріи монголизма, равно какъ и другихъ теорій; онъ-же обратилъ вниманіе на отношенія кочевыхъ народовъ Средней Азіи къ Восточной Европѣ. Наиболѣе крупнымъ недостаткомъ его является не вполнѣ вѣрная группировка народовъ по ихъ про-

*) См. о. Іакинеъ «Собрание свѣдѣній», т. III, стр. 163 и географический указатель тамъ-же, стр. 109; Аристовъ «Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ», Живая Старина, 1896, выпускъ II и III, стр. 293.

ихожденію и предпочтеніе классификації на основанії физического сходства передъ классификацией по языкамъ.

Однако теорія монголизма Хунь-ну и Гунновъ вовсе не исчезла съ упомянутыми учеными. Правда, посль Неймана, т. е. съ 1847 г. мы не можемъ назвать ни одного ученаго, раздѣлявшаго возврѣніи этой теоріи во всей ея полнотѣ, до 1883 г., когда известный англійскій изслѣдователь, авторъ *History of the Mongols* X. Хоуорсъ (H. Howorth) на шестомъ международномъ съездѣ ориенталистовъ въ Лейденѣ сообщилъ свои взгляды на этотъ вопросъ. Его докладъ былъ напечатанъ въ изданной въ 1885 г. четвертой части трудовъ съезда (*Actes du sixi me congr s international des Orientalistes, tenu en 1883   Leide. 1885 Leide, Brill*) подъ заглавіемъ, *Some notes on the Huns**. Въ этой статьѣ онъ возобновилъ теорію монголизма, понимая ее въ томъ видѣ, какъ понималъ Нейманъ.

Хоуорсъ считаетъ вопросъ о происхожденіи Гунновъ однимъ изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ въ древней этнографіи Азіи, а результаты изслѣдований признаетъ очень незначительными. Трудность окончательного рѣшенія зависитъ, по его мнѣнію, отъ многихъ причинъ: бѣдности матеріала для филологическихъ изысканій, неизвѣстности физического типа и т. д. Задача изслѣдователя заключается въ рѣшеніи вопроса — были ли Гуны тюркскаго, монгольскаго, финскаго происхожденія или они состояли изъ различныхъ элементовъ. У армянскихъ писателей Гуны упоминаются какъ жители областей къ сѣверу отъ Кавказа еще до II-го в. до Р. Х. Однако, отожествленію гунскихъ именъ съ именами кавказскихъ Аваровъ, изъ кото-раго слѣдуетъ по мнѣнію Хоуорса признаніе того, что Гуны и Авары были лезгинскаго племени, противорѣчить исторія, преданіе и физический типъ. Нашъ изслѣдователь указываетъ на то, что нельзя опираться только на лингвистическія данныя, такъ какъ эти данныя измѣнчивы (онъ приводить въ примѣръ племя Хезаре въ Афганистанѣ, которое, хотя и говорить на персидскомъ языке, однако принадлежитъ несомнѣнно къ монгольскому племени). Онъ находитъ, что лучше всего руководиться историческими фактами („установленіемъ исторической преемственности“, какъ выражается онъ), дополняя ихъ лингвистическими и другими данными. Справедливо указавъ на отсутствіе этнографической классификації у Дегіни, Хоуорсъ считаетъ отожествленіе Хунь-ну съ Ту-гу, сдѣланное Клапротомъ, смѣлымъ на томъ основаніи, что китайцы не дѣлали никакого различія въ этнографическомъ отношеніи между своими кочевыми соѣдами и когда нападенія этихъ соѣдей на ихъ страну возобновились, они назвали нападавшихъ потомками Хунь-ну. Хоуорсъ высказываетъ убѣжденіе въ томъ, что Хунь-ну были Монголы. Этотъ выводъ дѣлаетъ онъ изъ слѣдующихъ соображеній. 1) Хунь-

иу занимали страну Монголовъ. Что тюрки занимали южную часть этой страны въ VI-мъ вѣкѣ, не доказываетъ того, что они занимали ее раньше. Монголы-же, насколько мы знаемъ, были исконными обитателями этой страны. 2) Чингисъ-ханъ, въ разговорѣ съ даосскимъ монахомъ Чань-Чунемъ, называетъ шань-юя Хунь-иу „нашимъ“ шань-юемъ. Хоуорсъ принимаетъ и сдѣланное Шмидтомъ отожествление словъ Шань-юй съ Чи-ио и Суту-Бекда съ Тентри-Куту. Въ подтверждение своему мнѣнію онъ приводить также и сходство нѣкоторыхъ обычаевъ (употребленіе извѣстнаго рода знамени и особаго рода костюмовъ при свадьбахъ). Жуань-жуань, ближайшіе преемники Хунь-иу въ сѣверо-восточной Азіи, происходили, по словамъ Ма-ту-аильяни отъ Хунь-иу; это весьма вѣроятно, прибавляетъ Хоуорсъ, такъ какъ „они были действительно въ тѣсной связи между собою“. Если мы обратимъ внимание на ожесточенную вражду Жуань-жуань съ Ту-гю, то можно опять таки думать, что первые были монголы, такъ какъ выдающуюся роль въ Средней Азіи могли играть только или тюрки, или монголы. Шмидтъ, основываясь на лингвистическихъ данныхъ, то-же пришелъ въ тому мнѣнію, что Жуань-жуань—монголы. Въ своихъ выводахъ Хоуорсъ идетъ еще дальше признания монголизма этихъ двухъ народовъ и думаетъ, что Хунь-иу были предками собственно Монголовъ, а Жуань-жуань были предками Оиратовъ. Онъ даже сближаетъ слово ойратъ со словомъ Аваръ, такъ какъ „ат“ есть окончаніе множественнаго числа, а ойр-уар т. е. авар; въ этомъ онъ видитъ даже подтверждение гипотезы Дегина, что Жуань-жуань и Авары одинъ и тотъ-же народъ. Признавая тождество Хунь-иу и Гунновъ, Хоуорсъ однако указываетъ на то, что въ Средней Азіи часто династія была одного происхожденія, а масса народа—другого (напр. Золотая Орда, гдѣ династія была монгольская, а масса народа—тюрки). Затѣмъ, Хоуорсъ переходитъ къ монгольскому происхожденію династіи Гунновъ. Главное основаніе для этого отожествленія по мнѣнію Хоуорса,—сходство гунскихъ обычаевъ съ монгольскими (напр. одѣжда Аттилы сходна съ одѣждой монгольскихъ князей; гуны, какъ и монголы, ъли только мясо особымъ образомъ убитыхъ животныхъ и т. д.). Признавая тотъ фактъ, что среди Гунновъ были и германцы, и славяне, онъ, однако, считаетъ главнымъ составомъ народной массы—тюрковъ и финно-угровъ. Затѣмъ, Хоуорсъ останавливается на имени „Бѣлые Гуны“, которое какъ-бы подразумѣваетъ другое, именно „Черные Гуны“, подобно тому, какъ были Черные и Бѣлые Угры, Еара (черные) и Акъ (бѣлые) Хазары. „Бѣлые“ Хазары, Угры и Гуны были вѣроятно Тюрки, а „Черные“ Хазары, Угры и Гуны—Угры. Впрочемъ Хоуорсъ отказывается отъ окончательнаго решенія вопроса; решить его нельзя—можно лишь выставлять гипотезы.

Изъ вышеприведенного содержания статьи Хоуорса можно, какъ намъ кажется, замѣтить, что онъ далъ очень мало новыхъ материаловъ по вопросу о монголизмѣ Хунъ-ну и Гунновъ сравнительно съ тѣмъ, что было уже сообщено сторонниками этой теоріи до него. Пріемы этого изслѣдователя тоже не особенно отличаются отъ пріемовъ другихъ сторонниковъ монголизма, не смотря на то, что историческая этнографія очень двинулась впередъ даже со временемъ Неймана. Въ некоторыхъ же вопросахъ Хоуорсъ, какъ увидимъ ниже, высказываетъ такія голословныя сужденія, отъ которыхъ Нейманъ вѣроятно воздержался-бы. Передавая извѣстія о Гуннахъ у Армянъ, Хоуорсъ ошибся въ опредѣленіи времени ихъ пребыванія въ областахъ къ сѣверу отъ Кавказа. Сенъ-Мартенъ, указавшій на эти извѣстныя у армянскихъ писателей (см. ниже главу IV) сообщилъ лишь то, что Гуны извѣстны армянамъ во второй половинѣ III-го вѣка по Р. Х. Хоуорсъ-же полагалъ, что упоминаніе о нихъ относится ко II-му вѣку до Р. Х. Разница во времени получается, какъ видно, значительная. Клапротъ, на которого такъ нападаетъ Хоуорсъ, вовсе не думалъ, какъ увидимъ ниже, что Гуны и Авары были Лезгины—онъ прямо даже отрицалъ это. Признавая незначительность однихъ лингвистическихъ данныхъ въ нашемъ вопросѣ, нельзя однако согласиться съ прѣмѣромъ, приведеннымъ Хоуорсомъ—племя Хезаре является несомнѣнно исключениемъ и этнографическая классификація возможна въ настоящее время главнымъ образомъ по даннымъ лингвистическимъ. Въ признаніи Хунъ-ну Монголами, Хоуорсъ по нашему мнѣнію, опирается на недостаточныя основанія. Если мы не можемъ сказать, что Тюрки занимали Монголію до IV вѣка по Р. Х., то мы также не можемъ сказать, что Монголы—исковные обитатели этой страны; мимоходомъ-же сказанныя слова Чингизъ-хана могутъ еще менѣе служить доказательствомъ. Относительно доводовъ Шмидта, которыми Хоуорсъ придаетъ такое значение, равно какъ и относительно отожест-вленія народовъ по сходству обычавъ, мы уже говорили выше и поэтому не считаемъ нужнымъ вторично опровергать ихъ. Признавать Жуань-жуань монголами только потому, что они вели ожесточенную войну съ Ту-гю, мы не считаемъ возможнымъ на томъ основаніи, что ожесточенная борьба можетъ происходить и между народами одного происхожденія (вспомнимъ хотя-бы борьбу между тюркскими народами Ту-гю и Уйгарами въ началѣ VII-го вѣка). Въ опроверженіе того мнѣнія, что только Тюрки и Монголы играли выдающуюся роль въ исторіи Средней Азіи, мы укажемъ на народъ, играв-шій несолько не менѣшую роль, чѣмъ Жуань-Жуань, именно на Сянь-би и который тѣмъ не менѣе былъ ни тюркскаго, ни монгольскаго, а либо тун-гусскаго, либо корейскаго происхожденія. Что касается до вопроса о Гуннахъ, то тутъ Хоуорсъ вполнѣ сходится съ взглядами Тьери, хотя и не говорить

объ этомъ изслѣдоватѣй. Къ гипотезѣ о Черныхъ Гуннахъ, возникшихъ въ представлениі Хуорса по аналогіи съ Черными Уграми и Хазарами, за отсутствіемъ историческихъ извѣстій, нельзя относиться съ довѣріемъ.

Въ заключеніе всего вышеприведеннаго мы должны сказать, что возобновленіе теоріи монголизма не было вызвано открытиемъ нового матеріала, а личными убѣжденіями одного ученаго. Въ небольшомъ докладѣ на съездѣ, въ общихъ чертахъ, онъ изложилъ то, что по большей части было извѣстно и до него.

Подводя итоги всей монгольской теоріи, нужно сказать, что ее никоимъ образомъ нельзя считать сданной въ архивъ. Это доказывается не только появленіе вышеприведенной статьи Хуорса, но сравнительная распространенность ее среди не специалистовъ *). Ея влияніе бываетъ замѣтно и въ строго научныхъ трудахъ и въ популярно научной литературѣ, и въ простыхъ учебникахъ. Эта теорія, первая въ хронологическомъ порядке, въ вопросахъ о происхожденіи Хунъ-ну и Гунновъ по большей части строго придерживалась этнографической классификаціи, а въ вопросахъ о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ считалась съ историческими фактами. Тѣмъ не менѣе нужно сказать, что для того, чтобы признать ее действительной, нужны новые доказательства, новые матеріалы, а большинство изслѣдователей въ настоящее время не можетъ быть причислено къ сторонникамъ теоріи монголизма.

К. Иностранцевъ.

(Продолженіе следуетъ.)

*) См. напр. Реклю, «Земля и люди», т. VII, стр. 157 (изд. Ильина).

ОПЕЧАТКИ

Страница.	Строка.	Напечатано:	Следует читать:
355	15	Малы	Малы
—	34	des Sures	des Turcs
356	4	отожествлени	отожествлени
—	31	Gou-gen	Geou-gen
358	9	Chanyong	Chan-yong
—	10	Kuei-fang	Kuei-fang
—	20	Ху-хань-а	Ху-хань-е
—	39	Дунь-ну	Дунь-ху
359	36	монгольское племя.	монгольское племя.
—	38	и Гунновъ.	и Гунновъ.
360	36	Замѣтка	Замѣтки
362	23	въ мірѣ	въ лицѣ
364	4	unter	unter
—	39	внникцарь	емникцарь
365	2	отступника	отступники
—	11	sur langues	sur les langues
—	38	именъ	имени
—	40	лысоголовыхъ	принята
366	5	принято	Волги. «Далѣ
368	22	Волги. «Далѣ	Волги. Далѣ
369	11	имѣть	имѣль
370	8	Tu-kiuei	Tu-kiuei
—	34	въ день	въ дань
373	26	ний	юй
378	7	Ма-ту-ань-линемъ	Ма-туань-линемъ
—	41	зыки	языки
379	4	индо-китайского	индо-германского
—	30	Хунь-ну	Хунь-ну
380	1	Гуннами	Гуннами
—	24	Монь-гу	Монь-гу
381	5	хунхускихъ	хунхускихъ
—	14	Ма-ту-ан-линя	Ма-туань-линя
—	33	Усу-ня	Усуня
382	40	выпуска II и III.	выпуски III и IV.
383	11	teuu	teuu
384	10	Ма-ту-ань	Ма-туань
—	16	то-же	тоже
385	11	извѣстныя	извѣстія

Объ одномъ старославянскомъ оборотѣ съ точки зренія современныхъ славянскихъ нарѣчій.

Употребленіе именительного падежа вмѣсто винительного въ выраженіяхъ любы (прѣ любы) дѣяти, творити, сътворити (греч. μοιχεεῖν) представляетъ въ синтаксическомъ отношеніи явленіе крайне загадочное. Встрѣчаясь только въ этомъ оборотѣ почти во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ македоно-панонской редакціи, оно находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ известной наклонностью славянскихъ языковъ замѣнять въ этой категоріи основъ не винительный пад. именительнымъ, а, наоборотъ, именительный—винительнымъ. Такъ, исключая случаи, гдѣ основы на согл.—у перешли въ склоненіе основъ на а, въ русс. яз. мы постоянно имѣемъ въ именительномъ п. любовь, церковь и т. п., въ польск. *bukiew*, *cerkiew*, въ верхнелуж. *surkej*, *kgej*, въ нижнелуж. *cerkvej*, *kſej*, въ чешск. *cirkve*, *krev*, словенск. *cirkvev*, *krv*, сербо-хорв. *љубав*, *крв*, болг. любовъ, кръвъ. Правда, въ нѣкоторыхъ говорахъ русскаго языка встрѣчаются иногда старинныя образованія на и, напр. свекры *), но это слово только повидимому принимаетъ функцию винительного п., такъ какъ на самомъ дѣлѣ представляетъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ т. н. nominativus cum infinitivo, известнаго еще древне-русскимъ памятникамъ. Нерѣдкая въ болгарскомъ и сербскомъ форма винит. п. луби, лъби, обозначающая „влюбленную“, „любовницу“, а въ словенскомъ въ той же функции *kri* (кровь) не противорѣчать указанной тенденціи уже потому, что представляютъ не склоняемыя образованія. Миклошичъ въ своей *Vrgl. Gr.* (B. III², S.243) цитируетъ напр. изъ „Османа“ Гундулича три примѣра употребленіе *ljub* въ знач. им. п. ед., три примѣра—въ знач. род. ед., одинъ—въ знач. винит. ед., одинъ—въ знач. мнѣти. п. ед., два—въ творит. ед., два—въ знач. именит. множ. и два—въ знач. винит. множ. Подобныя же не склоняемыя формы слова *kri* тогдѣ же ученый указалъ въ сочиненіяхъ Трубера и Боголича (*ibid.*, S. 141), а г. Фр. Курелашъ такую же форму камі въ стихотвореніяхъ хорватовъ Ветранича, Лучича, Налешковича, Дивковича, Пальмотича и Газаровича **).

*) Vetter. Zur Geschichte der nominalen Declination im Russischen. Leipzig. 1883. S. 67.

**) Stariji oblici samostavni (Rad, Knj. XX (1872). s. 145—146).

Итакъ, всѣ живыя славянскія нарѣчія замѣ чаютъ древній именительный падежъ основъ на —*u* винительнымъ. Этотъ фактъ самъ по себѣ еще не исключаетъ возможности, чтобы старославянскій языкъ въ извѣстныхъ случаяхъ поступалъ и обратно, если бы въ его памятникахъ не попадались совершенно аналогичные случаи. Уже въ древнѣйшихъ среднѣ-болгарскихъ рукописяхъ, являющихся органическимъ продолженіемъ старославянскихъ, довольно часто формы именит. *u*, вродѣ *любовъ* въ Слѣпч. Ап. XII в., *прѣковъ* въ Струм. Окт. XIII в., *любовъ* Мак. Ап. XIII., *прѣковъ* Берл. Сб. XIII в. и мн. др. (A. Kalina Studyja, t. II, str. 432). Подобныя же явленія извѣстны и старославянскимъ памятникамъ. Оставляя въ сторонѣ формы именит. *u* основъ на —*p*— вродѣ *камень*, *корень*, встрѣчающіяся кромѣ Супрасльской рукописи рѣшительно во всѣхъ памятникахъ македоно-паннонскій рецензії *), яркимъ доказательствомъ исконнаго вліянія винит. *u* на именительный въ категоріи основъ на —*v*— служитъ ф. *крѣвъ*, вытѣснившая форму именит. *кры* (о которой мы знаемъ только изъ польскаго и словенскаго языка) едва-ли не въ эпоху Кирилла и Меѳодія. Правда, другихъ словъ той же категоріи процессъ вытѣсненія формы именит. *u* винительнымъ въ старославянскихъ памятникахъ, повидимому, не коснулся; но что и здѣсь первый *u* не остался совершенно безъ вліянія второго, доказываетъ такое образованіе, какъ *смокви*, встрѣчающееся въ Супрасльской рукописи и представляющее своеобразную контаминацію именит. *u* съ винительнымъ **). Послѣдній фактъ особенно драгоценъ въ томъ отношеніи, что онъ ослабляетъ значеніе формъ именит. *u* *камы* и *пламы*, тринадцать разъ употребленныхъ въ Супрасльск. рукп. въ функціи винительного *u*. ***). Такъ какъ во всѣхъ другихъ болѣе древнихъ македоно-паннонскихъ памятникахъ именительный и винительный *u* именно этихъ словъ находятся какъ разъ въ обратномъ отношеніи, и такъ какъ съ другой стороны именно только Супрасльская рукопись не употребляетъ формы *любы* въ значеніи винительного *u*,—то очевидно, что употребленіе *камы* и *пламы* въ функціи винительного обязано въ послѣднемъ памятнику какимъ-то особымъ діалектологическимъ условіямъ, анализъ которыхъ отвлекъ бы настъ здѣсь въ сторону.

*) Именно форма *камень* 7 разъ встрѣчается въ Зогр. Ев., 4—въ Ассем., 1—въ Маріинск., 1—въ Клоцов. Сб., 4—въ Супр. рукп. и 1—въ Савв. Кн.; слово *корень* 1 разъ употреблено въ Клоц. Сб. и 3—въ Супрасл. рукп. (R. Scholvin, Beiträge zur Declination in den pannonisch-slovenischen Denkmälern der Altkirchenslovenischen, Arch., B. II, S. 521—522).

**) R. Scholvin, o. c., S. 514. Подобные же примѣры замѣчены Миклошичемъ и въ среднѣ-болгарскихъ памятникахъ: *любви* Панегірикъ Михановича, *цркви* Болонск. пс. и др. (Vergl. Gr. B. III S. 39).

***) R. Scholvin, o. c. S. 528. A. Leskien, Handbuch, S. 60.

Составляя странную аномалию вряду другихъ формъ винит. п. основъ на —v—, наша форма любы противорѣчить вмѣстѣ съ тѣмъ общей тенденціи славянскихъ языковъ передавать синтаксическія функции именительного падежа винительному, — тенденціи, весьма опредѣленно проявившейся (какъ показано Лескінимъ въ его знаменитомъ „Declination...“) еще въ эпоху общеславянскую.

Уже одного этого факта самого по себѣ вполнѣ достаточно, чтобы возбудить подозрѣніе въ правильности обычного объясненія формъ любы, прѣлюбы въ нашемъ оборотѣ какъ именительныхъ пп. отъ основъ на согласную *). Сомнѣніе это перейдетъ въ увѣренность, какъ только мы примемъ во вниманіе еще слѣдующіе факты.

Кромѣ винит. п. на—ъ въ и ты (въ нашемъ случаѣ) основы на —v— употребляютъ иногда винит. п. на —ъ ве—**). Послѣдняя форма, довольно частая въ другихъ случаяхъ, никогда не встрѣчается въ оборотѣ прѣлюбы дѣяти. Это явленіе нельзя не признать очень страннымъ, если форма любы въ нашемъ выраженіи есть слово того же образованія, какъ и, напр., во фразѣ Богъ любы есть.

Во вторыхъ, вступая въ соединеніе съ другими словами, любы всегда вмѣстѣ съ тѣмъ переходить въ категорію основъ на—о: ср. напр., любодѣяти, прѣлюбодѣяние, напротивъ, другія слова той же категоріи сохраняютъ въ этомъ случаѣ слѣды своего согласного происхожденія. Напр. отъ *кры мы имѣемъ множество словъ въ родѣ кръвосмѣщеніе, кръвопролитіе и пр. При предполагаемомъ единствѣ обоихъ образованій, это явленіе опять-таки въ высшей степени странно ***).

Въ третьихъ, въ Маріинскомъ ев. дважды (Марк. X, 19, Луки XVIII, 20) и Ассемановомъ однажды (Мате. XIX, 18) вмѣсто прѣлюбы въ нашемъ оборотѣ употреблена форма прѣлюбъ ****). Такъ какъ эта форма встрѣчается въ двухъ совершенно разныхъ памятникахъ и притомъ на совершенно разныхъ мѣстахъ, то ее невозможно объяснить опиской, перешедшей изъ оригинала по традиціи. Нѣть никакого сомнѣнія, что она находится въ какой-то морфологической связи съ прѣлюбы, но въ какой,—на этотъ вопросъ популярное объясненіе отвѣтъ не даетъ, да и дать не можетъ...

„Нарушеніе безъ всякой видимой причины строго соблюдаемой въ другихъ случаяхъ разницы между именительнымъ (любы) и винительномъ (любъвь)“ заставило нѣкоторыхъ ученыхъ искать болѣе рационального объясненія явленію. Такъ, ак. Ягичъ высказалъ мнѣніе, что любы въ соеди-

*) Оно принято и Лескінимъ см. Handbuch², S. 65.

**) R. Scholvin, o. c. s. 522—525, A. Leskien, Handbuch², S. 65.

***) Указаніемъ на этотъ фактъ мы обязаны пр.-доц. И. Л. Лосю, за что и приносимъ ему здѣсь нашу глубокую благодарность.

****) A. Leskien, Handbuch², S. 65.

неніи съ дѣяти не имѣть ничего общаго съ основами на —у—, но представляеть или винительный п. мн. ч. или нарѣчіе отъ прилаг. любъ (ср. малы). Самый же оборотъ любы дѣяти знаменитый славистъ считаетъ аналогичнымъ съ извѣстнымъ выраженіемъ милъ ся дѣю *). Противъ такого объясненія, во-первыхъ, можно возразить, что если бы любыи представляло винит. п. мн. отъ прилаг., то это прилагательное, конечно, получило бы форму средняго р., а не мужскаго; во-вторыхъ, объясненіе любыи какъ нарѣчія не объясняетъ указанной формы Мар.-Асsem. Евв. прѣ любъ. Гораздо болѣе правдоподобное объясненіе предложилъ К. Бругманъ, который въ ок.—ы нашихъ словъ видѣтъ совершенно правильный рефлексъ индоевр. окончанія согл. основъ чм **). Но и это объясненіе не проливаетъ свѣта на указанныя три особенности употребленія нашихъ формъ въ памятникахъ.

Но если любыи прѣ любыи въ соединеніи съ дѣяти не могутъ быть ни винит. п. отъ существительныхъ на согласи. основу, ни прилагательнымъ, ни нарѣчіемъ, то не могутъ-ли они быть формами отъ основъ на —о—? Другими словами, не представляютъ-ли наши слова формъ винит. п. множ. ч. исчезавшихъ еще въ македоно-паннонскую эпоху существительныхъ муж. р. любъ, прѣ любъ основы на —о—?

Хотя въ старославянскихъ памятникахъ мы и напрасно стали бы искать даже признаковъ существования такихъ словъ, тѣмъ не менѣе богатыя данными лексического материала живыхъ славянскихъ языковъ указываютъ на то, что эти существительные никогда были извѣстны и старославянскому языку.

Такъ, въ словенскомъ языке довольно употребительно слово *ljub*, i, f., означающее „любовь“. Творительный п. множ. ч. этого слова *ljubim* встрѣчается и въ формѣ нарѣчія въ значеніи freiwillig. О древности этого нарѣчія не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ оно встрѣчается еще въ Фрейсингенскихъ отрывкахъ (Vondrák, Index). Правда, слово *ljub* принадлежитъ къ категории основъ на —и—, но что въ словенскомъ языке могло существовать подобное же образование и на —о—, это доказываетъ слово *poljub*, a, m. r., „пощелуй“, der Kuss (Pleteršnik, см. это слово). Это существительное образовано отъ глагола *poljubiti* zu lieben anfangen, abstreichen, einen Kuss geben (ibid). Слово *poljub* въ свою очередь дало начало существительному *poljubek*, a, который сходится отчасти по фармѣ и всецѣло по значенію съ сербскимъ польбаш. Послѣднее имя предполагаетъ существование и въ сербск. слова польб, тѣмъ болѣе, что и здѣсь существуетъ глаголь польбити „цѣловать“. То же понятіе лежитъ и въ болгарскомъ глаголѣ полюбамъ.

*) Маріинское четвероевангеліе. Спб. 1883, стр. 435.

**) Grundriss, B. II, S. 550.

Такимъ образомъ, въ южнославянскихъ языкахъ находятся хотя и малочисленные, но все-таки положительные указания на то, что въ нихъ изъогда существовало слово **lub*, склонявшееся по темъ на — о и обозначавшее вѣроятно „плоткую“ или „чувственную любовь“. Въ послѣднемъ насть убѣждаетъ тотъ фактъ, что глаголь *любити*, отъ которого могло быть образовано существительное **lub*, во всѣхъ трехъ языкахъ обозначаетъ, главнымъ образомъ, „цѣловать“, а въ словенскомъ „*behagen*“ т. е. „нравиться“.

Гораздо меныше указаний даютъ южнославянскіе языки относительно существованія имени **prelub*. Боскеннымъ доказательствомъ возможности его существованія можетъ служить словенское прилагательное *preljub*, „*zu lieb*“ (см. Pleteršnik это слово), образованное отъ глагола *preljubiti*, „*vorziehen*“, „*zu viel lieben*“. Послѣдній глаголь извѣстенъ и въ сербскомъ языке, гдѣ обозначаетъ не только „чрезмѣрную любовь“, но и главнымъ образомъ „незаконную, преступную“. Нельзя не сознаться, что это послѣднее значеніе гораздо лучше подходитъ къ смыслу старославянскаго оборота *прѣ любы творити*, чѣмъ первое. Поэтому, Миклошичъ поступаетъ ошибочно,— видя въ прѣ любы вліяніе д. в. и. *ubarhuog*, „*adulterium*“ при *huog*, „*scortatio*“ (Vrgl. Gr. B. P. S. 363).

Весьма определенные указания относительно бытого существованія слова **lub* даютъ и западно-славянскіе языки. Если въ словенскомъ и сербскомъ языкахъ это существительное сохранилось только въ сложеніи съ предлогомъ *ро*, то въ чешскомъ языке оно встрѣчается и въ видѣ чистой основы т. е. *какъ* въ старославянскомъ. Именно Kott въ своемъ *Slovník*ѣ приводить драгоценный для насть примѣръ *lib*, и, м. р. (изъ *lub*, а, м. р.) извлеченій имъ изъ одной рукописи XIV в. и обозначающей *milý předmět* т. е. „пріятный, дорогой предметъ“. Правда, примѣръ, приведенный Коттомъ, единственный, но нѣть никакого сомнѣнія, что съ выходомъ въ свѣтъ „Историческаго словаря чешскаго языка“ проф. Гебауера число примѣровъ этого слова увеличится. Отголоскомъ его служить и современное чешское *libek-milek*.

Несравненно чаще употребляется въ чешскомъ языке слово *lib* (т. е. *lub*) въ сочетаніи съ префиксами. Какъ и въ сербскомъ и словенскомъ, и въ чешскомъ существуетъ имена *polib* и *polibek*, образованныя отъ глагола *polibiti*, обозначающаго „цѣловать“. Но особенно часто оно встрѣчается въ видѣ слова *slib*, которое имѣетъ множество значеній при главномъ „*votum*“, *das Gelübde*. Какъ *polib* образовано отъ *polibiti*, такъ *slib*—отъ *slibiti*.

Въ тѣхъ же словахъ, что и въ чешскомъ, слово *lub* продолжаетъ жить и въ польскихъ *polub* и *slub* (при глаголахъ *polubic'* и *slubic'*). Мы не нашли только слова *lub*, что, впрочемъ, и неудивительно при крайней устарѣлости словаря Линде.

Особенно много словъ, образованныхъ отъ именной основы *lub*, имѣть въ верхнѣ - лужицкій языкѣ. Изъ нихъ мы приведемъ здѣсь по словарю Пфуля, только *lubc*, „*Buhle*“, *lubčik*, *Liebstöckel*, *lubkar*“, „*Liebstenjäger*“ при глаголахъ *lubkowac*’ *Libeten haben*, *prelubkowac*’ *mit Liebsten verbringen*. Какъ въ польскомъ и чешскомъ, такъ и въ въерхнѣ-лужицкомъ яз. есть слово *slub*, произшедшее изъ **sylub*.

Меньше всего указаній относительно слова **lub* даетъ, какъ это ни покажется страннымъ на первый взглядъ, русскій яз. Въ словарѣ Даля, мы могли найти только нарѣч. *с любомъ*, которое тождественно по образованию чешск. *slib* и польск. *slub*.

Итакъ, во всѣхъ живыхъ славянскихъ языкахъ находятся болѣе или менѣе ясныя указанія на то, что въ общеславянскомъ языкѣ никогда существовали имена *lub*, а и *prelub*, а. Весьма возможно, что именно эти слова и сохранились въ старославянскомъ оборотѣ *любы* (прѣ любы) сътворити. Какъ формы винит. п. мн. ч., они имѣютъ поэтому лишь случайное сходство съ именит. п. слов. на согл. основу. Если это такъ, то намъ теперь сразу дѣлается ясной встрѣчающаяся въ Мар. и Ассем. Евв. форма прѣ любъ, которая очевидно представляетъ здѣсь винит. ед. ч. отъ забытаго существит. **prelub*.

Точно также теперь наскѣ не будетъ удивлять и тотъ фактъ, почему въ нашемъ оборотѣ *любы* никогда не замѣняется словомъ *любъвь*. Если обѣ эти формы были бы формами одного и того же слова, то было бы очень странно, что такие тонкіе знатоки старославянскаго языка, какими были изобрѣтатели слав. азбуки, употребили одно и тоже слово и въ такомъ возвышенномъ значеніи, какъ Богъ любы есть и, напротивъ, въ такомъ пониженномъ какъ любы сътворити. Напротивъ, парчикъ открывается просто, если предположить, что въ первомъ случаѣ слово *любы* представляло образование на согласную и обозначало „идеальную любовь“, а во второмъ, — образование на гласную и значило любовь „чувственную“.

Г. Ильинскій.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

Распредѣленіе жителей Солунскаго Вилаета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1899 году.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляя при семъ настоящій мой трудъ, считаю прежде всего долгомъ указать источники, копии я пользовался при составленіи статистическихъ таблицъ народонаселенія.

Главными источниками были Салнаме (ежегодная справочная книга) Солунскаго Вилаета, списки доставленные Епархіями о числѣ входящихъ въ составъ ея христіанскихъ домовъ и, наконецъ, свѣдѣнія разныхъ частныхъ лицъ. Но при всемъ стараніи собрать точныя цифры населенія, я не могу ручаться за безусловную точность моихъ свѣдѣній и допускаю, что онѣ уклоняются отъ истины процентовъ на 15.

Хотя турецкія офиціальные данные, заключающіяся въ издаваемомъ ежегодно Салнаме, не всегда отличаются вѣрностью, тѣмъ не менѣе онѣ представляютъ драгоценный материалъ, такъ какъ служатъ единственнымъ источникомъ для подсчета мусульманскаго населенія. Вслѣдствіе сего я не могу согласиться съ мнѣніемъ Г. Теплова, высказаннымъ въ его «Матеріалахъ для статистики Болгаріи, Фракіи и Македоніи», что при составленіи числовыхъ данныхъ Салнаме большую роль играетъ собственное вдохновеніе властей. Можетъ быть, это такъ было въ 1877 году, когда Г. Тепловъ печаталъ свое сочиненіе, но не теперь, такъ какъ лѣтъ 15 тому назадъ Турецкое Правительство ввело систему «нуфузъ-тескере» (видъ на жительство), которыми всѣ турецкіе подданные обязательно снабжены. Эти нуфузъ-тескере должны всегда находиться при собственникѣ для удостовѣренія его личности. О каждомъ рожденіи приходскій священникъ у христіанъ и имамъ у мусульманъ обязанъ донести компетентнымъ властямъ и получить для новорожденнаго мальчика или дѣвочки нуфузъ-тескере, за который уплачивается настѣръ ($8\frac{1}{2}$ коп.). Такимъ же образомъ вышеупомянутые лица сообщаютъ и о случаяхъ смерти, для исключенія умершихъ изъ списка жителей, такъ какъ въ противномъ случаѣ семейство покойнаго будетъ продолжать уплачивать подати за умершаго. Единственное, въ чёмъ можно упрекнуть Салнаме, это то, что, печатая число жителей данного села или города, доставленное управлѣніемъ, нуфузъ-тескере не принимаетъ во вниманіе, что многіе, родившись въ одномъ мѣстѣ и будучи тамъ записаны, проводятъ всю свою жизнь въ другомъ мѣстѣ, числясь офиціально въ спискахъ по мѣсту рожденія. Вслѣдствіе сего населеніе городовъ, притягивающихъ къ себѣ заработки жителей сель, всегда показано въ Салнаме ниже дѣйствительности. Но если нельзя основываться на офиціальныхъ свѣдѣніяхъ для счета христіанъ, отличаю-

щихся большою предприимчивостью и потому переселяющихся въ торговые и промышленные центры, то для мусульманъ, остающихся большою частью на родинѣ, свѣдѣнія Салнаме почти вѣрны.

Что же касается получаемыхъ отъ епархіальныхъ властей свѣдѣній о числѣ христіанскихъ домовъ въ епархіи, то ихъ слѣдуетъ различать по источнику полученія. Цифры, доставляемыя болгарскими митрополитами, достовѣрнѣе цифръ греческихъ архіереевъ, такъ какъ первые, будучи поставлены во главѣ школьнаго дѣла, получаютъ свѣдѣнія и отъ учителей и отъ священниковъ, которые не имѣютъ надобности скрывать истину отъ архіерея, получающаго годовой окладъ жалованія отъ Екзархіи и потому не требующаго въ свою пользу съ паству налого въ 12 піастровъ (1 р. 2 коп.) въ годъ съ каждого семейства.

Греческіе митрополиты фактически отстранены отъ завѣдыванія школами и потому не имѣютъ для провѣрки свѣдѣній отъ учителей, а довольствуются только цифрами приходскихъ священниковъ, старающихся всегда скрыть истину изъ опасенія, во первыхъ что архіерей наложитъ больше ежегоднаго налога на прихожанъ, а во вторыхъ что при посвященіи сына и дачи ему отцовскаго прихода придется заплатить болѣе архіерею. Но кромѣ того греческіе митрополиты и слышать не хотятъ о различіи по національности жителей, а называютъ ихъ просто православными, считая таковыхъ исключительно греческимъ достояніемъ. Тогда какъ болгарскіе строго придерживаются національности и не стараются даже распространять своего вліянія на не славянъ.

Чтобы покончить съ источниками, я считаю пріятнѣмъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, помогавшимъ мнѣ, въ особенности Г. Шопову, болгарскому торговому агенту въ Солунѣ, доставившему мнѣ богатый материалъ.

Относительно этнографического распределенія народностей необходимо замѣтить, что настоящіе греки, эллины, живутъ болѣе или менѣе компактной массой только въ приморскихъ частяхъ Вилаета, въ другихъ же мѣстахъ они группируются въ нѣсколькихъ торговыхъ городахъ какъ-то Мельникъ, Сересъ, Драма и т. д. Эти греческія колоніи, благодаря своей сплоченности, а также богатству и большему развитію, сильно вліяютъ на окрестное населеніе какъ городское, такъ и сельское. Первое греки успѣваютъ даже эллинизировать, а второе, находящееся часто въ материальной зависимости отъ нихъ, удерживаются отъ перехода въ вѣдомство болгарскаго Экзарха.

Влахи разбросаны небольшими колоніями по всему Вилаету и большою частью настолько эллинизированы, что оскорбляются, если ихъ называть влахами. Исключеніе составляютъ влахи, живущіе въ казѣ Гевели, въ мѣстности такъ называемой Могленъ (по турецки Караджово), изъ коихъ жители села Новте въ числѣ около 4000 человѣкъ приняли въ концѣ 18-го столѣтія мусульманство (единственный примѣръ принятія влахами мусульманства), а жители другихъ селъ по свидѣтельству Вейгнанда болгарятся (Vlacho-Meglen. стр. XXVIII).

За исключеніемъ приморскихъ частей, въ коихъ, какъ было сказано выше, живутъ греки, весь Солунскій Вилаетъ занятъ турками османисами и славянами.

Въ число турокъ я помѣстилъ также жителей Долно-Яблочица и Горно-Яблочица казы Велесь, всего 737 человѣкъ албанцевъ, а также небольшія поселенія черкесовъ и цыганъ-мусульманъ. Сдѣлалъ это, чтобы не заводить отдельныхъ графъ для ничтожнаго количества, не мѣшающаго моей задачѣ выяснить процентное отношеніе и распределеніе по мѣсту жительства различныхъ народностей въ Солунскомъ Генераль-Губернаторствѣ. Руководствуясь такими же соображеніями, я причислилъ въ казѣ Зихна къ грекамъ часть жителей сель Зилихово, Нуска, Еровище, Зихна и Порна, въ числѣ 3000 человѣкъ, христіанъ, употребляющихъ въ домашнемъ обиходѣ исключительно турецкій языкъ. Кто они такие? я не берусь судить.

Такого большаго числа турокъ османисовъ, какъ въ Солунскомъ Вилаетѣ, не встрѣчается нигдѣ болѣе въ Македоніи. Объясняется это во-первыхъ тѣмъ, что Солунскій Вилаетъ былъ сразу завоеванъ турками, тогда какъ въ другихъ частяхъ Македоніи еще долго существовали вассальные и даже почти независимыя княжества, куда туркамъ доступъ былъ закрытъ, а во вторыхъ тѣмъ, что, благодаря плодородію почвы, завоеватели добивались получать тамъ отъ Султановъ тимары и сіаметы (земли, раздаваемыя

турецкимъ воинамъ въ качествѣ леновъ), причемъ христіанскіе земледѣльцы оставлялись на своей землѣ (Иречекъ. Исторія Волгаръ стр. 416). Это же плодородіе почвы привлекло также изъ Азіи турокъ-земледѣльцевъ, занявшихъ деревни, опустошенныя еще раньше предшествовавшими безконечными войнами Византіи съ Сербіей и Болгаріей.

Благодаря разданнымъ тиарамъ и сіаметамъ, въ Македоніи появился такъ называемые чифлики т. е. помѣстя, въ коихъ земля принадлежитъ собственнику чифлика, а жители обрабатываютъ землю съ половины, при чмъ хозяинъ чифлика обязанъ дать дома съ необходимыми пристройками, а жители обзавестись рабочимъ скотомъ и земледѣльческими орудіями. Хотя законъ и разрѣшаетъ чифіямъ (половинщикамъ) переходить отъ одного хозяина къ другому, въ случаѣ, если они прежнему ничего не должны, но это почти никогда не практикуется, такъ какъ всѣ чифіи находятся въ неоплатныхъ долгахъ хозяевамъ, у которыхъ они заняли деньги для первоначального обзаведенія необходимымъ инвентаремъ, за каковой заемъ они съ трудомъ платятъ одни проценты только. Такимъ образомъ чифіи какъ бы привѣплены въ землѣ и переходятъ только въ случаѣ, если хозяинъ другого чифлика заплатить пхъ долгъ прежнему, другими словами просто купить, такъ что, избавившись отъ одной кабалы, попадаютъ въ другую.

Деревни же, въ коихъ земля принадлежитъ самимъ жителямъ, называются въ Македоніи селами.

Въ Содунскомъ Вилаетѣ большинство христіанскихъ деревень—чифлики, хозяева коихъ изъ собственной выгоды стараются иметь чифіевъ, обладающихъ многочисленными семействами,ющими обрабатывать и лучше и больше земли. Если мы еще приемъ во внимание, что священники уменьшаютъ нарочно число домовъ въ приходѣ изъ опасенія увеличенія архіереемъ налога, (я лично убѣдился, что во многихъ отдаленныхъ селахъ священники скрыли отъ архіерея до $1/10$ домовъ), то необходимо, по моему, считать, что въ каждомъ христіанскомъ домѣ живетъ около 8 душъ. Эту цифру я принялъ для исчисленія числа жителей христіанъ, такъ какъ епархиальная власти сообщали мнѣ только число домовъ, и я скорѣе допускаю, что полученные мною числа скорѣе ниже, чмъ выше дѣйствительности. Что же касается мусульманскихъ домовъ, то въ виду того, что семейства ихъ малочисленнѣе христіанскихъ, я принялъ турецкую систему подсчета населенія, что въ каждомъ домѣ живетъ въ среднемъ пять душъ. Этотъ способъ считать, что въ христіанскомъ 8 а въ мусульманскомъ домѣ 5 душъ, я примѣнялъ въ селахъ со смѣшаннымъ населеніемъ, а въ чисто христіанскихъ или мусульманскихъ руководствовался данными Салнаме, не раздѣляющаго къ несчастью жителей ни по религіи, ни по національности.

До появленія болгарскаго національного движенія только въ казахъ Велесь, Тиквешъ и Гевгели было славянское богослуженіе, во всѣхъ же остальныхъ частяхъ Вилаета со славянскимъ населеніемъ въ церквяхъ и школахъ употреблялся исключительно греческій языкъ, удержавшійся еще и до сихъ поръ среди славянъ-патріархистовъ, за исключеніемъ перешедшихъ отъ болгаръ на сторону сербовъ.

Въ виду все болѣе и болѣе разгорающейся борьбы между болгарами и сербами, а также безпрестанныхъ переходовъ съ одной стороны на другую, я не счелъ возможнымъ дѣлить славянъ на сербовъ и болгаръ, а внесъ ихъ въ общую рубрику славянъ, раздѣливъ ихъ только на экзархистовъ, уніатовъ и мусульманъ.

Что касается славянъ уніатовъ, то они, принявъ въ большомъ числѣ унію, при самомъ началѣ болгарскаго національного движенія, теперь постепенно отрекаются отъ нея, и можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ унія совсѣмъ изчезнетъ въ Македоніи.

A. Ростковскій.

Епархія находящіяся въ Солунскомъ Вилаетѣ.

Экзархістъ.	Патріархисты.			Общее число христіанъ.
	Славне.	Греки.	Влахи.	
Солунская	33017	26058	63166	1566 123807
Состоить изъ казъ: Солунъ, Лангаза, Аврель-Хиссарь (Кукушъ), Катерина, Дойранъ (за исключениемъ 8 сель, входящихъ въ Струмицкую епархію) и 10 сель казы Касандра.			90790	
Въ составъ Солунской Епархіи входятъ подчиненные ей слѣдующія Епископіи:				
а) <i>Кампания</i> (Кулака), состоящая изъ села Кулака и нѣсколькихъ сель нахіи Вардаръ солунской казы;				
б) <i>Полаки</i> , состоящая изъ нѣсколькихъ сель нахіи Каламара Солунской казы, а также изъ казъ Аврель-Хиссарь (Кукушъ) и Дойранъ, за исключениемъ 8 сель, принадлежащихъ Струмицкой епархіи;				
в) <i>Ардамеріонъ</i> , состоящая изъ части казы Лангаза и нѣсколькихъ сель казы Касандра;				
г) <i>Лерисо</i> , состоящая изъ нѣсколькихъ сель казы Касандры (номинально ей принадлежитъ Аеонъ);				
д) <i>Китро</i> , состоящая изъ казы Катерина;				
Верійская	—	2301	15185	6875 24361
Состоить изъ казы Караферія.				
Касандрийская	—	39	22925	— 22964
Состоить изъ казы Касандра за исключениемъ 10 сель, принадлежащихъ Солунской епархіи.				
Воденская	20176	45670	14537	496 80879
Состоить изъ казы Водена, Енидже-Вардаръ и Гевели (за исключениемъ 5 сель, принадлежащихъ Струмицкой и 9 сель принадлежащихъ Флоринско-Могленской).			60703	

	Епархисты.	Патриархисты.			Общее число христианъ.
		Славянс.	Греки.	Влахи	
Флоринско-Могленская	1	1	—	7616	7616
Состоить изъ казы Флорина и Джума Битольского Вилаета и части казы Гевгели.					
Велесская	32877	2962	—	550	36389
Состоить изъ казы Велесъ и 9 сель казы Тиквешъ.			3512		
Струмицкая (Тиверіупольская).	29803	10330	—	—	40133
Состоить изъ казы Струмица, Тиквешъ (за исключениемъ 9 сель, принадлежащихъ Велесской епархіи), 5 сель казы Гевгели, 8 сель казы Дордъранъ, а также нахия Малишъ и казы Радовишъ Коссовского Вилаета.					
Сересская	9738	28936	34593	497	73764
Состоить изъ казы Сересь и части казы Зихна.			64026		
Драмская	4548	5749	4611	—	14808
Состоить изъ казы Драма и части казы Зихна.			10360		
Елефтерупольская	—	275	5760	—	6035
Состоить изъ казы Правища (за исключениемъ 5 сель, принадлежащихъ Ксанойской).					
Ксанойская	—	—	14210	—	14210
Состоить изъ казы Кавала у Сари-Шабанъ, 5 сель казы Правища, а также изъ казы Скаче Адріанопольского Вилаета.					
Неврокопская.	47776	125	1000	1135	50036
Состоить изъ казы Неврокопъ и Разлогъ.			2260		
Мельникская	69553	8833	2100	3627	84113
Состоить изъ казы Мельникъ, Петричъ, Демиръ-Хиссаръ и Горная Джума.			14560		

Примѣчаніе. Въ епархіяхъ Флоринско-Могленской, Струмицкой и Ксанойской не все число жителей показано, а только число жителей, населяющихъ тѣ части епархій, которые находятся въ границахъ Солунского Вилаета.

ОБЩАЯ ТАБЛИЦА
Населенія Солунскаго Вилаета.

Солунскій Мутесарифликъ.		Гурокъ осман- лісгоръ.	Славянъ, эказар- хистовъ.	Славянъ, патрі- архистовъ.	Славянъ, уїа- тарь.	Славянъ, мұ- сулманъ.	Грековъ, хри- стянъ.	Грековъ, мұ- сулманъ.	Влаховъ, хри- стянъ.	Влаховъ, мұсуль- манъ.	Евреевъ.	Всего.
Каза Солунъ		38304	9176	14601	155	—	32718	—	77	—	47000	142031
» Струмица.		15619	10703	9120	—	—	—	—	—	550	—	36012
» Велесъ		17636	29535	2962	—	—	—	—	—	—	—	50683
» Тиквешъ		2098	21680	—	—	17722	—	—	—	—	—	41500
» Гевгели		14844	11137	8961	580	—	—	—	—	—	—	47057
» Водена		3720	7203	15215	—	8932	—	—	—	276	—	35346
» Енидже-Вардаръ		12852	2589	21991	190	5605	—	—	—	220	—	43447
» Дойранъ		23804	3642	3231	—	1238	—	—	—	—	250	32145
» Аврель-Хисаръ (Кукушъ)		19216	19570	1962	1235	—	—	—	—	—	—	41983
» Караферья		4000	—	2301	—	—	15185	3127	6875	—	—	31458
» Катерина.		3003	—	—	—	—	14818	—	1566	—	—	19387
» Лангаза		27400	1579	6977	—	—	9390	—	—	—	—	45346
» Касандра.		4239	—	39	—	—	29165	—	—	—	—	33443
Въ Мутесарифликъ . . .		186735	116814	87340	2160	33497	101276	3204	17105	3917	47850	599898
Серескій Мутесарифликъ.												
Каза Сересь		31033	7609	25819	—	—	34593	—	447	—	—	99501
» Горная Джума.		5442	17646	—	—	—	—	—	550	—	—	23638
» Разлогъ		—	19389	—	—	11907	—	—	350	—	—	31646
» Мельникъ		6419	14797	500	1513	—	2000	—	725	—	—	25954
» Петричъ		13679	18291	—	—	1570	100	—	200	—	—	33840
» Неврокопъ		14077	28387	125	—	33133	1000	590	785	—	200	78277
» Демир-Хисаръ		15504	18819	8333	—	1187	—	—	2152	—	—	45995
» Зихна		6939	3479	6084	—	—	16041	—	510	—	—	33063
Въ Мутесарифликъ . . .		93093	128417	40861	1513	47777	53734	590	5719	—	200	371904
Драмскій Мутесарифликъ.												
Каза Драма.		39686	3198	2782	—	2528	4611	—	—	—	—	52805
» Сари-Шабанъ		13530	—	—	—	—	110	—	—	—	—	13640
» Прависта.		11390	—	275	—	600	9830	—	—	—	—	22095
» Кавала		17150	—	—	—	3440	10030	—	—	—	—	30620
Въ Мутесарифликъ . . .		81756	3198	3057	—	6568	24581	—	—	—	—	119160
Во всемъ Солунскомъ Вилаетѣ		361584	248429	131258	3673	87842	179591	3794	22824	3917	48050	1090962

ОБЩІЙ СВОДЪ

распределенія жителей.

I. По вѣроисповѣданіямъ.

Христіанъ	585775
Мусульманъ	457137
Евреевъ	48050
	<hr/>
	1090962

II. По національностямъ:

Турки османлисы	361584
Славяне	471202
Греки	183385
Влахи	26741
Евреи	48050
	<hr/>
	1090962

Мутесарифликъ Солунъ.

М у т е с а р и ф л и н к ь С о л у н ь.

Каза Солунь.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е л е й.										В с с о г о.
		Турецкъ осман- лъсъръ.	Славянъ эказар- христовъ.	Славянъ патрі- архистовъ.	Славянъ уніа- торъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стянъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стянъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Евреевъ.	
Неохориди	10	—	—	—	—	—	—	54	—	—	—	—
Палеохоръ	50	—	—	—	—	—	250	—	—	—	—	—
Ватилакъ (Види-Кіой)	103	—	—	590	—	—	—	590	—	—	—	—
Гидохоръ	117	—	—	—	—	—	—	390	—	—	—	—
Бунардже	64	—	—	466	—	—	—	466	—	—	—	—
Кулакія	309	—	—	—	—	—	—	1700	—	—	—	—
Ялайджикъ	97	—	612	—	—	—	—	612	—	—	—	—
Кара-Хусейнъ	11	—	—	—	—	—	—	51	—	—	—	—
Дембеть	10	—	—	—	—	—	—	60	—	—	—	—
Балджа	362	—	—	—	—	—	—	2050	—	—	—	—
Дерміли	318	—	—	—	—	—	—	1898	—	—	—	—
Айватово	229	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	111
Лайна	95	—	—	—	—	—	—	778	—	—	—	—
Дурмашли	26	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	214
Кури-Ени-Кіой	122	—	—	300	—	214	—	—	—	—	—	549
Дудулари	21	—	—	—	—	249	—	—	—	—	—	146
Боритени (Гюрдина)	40	—	—	—	—	146	—	—	—	—	—	331
Плати	50	—	—	—	—	331	—	—	—	—	—	229
Ялохори	70	—	170	—	—	159	—	—	—	—	—	329
Итого въ Вардарской Нахія	4605	5863	3176	6708	155	—	10181	—	—	—	—	26083
Нахія Каламарія.												
Капуджиларъ	189	—	—	—	—	—	—	1205	—	—	—	1205
Аксакли	55	207	—	—	—	—	—	—	—	—	—	207
Кранъ	23	106	—	—	—	—	—	135	—	—	—	106
Седесь	27	—	—	—	—	—	—	—	77	—	—	135
Маджарликъ	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	77
Туханли	31	153	—	—	—	—	—	—	—	—	—	153
Гедакли	21	107	—	—	—	—	—	—	—	—	—	107
Исинли	51	327	—	—	—	—	—	—	—	—	—	327
Бурназли	28	113	—	—	—	—	—	—	—	—	—	113
Пишкова	24	—	—	—	—	—	—	80	—	—	—	80
Василіка	325	—	—	—	—	—	—	1978	—	—	—	1978
Аластасъ	3	—	—	—	—	—	—	25	—	—	—	25
Сюрвекли	5	35	—	—	—	—	—	—	—	—	—	35
Ени-Кіой	21	—	—	—	—	—	—	99	—	—	—	99
Касапли	13	97	—	—	—	—	—	—	—	—	—	97
Угъ-евлеръ	21	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	75
Месимери	30	—	—	—	—	—	—	115	—	—	—	115
Апаноми	364	—	—	—	—	—	—	2923	—	—	—	2923
Буюкъ Кара Бурну	23	—	—	—	—	—	—	116	—	—	—	116
Кучюкъ Кара Бурну	19	—	—	—	—	—	—	118	—	—	—	118
Бахчели	9	45	—	—	—	—	—	—	28	—	—	45
Чайръ	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28
Узунъ-Али	49	235	—	—	—	—	—	—	20	—	—	235
Аджи Бали	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20
Замбать	160	—	—	—	—	—	—	1099	—	—	—	1099

Мутесарифлинъ Солунъ.

Мутесарифликъ Солунъ.

М у т е с а р и ф л и к т С о л у н ь.

Каза Велесь.	Нахия Велесь.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е л е й.								Всего.
			Турокъ осман- лисовъ.	Славянъ экизар- христовъ.	Славянъ патр- архистовъ.	Славянъ унѧ- торъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стиянъ.	Влаховъ хри- стиянъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	
Чука	3	—	21	—	—	—	—	—	—	—	21
Ново-село	26	78	70	—	—	—	—	—	—	—	148
Карасларь (Горно)	13	40	51	—	—	—	—	—	—	—	91
Карасларь (Долно)	56	138	130	—	—	—	—	—	—	—	263
Кури-дерес	66	150	162	—	—	—	—	—	—	—	312
Кочицерь	108	621	—	—	—	—	—	—	—	—	621
Чилтекъ (Горно)	132	761	—	—	—	—	—	—	—	—	761
Чилтекъ (Долно)	38	100	122	—	—	—	—	—	—	—	222
Брановица (Горно)	295	1855	—	—	—	—	—	—	—	—	1855
Брановица (Долно)	76	212	200	—	—	—	—	—	—	—	412
Мельницы	232	1381	—	—	—	—	—	—	—	—	1381
Яболчица (Горно)	48	338	—	—	—	—	—	—	—	—	338
Яболчица (Долно)	70	399	—	—	—	—	—	—	—	—	399
Карабунище	10	70	82	—	—	—	—	—	—	—	152
Витаница	9	—	56	—	—	—	—	—	—	—	56
Согла	97	391	—	—	—	—	—	—	—	—	391
Оморани	139	283	500	—	—	—	—	—	—	—	733
Бусильцы	24	—	148	—	—	—	—	—	—	—	144
Хотильцина	19	—	113	—	—	—	—	—	—	—	113
Влахчани	10	40	49	—	—	—	—	—	—	—	39
Ногаевци	32	—	249	—	—	—	—	—	—	—	249
Исарь-Бейли	50	283	—	—	—	—	—	—	—	—	283
Цванлия	224	1245	—	—	—	—	—	—	—	—	1245
Ясеново	16	—	91	—	—	—	—	—	—	—	91
Раковецъ (Горно)	23	—	173	—	—	—	—	—	—	—	173
Раковецъ (Долно)	8	—	75	—	—	—	—	—	—	—	75
Чашка	22	—	212	—	—	—	—	—	—	—	212
Ехловецъ	34	—	262	—	—	—	—	—	—	—	262
Галозинцы	37	—	214	—	—	—	—	—	—	—	214
Крива-Круша	19	—	147	—	—	—	—	—	—	—	147
Лесиче	102	—	599	—	—	—	—	—	—	—	599
Баница	35	—	251	—	—	—	—	—	—	—	251
Бистрица	133	—	1061	—	—	—	—	—	—	—	1061
Черешнево	28	—	241	—	—	—	—	—	—	—	241
Калиново	12	—	—	131	—	—	—	—	—	—	131
Нежилово	55	—	—	461	—	—	—	—	—	—	461
Владиновци	87	—	989	—	—	—	—	—	—	—	989
Смиловци	25	—	140	—	—	—	—	—	—	—	140
Церковино	63	—	269	—	—	—	—	—	—	—	379
Орѣховецъ	103	—	—	593	—	—	—	—	—	—	593
Гермипша	107	—	340	—	—	—	—	—	—	—	640
Згоропольцы	8	—	30	—	—	—	—	—	—	—	61
Карнина	39	—	—	223	—	—	—	—	—	—	223
Хвойники	149	—	—	920	—	—	—	—	—	—	920
Крайники	90	—	—	566	—	—	—	—	—	—	566
Штого въ Нахия Велесь	7500	16271	20313	1185	—	—	—	—	500	—	38260

Мутесарифликъ Солуиъ.

Каза Велесъ.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е л с и й.								В с е г о .	
		Турокъ осман- лисовъ.	Славянъ эзар- хистовъ.	Славянъ патр- архистовъ.	Славянъ уніа- това.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стянъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стянъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	
Накодимъ	134	—	847	—	—	—	—	—	—	—	847
Глоговица	4	—	21	—	—	—	—	—	—	—	21
Дворища	16	133	—	—	—	—	—	—	—	—	133
Херловци	27	—	272	—	—	—	—	—	—	—	272
Градско	16	—	107	—	—	—	—	—	—	—	107
Солникъ	70	—	447	—	—	—	—	—	—	—	447
Бѣлещица	11	—	97	—	—	—	—	—	—	—	97
Ращани	32	—	257	—	—	—	—	—	—	—	257
Ново-село	15	—	121	—	—	—	—	—	—	—	121
Стари-Градъ	46	—	306	—	—	—	—	—	—	—	306
Габровникъ	27	—	218	—	—	—	—	—	—	—	218
Плуне	5	32	—	400	—	—	—	—	—	—	32
Техово	132	—	418	—	—	—	—	—	—	—	818
Итого въ Накодимъ	535	165	3111	400	—	—	—	—	—	—	3676
Накодимъ Богомиль.											
Богомиль	152	—	55	795	—	—	—	—	—	—	900
Мокрино	55	—	—	432	—	—	—	—	—	—	432
Попадія	75	—	537	—	—	—	—	—	—	—	537
Подлечъ	110	—	800	—	—	—	—	—	—	—	800
Чичово (Горно)	42	—	298	—	—	—	—	—	—	—	298
Чичово (Долно)	150	—	893	—	—	—	—	—	—	—	893
Виничани	132	649	—	—	—	—	—	—	—	—	649
Водовратъ	118	551	150	—	—	—	—	—	—	—	701
Свекяни	24	—	70	—	—	—	—	—	—	—	70
Ораховодоль	77	—	362	150	—	—	—	—	—	—	512
Путово	46	—	380	—	—	—	—	—	—	—	380
Изворъ	63	—	374	—	—	—	—	—	—	—	374
Житопуль	2	—	14	—	—	—	—	—	—	—	14
Цапрадища	77	—	397	—	—	—	—	—	—	—	397
Оръше	81	—	433	—	—	—	—	—	—	—	433
Мартолци	51	—	320	—	—	—	—	—	—	—	320
Дреново	60	—	430	—	—	—	—	—	—	—	430
Бабуна	5	—	35	—	—	—	—	—	—	—	35
Гузимилици	21	—	135	—	—	—	—	—	—	—	135
Скачинце	65	—	428	—	—	—	—	—	—	—	428
Итого въ Накодимъ Богомиль	1406	1200	6111	1377	—	—	—	—	50	—	9688
Всего въ Казѣ Велесъ	9441	17636	29535	2962	—	—	—	—	50	—	50685

Мутесарифликъ Солунъ.

М у т е с а р и ф л и къ С о л у нъ.

Каза Тиквешъ.	Число домовъ.	Ч и с л о										В с т о.
		Гурокъ осман- янсовъ.	Славянъ эзар- хистовъ.	Славянъ патр- архистовъ.	Славянъ уні- тотъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стяни.	Грековъ мусуль- манъ.	Илаховъ хри- стяни.	Илаховъ мусуль- манъ.	Евреи.	
Куруслиамъ	32	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	163
Добротинъ	16	—	—	95	—	—	—	—	—	—	—	95
Дагана	32	—	—	198	—	—	—	—	—	—	—	198
Монастырецъ	29	—	—	80	—	—	—	—	—	—	—	162
Возорци	27	—	—	124	—	—	—	—	—	—	—	124
Врушани	25	—	—	147	—	—	—	—	—	—	—	147
Сопотъ	68	—	—	66	—	—	—	270	—	—	—	336
Драгоженъ	25	—	—	152	—	—	—	—	—	—	—	152
Дабница	30	—	—	188	—	—	—	—	—	—	—	183
Горниковъ	63	—	—	376	—	—	—	—	—	—	—	376
Конопиця	123	—	—	733	—	—	—	—	—	—	—	733
Ресово	110	—	—	548	—	—	—	—	—	—	—	548
Шейково	44	—	—	334	—	—	—	—	—	—	—	334
Терстеникъ	19	—	—	86	—	—	—	—	—	—	—	86
Полошко	6	—	—	42	—	—	—	—	—	—	—	42
Мокища	25	—	—	111	—	—	—	—	—	—	—	111
Древово	215	—	—	180	—	—	766	—	—	—	—	946
Ватога	394	—	—	1023	—	—	600	—	—	—	—	1693
Кошани	22	—	—	121	—	—	—	—	—	—	—	121
Рожденъ	110	—	—	420	—	—	273	—	—	—	—	693
Круштовиця	116	—	—	—	—	—	524	—	—	—	—	524
Сирково	235	—	—	—	—	—	1237	—	—	—	—	1237
Горбаница	29	—	—	203	—	—	—	—	—	—	—	203
Копово	11	—	—	101	—	—	—	—	—	—	—	101
Клино	98	—	—	300	—	—	271	—	—	—	—	571
Бошова	51	—	—	326	—	—	—	—	—	—	—	326
Галица	85	—	—	330	—	—	134	—	—	—	—	464
Фаринъ	83	—	—	521	—	—	—	—	—	—	—	521
Мерзень	72	—	—	500	—	—	—	—	—	—	—	500
Росомаинъ	105	—	—	815	—	—	815	—	—	—	—	815
Кукуричане	10	—	—	50	—	—	—	—	—	—	—	50
Худаверди Темшиваъ	48	—	—	—	—	—	257	—	—	—	—	257
Кара-су	9	—	—	56	—	—	—	—	—	—	—	56
Глиникъ	50	—	—	143	—	—	120	—	—	—	—	263
Мраморъ	38	—	—	183	—	—	—	—	—	—	—	183
Марина	100	—	—	200	—	—	310	—	—	—	—	510
Корша	20	—	—	125	—	—	—	—	—	—	—	125
Паликура	15	—	—	90	—	—	—	—	—	—	—	90
Страгово	40	—	—	200	—	—	—	—	—	—	—	200
Дебрица	28	—	—	189	—	—	—	—	—	—	—	189
Всего въ Казѣ Тик- вешъ	8992	2098	21680	—	—	—	17722	—	—	—	—	41500
Каза Гевгели.												
Гевгели	1000	1070	1300	3500	—	—	—	—	—	—	—	5870
Алчакъ	282	1140	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1140
Баяни	69	—	419	—	—	—	—	—	—	—	—	419
Бекирли	65	377	—	—	—	—	—	—	—	—	—	377
Бериславци	52	—	—	—	—	—	—	—	326	—	—	326
Богданци	484	1000	1200	620	100	—	—	—	—	—	—	1920

М у т е с а р и ф л и къ С о л у нъ.

Каза Гевгели.	Число домовъ.	Ч и с л о								В с е г о.
		Турокъ осман- лисовъ.	Славянъ эзар- хистовъ.	Славянъ патри- архистовъ.	Славянъ унга- това.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стиянъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стиянъ.	
Богородица	87	75	180	102	125	—	—	—	—	482
Боемица	282	600	400	443	—	—	—	—	—	1443
Вардино	4	—	—	25	—	—	—	—	—	25
Габрово	16	—	104	—	—	—	—	—	—	719
Горгоцикъ	103	—	719	—	—	—	—	—	—	950
Горний Четъ	126	950	—	—	—	—	—	—	—	377
Горчище	67	—	377	—	—	—	—	—	—	373
Гувито	42	—	378	—	—	—	—	—	—	197
Давидово	28	—	—	197	—	—	—	—	—	267
Даудли	61	267	—	—	—	—	—	—	—	350
Деведжили	73	350	—	—	—	—	—	—	—	72
Долни Калиби	17	—	—	72	—	—	—	—	—	—
Древено	34	—	182	—	—	—	—	—	—	182
Дубово	41	—	—	226	—	—	—	—	—	226
Изворъ	25	—	130	—	—	—	—	—	—	130
Кара Сенакъ	362	1786	—	—	—	—	—	—	—	1786
Кара-Сулу	129	150	200	171	—	—	—	—	—	521
Кованци	26	—	197	—	—	—	—	—	—	197
Конско	73	—	—	515	—	—	—	—	—	515
Куна	78	—	—	—	—	—	—	—	—	521
Лесково	69	—	446	—	—	—	—	—	—	446
Ливади	389	—	—	—	—	—	—	—	—	2411
Люминица	290	—	—	—	—	—	—	—	—	1224
Лугуци	98	—	—	—	—	—	—	—	—	646
Мачуково	179	—	1181	—	—	—	—	—	—	1141
Мая Даъ	702	3929	—	—	—	—	—	—	—	3924
Милетово	21	—	119	—	—	—	—	—	—	119
Миравци	88	—	300	300	—	—	—	—	—	600
Модинъ	62	—	—	273	100	—	—	—	—	373
Мерзенци	74	200	209	—	—	—	—	—	—	409
Негорци	87	250	—	233	—	—	—	—	—	433
Нонте	511	—	—	—	—	—	—	—	—	3917
Оръховица	133	300	—	597	—	—	—	—	—	847
Ошанъ	169	—	—	—	—	—	—	—	—	1000
Пальорци	13	—	—	—	77	—	—	—	—	71
Петрово	42	—	230	—	—	—	—	—	—	230
Турдайи	147	300	—	411	—	—	—	—	—	411
Подретово	39	226	—	—	—	—	—	—	—	226
Ресели	46	252	—	—	—	—	—	—	—	252
Серменинъ	77	—	—	—	—	—	—	—	—	439
Сахово	119	—	350	365	—	—	—	—	—	365
Сулимли	82	350	—	—	—	—	—	—	—	365
Сайдили	59	371	—	—	—	—	—	—	—	371
Смоквица	80	—	461	—	—	—	—	—	—	461
Смолъ	33	—	219	—	—	—	—	—	—	219
Спанчево	7	—	—	35	—	—	—	—	—	1478
Стояково	207	—	650	650	178	—	—	—	—	778
Тушимъ	113	—	—	778	—	—	—	—	—	61
Харджанъ	10	—	—	61	—	—	—	—	—	624
Хума	67	—	—	—	—	—	—	—	—	561
Чанарли дере	123	624	—	—	—	—	—	—	—	282
Чийдимли	49	282	—	—	—	—	—	—	—	347
Шлопенци	47	—	347	—	—	—	—	—	—	347

Мутесарифлинъ Солунъ.

Каза Гевгели.	Число домовъ.	Ч и с а з и т										К с е г о.
		Турокъ обжитъ- лисъиъ.	Славянъ якъар- хистъиъ.	Славянъ затри- архистъиъ.	Славянъ уй- гуръиъ.	Славянъ мусул- манъиъ.	Грекъиъ хри- стияне.	Прекоръ мусул- манъиъ.	Влахъиъ хри- стияне.	Влахъиъ мусул- манъиъ.	Евреиъ.	
Бубренъ	39	—	—	—	226	—	—	—	—	—	—	226
Черна рѣка	39	—	—	—	—	—	—	—	800	—	—	800
Всего въ Казѣ Гев- гели	7977	14844	11137	8961	580	—	—	—	7618	3917	—	17057
Каза Водена.												
Нахъя Водена.												
Водена	1200	2500	900	4100	—	—	—	—	—	—	—	7500
Мечиклии (св. Илія)	114	155	—	200	—	—	—	—	—	—	—	355
Бихаръ	118	300	—	327	—	—	—	—	—	—	—	627
Бенцица	43	—	—	227	—	—	—	—	—	—	—	227
Арсень	89	—	—	451	—	—	—	—	—	—	—	451
Вечени	23	350	—	186	—	—	—	—	—	—	—	586
Корцивръ	112	—	—	577	—	—	—	—	—	—	—	577
Владово	150	—	—	993	—	—	—	—	—	—	—	993
Оризари (Челникъ)	35	70	—	84	—	—	—	—	—	—	—	154
Вертеконъ	51	—	—	254	—	—	—	—	—	—	—	254
Треболница	16	—	—	90	—	—	—	—	—	—	—	90
Бранине	16	—	—	82	—	—	—	—	—	—	—	82
Каминъ	37	—	—	163	—	—	—	—	—	—	—	163
Искъюція	56	—	—	258	—	—	—	—	—	—	—	258
Голимани	10	—	—	68	—	—	—	—	—	—	—	68
Нія	61	—	—	255	—	—	—	—	—	—	—	255
Потъ	55	—	—	263	—	—	—	—	—	—	—	263
Опляни	19	—	—	109	—	—	—	—	—	—	—	109
Яворани	6	—	—	23	—	—	—	—	—	—	—	23
Кутучери	10	—	—	132	—	—	—	—	—	—	—	132
Баня	14	—	—	85	—	—	—	—	—	—	—	85
Черномориково	41	—	—	185	—	—	—	—	—	—	—	185
Орманъ чифликъ	2	—	—	13	—	—	—	—	—	—	—	13
Ризово	36	—	—	144	—	—	—	—	—	—	—	144
Церковени	56	—	—	270	—	—	—	—	—	—	—	270
Голема рѣка	50	—	—	—	—	—	—	—	276	—	—	276
Месимерь	152	—	500	475	—	—	—	—	—	—	—	975
Самаръ	34	—	—	149	—	—	—	—	—	—	—	149
Велкояново	46	—	253	—	—	—	—	—	—	—	—	253
Почемъ	37	—	186	—	—	—	—	—	—	—	—	186
Луковецъ	35	—	—	164	—	—	—	—	—	—	—	164
Суботско	160	—	488	—	750	—	—	—	—	—	—	1238
Прибудище	205	—	—	500	—	503	—	—	—	—	—	1003
Сарнешово	145	—	—	400	—	424	—	—	—	—	—	824
Струпено	70	—	300	—	284	—	—	—	—	—	—	584
Монастирджикъ	85	—	—	—	—	424	—	—	—	—	—	424
Бизово	137	—	260	—	500	—	—	—	—	—	—	760
Поляни	210	—	—	—	1393	—	—	—	—	—	—	1393
Тресчио	119	—	—	528	—	200	—	—	—	—	—	728
Цакони	95	—	—	607	—	—	—	—	—	—	—	607
Биджево	135	—	—	—	796	—	—	—	—	—	—	796

М у т е с а р и ф л и къ С о л у нъ.

Каза Водена.	Число домовъ.	Ч и с л о	ж и т е л	В с о г о.						
Нахія Водена.	Число домовъ.	Городъ осман- лъсовъ.	Славянъ эзар- хистовъ.	Славянъ патр- архистовъ.	Славянъ уні- тъствъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стіанъ.	Даховъ хри- стіанъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Европъ.
Джедидъ	18	—	—	—	—	99	—	—	—	99
Тормали	45	—	—	—	—	275	—	—	—	275
Костурени	100	—	—	350	—	196	—	—	—	546
Рудино	106	—	—	—	—	542	—	—	—	542
Карладово	36	—	—	274	—	232	—	—	—	232
Драгоманци	203	—	—	—	—	900	—	—	—	1174
Сборско	120	—	977	—	—	—	—	—	—	977
Бахово	85	—	680	—	—	—	—	—	—	680
Цожарско	170	—	1280	—	—	—	—	—	—	1280
Серакиново	75	—	453	—	—	—	—	—	—	453
Цакопска махала	35	—	—	—	259	—	—	—	—	259
Горно Радево	22	—	227	—	—	—	—	—	—	227
Долно Радево	23	—	235	—	—	—	—	—	—	235
Итого въ Нахія Водена	5193	3375	6739	12986	—	7677	—	—	276	—
Нахія Острово.										
Острово	205	345	—	600	—	—	—	—	—	945
Ослуй	267	—	—	—	—	1205	—	—	—	1205
Кронидево	16	—	57	—	—	50	—	—	—	107
Русилово	46	—	—	224	—	—	—	—	—	224
Друшка	8	—	—	42	—	—	—	—	—	12
Гуцово	37	—	252	—	—	—	—	—	—	252
Чеганъ	96	—	—	724	—	—	—	—	—	724
Жерві	40	—	155	—	—	—	—	—	—	155
Панточинъ	6	—	—	40	—	—	—	—	—	40
Тевово	84	—	—	476	—	—	—	—	—	476
Янакиово	28	—	—	123	—	—	—	63	—	123
Фетица	6	—	—	—	—	—	—	—	—	63
Итого въ Нахія Острово	839	345	464	2229	—	1255	—	—	63	—
Всего въ Казѣ Водена	6132	3720	7203	15215	—	8932	—	—	276	—
Каза Енидже Вардаръ.										
Нахія Енидже Вардаръ.										
Енидже (Яница)	1616	5400	1000	1700	190	—	—	—	—	8290
Сари Кади (Выдрица)	118	—	—	664	—	—	—	—	—	664
Ескидже (Ветхи Базаръ)	25	—	—	140	—	—	—	—	—	140
Паликастра	8	20	—	26	—	—	—	—	—	46
Дерменликъ (Оборъ)	1	—	—	6	—	—	—	—	—	6

М у т е с а р и ф л и н ь С о л у н ь.

Каза Енгидже Вардаръ.	Число домовъ.	Ч и с л а о ж и т е в с е н.						В с е г о.
		Турокъ османъ- ликовъ.	Славянъ, ахер- истовъ.	Славянъ патр- архистовъ.	Славянъ уль- евъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ, хри- стянъ.	
Пургазъ	13	—	—	—	—	61	—	61
Балыджа	14	—	—	—	—	67	—	67
Чичетязъ	3	—	—	—	—	314	—	314
Крушари	64	150	—	—	—	170	—	320
Литариново	19	—	—	—	—	120	—	120
Кашякчи (Лыжичаръ)	11	—	—	—	—	73	—	73
Армудчи	37	—	—	—	—	—	—	349
Радомиръ	20	—	—	—	—	103	—	103
Чанчаръ	29	—	—	—	—	163	—	163
Рамна	23	—	—	—	—	115	—	115
Пролесъ	27	—	—	—	—	189	—	189
Литовой	29	—	—	—	—	132	—	132
Романово	8	—	—	—	—	38	—	38
Либаново	19	—	—	—	—	106	—	106
Петгазъ	48	—	—	—	—	320	—	320
Боришоръ	50	—	—	—	—	478	—	478
Крива	193	—	—	—	—	1011	—	1011
Баравида	125	—	—	—	—	913	—	913
Черна рѣка	85	—	—	—	—	527	—	527
Гуменджъ	495	—	—	—	—	2833	—	2833
Чиркаловъ	33	—	—	—	—	219	—	219
Ала-Кисе	92	—	—	—	—	477	—	477
Доганджъ	41	—	—	—	—	—	—	200
Ремиль	37	—	—	—	—	201	—	201
Грубевци	56	—	—	—	—	321	—	321
Коникиово	18	—	—	—	—	178	—	178
Чаушли	6	—	—	—	—	29	—	29
Ахляръ	25	—	—	—	—	161	—	161
Тегармишово	19	—	—	—	—	114	—	114
Ашикляръ	131	—	—	—	—	779	—	779
Кашиново	18	106	—	—	—	—	—	106
Тумба	81	—	—	—	—	590	—	590
Торшилово	32	—	—	—	—	235	—	235
Ваньлатъ	23	—	—	—	—	125	—	125
Оризарци (Чедликъ)	41	—	—	—	—	333	—	333
Баба-кій	68	—	—	—	—	466	—	466
Бозель	95	—	—	—	—	709	—	709
Петрево	116	—	—	—	—	840	—	840
Ени-Кій	10	—	—	—	—	55	—	55
Пазасъ Кій	9	—	—	—	—	52	—	52
Ливадица	41	—	—	—	—	—	—	220
Карапотица	66	—	—	—	—	365	—	365
Волчица	16	—	—	—	—	84	—	84
Врежожътъ	63	—	—	—	—	364	—	364
Власи	65	150	—	—	—	198	—	348
Голото село	63	166	—	—	—	150	—	316
Пласничево	40	100	—	—	—	124	—	224
Гропяно	34	—	—	—	—	175	—	175
Куллебелъръ	8	48	—	—	—	—	—	48
Доргъ Армудъ	12	—	—	—	—	75	—	75
Сюютии	52	—	—	—	—	273	—	273
Невранъ	42	—	—	—	—	206	—	206
Трифульчево	45	158	—	—	—	80	—	238
Карамзино	54	180	—	—	—	104	—	284

М у т е с а р и ф л и къ С о л у нъ.

Каза Енидже-Вардаръ.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е д е н.									
		Турокъ осман-лисова.	Славянъ эзар-хистова.	Славянъ патр-архистова.	Славянъ ун-гровъ.	Славянъ мусуль-манъ.	Грековъ хри-стянъ.	Грековъ мусуль-манъ.	Влаховъ хри-стянъ.	Влаховъ мусуль-манъ.	Европск.
Сенделчово	20	—	—	83	—	—	—	—	—	—	—
Ячкюй	155	402	—	400	—	—	—	—	—	—	302
Недирчово	57	324	—	—	—	—	—	—	—	—	324
Хасарь-бей	70	—	—	350	—	—	—	—	—	—	350
Яувчи	24	—	—	206	—	—	—	—	—	—	206
Мандалево	15	—	—	78	—	—	—	—	—	—	50
Мавроиянъ	7	—	—	50	—	—	—	—	—	—	50
Бабяни	28	—	—	160	—	—	—	—	—	—	160
Стирилть	78	452	—	—	—	—	—	—	—	—	452
Кяшларъ	94	463	—	—	—	—	—	—	—	—	463
Призна	18	54	—	50	—	—	—	—	—	—	104
Сулукзи	13	—	—	61	—	—	—	—	—	—	61
Итого въ Нахи Енидже Вардаръ	5250	8522	2589	17621	190	779	—	—	220	—	29921
Нахи Карадже Абатъ.											
Фущанъ	401	1200	—	789	—	—	—	—	—	—	1989
Терстеникъ	200	820	—	200	—	—	—	—	—	—	1020
Кужумани	245	—	—	661	—	500	—	—	—	—	1161
Карладово	130	—	—	396	—	300	—	—	—	—	696
Истраище	61	—	—	336	—	—	—	—	—	—	336
Новосельцы	100	—	—	—	—	511	—	—	—	—	511
Продромъ	85	—	—	—	—	412	—	—	—	—	412
Гостолюби	257	—	—	—	—	1240	—	—	—	—	1240
Слатино	108	—	—	300	—	351	—	—	—	—	651
Кара дере	46	194	—	—	—	—	—	—	—	—	194
Габровци	129	—	—	367	—	300	—	—	—	—	667
Раниславци	71	—	—	—	—	338	—	—	—	—	338
Севирии	260	1412	—	—	—	—	—	—	—	—	1412
Неворъ	126	704	—	—	—	—	—	—	—	—	704
Ружино	71	—	—	200	—	173	—	—	—	—	373
Калининъ	305	—	—	700	—	701	—	—	—	—	1401
Изворъ	11	—	—	51	—	—	—	—	—	—	51
Тудурча	52	—	—	280	—	—	—	—	—	—	280
Плугаръ	16	—	—	90	—	—	—	—	—	—	90
Итого въ Нахи Карадже-Абатъ	2664	4380	—	4370	—	3826	—	—	—	—	13526
Всего въ Казъ Енидже Вардаръ	7924	12852	2589	21991	190	5605	—	—	220	—	43447
Каза Дойранъ.											
Дойранъ	1237	4000	1200	1000	—	—	—	—	—	—	6450
Адже-огулари	16	81	—	—	—	—	—	—	—	—	81
Горно-Горбасово	122	—	—	—	—	526	—	—	—	—	526

Мутесарифликъ Солуиъ.

Мутесарифликъ Солунъ.

М у т е с а р и ф л и къ С о л у нъ.

М у т е с а р и ф л и к ь С о л у н ь.

Каза Авретъ-Хисаръ.	Число домовъ.	Ч	и	с	з	о	ж	и	т	е	з	е	й.
Нахія Карадагъ.		Турокъ осман- лісовъ.	Славянъ азар- хистовъ.	Славянъ патрі- архистовъ.	Славянъ уніа- това.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стіанъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стіанъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Европовъ.	В с с г о .	
Планиница.	150	400	572	—	—	—	—	—	—	—	—	—	972
Рамна	49	150	152	—	—	—	—	—	—	—	—	—	302
Сакали Оглузаръ	3	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
Сарайли	18	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	80
Саракли	12	51	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	51
Сари Доганджи	30	154	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	154
Саслево	41	—	72	100	—	—	—	—	—	—	—	—	172
Слефче	145	200	494	—	—	—	—	—	—	—	—	—	694
Сырачи	13	66	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	66
Тодорево	42	—	254	—	—	—	—	—	—	—	—	—	254
Узунъ-Махале	38	164	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	164
Урчъ-Овади	11	46	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	46
Фенерли Хаджи Елесь	27	132	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	132
Хаджи Асельеръ	25	128	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	128
Халячи	15	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	67
Халанджали	21	101	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	101
Хемзели	39	184	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	184
Ходжа Башли	59	284	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	284
Хундули	13	48	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	48
Хырсово	67	—	318	—	—	—	—	—	—	—	—	—	318
Чаушли	6	39	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	39
Чиль-Кыяли	13	77	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	77
Чафликъ башли	29	123	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	123
Чифлиндикъ	21	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	95
Чоколево	60	322	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	322
Черналь-Махале	138	740	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	740
Чоравли	14	94	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	94
Чоруклеръ	9	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40
Шерметли	27	—	65	50	—	—	—	—	—	—	—	—	115
Якубли	8	41	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	41
Ярдемли	19	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	90
Яхали-Мурванли.	51	221	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	221
Итого въ Нахія Карадагъ	4756	13164	9276	1101	660	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего въ Казѣ Авретъ-Хисаръ (Кукушъ) .	8138	19216	19570	1962	1235	—	—	—	—	—	—	—	—
Каза Караферія.													
Караферія	2000	4000	—	—	—	—	—	2100	2700	—	—	—	8800
Ағи-Яни	39	—	—	—	—	—	—	280	—	—	—	—	280
Алаборъ	37	—	—	—	—	—	—	250	—	—	—	—	250
Аркудахоръ	23	—	—	240	—	—	—	—	—	—	—	—	240
Асамата	40	—	—	200	—	—	—	—	—	—	—	—	200
Барбешъ	7	—	—	—	—	—	75	—	—	—	—	—	75
Брайнатъ	8	—	—	30	—	—	—	—	—	—	—	—	30
Весинда.	84	—	—	—	—	—	495	—	—	—	—	—	495
Весово	51	—	—	—	—	—	345	—	—	—	—	—	345

М у т е с а р и ф л и къ С о л у нъ.

Каза Караферія.	Число домовн.	Ч и с л о ж п т е л е ё										В с о г о.
		Гурокъ осман- лисова.	Славянъ экзар- хистовъ.	Славянъ патрі- архистовъ.	Славянъ уні- тівъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стіанъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стіанъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Епіровъ.	
Вучища	7	—	—	—	—	—	61	—	—	—	—	61
Меле Айяси	452	—	—	—	—	—	—	—	—	3425	3425	
Алаборъ	20	—	—	—	—	—	203	—	—	—	—	203
Горно Купаново	29	—	—	170	—	—	—	—	—	—	—	170
Дирачко	66	—	—	—	—	—	380	—	—	—	—	380
Долно Купаново	40	—	—	277	—	—	—	—	—	—	—	277
Дрихалево	7	—	—	—	—	—	41	—	—	—	—	41
Ераки	7	—	—	—	—	—	40	—	—	—	—	40
Кавача	14	—	—	—	—	—	80	—	—	—	—	80
Гида Капсохаръ	40	—	—	—	—	—	263	25	—	—	—	203
Кара Чали	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25
Батафя	15	—	—	—	—	—	80	—	—	—	—	80
Кастана	12	—	—	—	—	—	70	—	—	—	—	70
Кохура	50	—	—	—	—	—	270	—	—	—	—	270
Костемаръ	11	—	—	—	—	—	50	—	—	—	—	50
Кухово	60	—	—	—	—	—	355	—	—	—	—	355
Кумошица	16	—	—	—	—	—	75	—	—	—	—	75
Кутишъ	12	—	—	—	—	—	60	402	—	—	—	60
Курдаль	57	—	—	—	—	—	240	—	—	—	—	402
Лидатось	47	—	—	—	—	—	10	—	—	—	—	240
Лонджакосъ	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10
Луковица	28	—	—	135	—	—	—	—	—	—	—	135
Лутрость	58	—	—	—	—	—	489	—	—	—	—	489
Макросъ	73	—	—	—	—	—	385	—	—	—	—	385
Алаборъ	40	—	—	—	—	—	170	—	—	—	—	170
Микро Аги Яни.	167	—	—	—	—	—	—	—	1000	—	—	1000
Межъ	26	—	—	—	—	—	126	—	—	—	—	126
Мейникъ	79	—	—	—	—	—	550	—	—	—	—	550
Милово	27	—	—	—	—	—	285	—	—	—	—	285
Миношица	30	—	—	190	—	—	—	—	—	—	—	190
Ниауста (Агустостъ)	1030	—	—	—	—	—	3390	—	2000	—	—	5390
Нео Кастро	19	—	—	—	—	—	71	—	—	—	—	71
Несель	13	—	—	—	—	—	60	—	—	—	—	60
Ниши	53	—	—	—	—	—	250	—	—	—	—	250
Ени Кой	18	—	—	110	—	—	—	—	—	—	—	110
Цалатисъ	29	—	—	—	—	—	250	—	—	—	—	250
Пископп	42	—	—	—	—	—	270	—	—	—	—	270
Пожаришъ	42	—	—	—	—	—	210	—	—	—	—	210
Продромъ	38	—	—	—	—	—	235	—	—	—	—	235
Райко	30	—	—	—	—	—	150	—	—	—	—	150
Раисиманикъ	26	—	—	—	—	—	125	—	—	—	—	125
Ретинаки	96	—	—	—	—	—	660	—	—	—	—	660
Решива	32	—	—	—	—	—	210	—	—	—	—	210
Рашинъ	9	—	—	—	—	—	40	—	—	—	—	40
Решянинъ	9	—	—	—	—	—	60	—	—	—	—	60
Садина	14	—	—	—	—	—	65	—	—	—	—	65
Сели	77	—	—	—	—	—	—	450	—	—	—	450
Свинче	11	—	—	—	—	—	80	—	—	—	—	80
Св. Марина	31	—	—	—	—	—	180	—	—	—	—	180
Скиличъ	15	—	—	—	—	—	65	—	—	—	—	65
Сполта	29	—	—	—	—	—	245	—	—	—	—	245
Ставрость	24	—	—	—	—	—	115	—	—	—	—	115
Тавромунъ	11	—	—	—	—	—	51	—	—	—	—	51
Триховиста	40	—	—	—	—	—	170	—	—	—	—	170

М у т е с а р и ф л и къ С о л у нъ.

Каза Караперія.	Число домовъ.	Ч и с л о								В с е г о.	
		Турокъ осман- льськъ.	Славянъ экзар- хистовъ.	Славянъ натрі- архистовъ.	Славянъ уні- тарь.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стиянъ.	Влаховъ хри- стиянъ.	Влаховъ мусуль- манъ.		
Туркохоръ	30	—	—	150	—	—	—	—	—	150	
Хорона	13	—	—	84	—	—	—	—	—	84	
Славохаръ	40	—	—	—	285	—	—	—	—	200	
Черново	48	—	—	—	—	—	—	—	—	285	
Шераздинъ	40	—	—	—	—	—	265	—	—	265	
Яворница	12	—	—	50	—	—	—	—	—	60	
Янчища	54	—	—	370	—	—	—	—	—	370	
Всего въ Казѣ Караперія	5761	4000	—	2301	—	—	15185	3127	6875	—	31488
Каза Катерина.											
Нахія Катерина.											
Катерина	989	1500	—	—	—	—	2369	—	1000	—	4869
Бромери	28	—	—	—	—	—	203	—	—	—	203
Испунъ	37	—	—	—	—	—	213	—	—	—	213
Хранось	16	—	—	—	—	—	88	—	—	—	88
Китросъ	34	—	—	—	—	—	229	—	—	—	229
Тохово	236	953	—	—	—	—	—	—	—	—	953
Скутерина	36	—	—	—	—	—	280	—	—	—	280
Морна	19	—	—	—	—	—	106	—	—	—	196
Мила	103	—	—	—	—	—	554	—	—	—	554
Карисъ	7	—	—	—	—	—	37	—	—	—	37
Жажако	51	—	—	—	—	—	270	—	—	—	270
Вронтось	59	—	—	—	—	—	379	—	—	—	379
Кондюрова	45	—	—	—	—	—	279	—	—	—	279
Колиноръ	30	—	—	—	—	—	136	—	—	—	136
Керемитъ	22	—	—	—	—	—	126	—	—	—	126
Дранніца	151	—	—	—	—	—	897	—	—	—	897
Будохія	12	—	—	—	—	—	69	—	—	—	69
Агюяни	31	—	—	—	—	—	215	—	—	—	215
Итого въ Нахія Катерина	1906	2453	—	—	—	—	6450	—	1000	—	9913
Нахія Колиндро.											
Колиндро	393	—	—	—	—	—	1669	—	—	—	1669
Лефтерохоръ	16	—	—	—	—	—	76	—	—	—	76
Кадаха	31	—	—	—	—	—	190	—	—	—	190
Палюнешени	30	—	—	—	—	—	190	—	—	—	190
Кючюкъ-Міля	31	—	—	—	—	—	180	—	—	—	180
Лабаново	141	350	—	—	—	—	360	—	—	—	710
Итого въ Нахія Колиндро	642	350	—	—	—	—	2665	—	—	—	3015

М у т е с а р и ф л и къ С о л у нъ.

Каза Катерина.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е л е й.								Всего.
		Турокъ осман- лисовъ.	Славянъ азар- хистовъ.	Славянъ патр- архистовъ.	Славянъ унѧ- товъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стянъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стянъ.	
Литохоръ	602	—	—	—	—	—	3641	—	—	3641
Лефтокарія	109	—	—	—	—	—	619	—	—	619
Скотина	70	—	—	—	—	—	330	—	—	330
Пантелеймонъ	91	—	—	—	—	—	422	—	—	422
Тури	28	—	—	—	—	—	123	—	—	123
Аврааміца	11	—	—	—	—	—	45	—	—	45
Фікри и Каїца	127	—	—	—	—	—	—	—	—	566
Каїца Саракачанъ	6	—	—	—	—	—	42	—	—	42
Малатрія	11	—	—	—	—	—	71	—	—	71
Малатрія Саракачанъ	32	—	—	—	—	—	164	—	—	164
Коринось	53	200	—	—	—	—	184	—	—	384
Брахина	13	—	—	—	—	—	62	—	—	62
Итого въ Нахія Литохоръ	1152	200	—	—	—	—	5703	—	566	—
Всего въ Казѣ Катерина.	3700	3003	—	—	—	—	14818	—	1566	—
Каза Лангаза.										
Лангаза	350	1300	—	—	200	—	250	—	—	1750
Адемъ-Кіой	188	—	—	—	—	—	775	—	—	775
Андули	39	198	—	—	—	—	—	—	—	198
Ашаръ	36	182	—	—	—	—	—	—	—	182
Джами	97	460	—	—	—	—	—	—	—	460
Караджали	36	173	—	—	—	—	—	—	—	173
Румелі	40	198	—	—	—	—	—	—	—	198
Аивасиль	51	—	—	—	—	—	204	—	—	204
Анджиларь	24	111	—	—	—	—	—	—	—	111
Айси Оваси	24	126	—	—	—	—	—	—	—	126
Акъ-Топракъ	35	148	—	—	—	—	—	—	—	148
Алайли	80	378	—	—	—	—	—	—	—	378
Алчели	22	114	—	—	—	—	—	—	—	114
Аракля	22	—	—	—	109	—	—	—	—	109
Асировалта	38	—	—	—	—	—	183	—	—	183
Индакали	39	186	—	—	—	—	—	—	—	186
Индахизерь	19	99	—	—	—	—	—	—	—	99
Курджали	34	162	—	—	—	—	—	—	—	162
Хайдерларь	14	78	—	—	—	—	—	—	—	78
Чевабли	25	124	—	—	—	—	—	—	—	124
Шахинли	12	60	—	—	—	—	—	—	—	60
Балавча	96	—	—	—	481	—	—	—	—	481
Башъ-Кіой	17	65	—	—	—	—	—	—	—	65
Берво	174	—	—	—	—	—	803	—	—	803
Богородица	34	—	—	—	154	—	—	—	—	154
Булагіли	68	382	—	—	—	—	—	—	—	382
Закуфъ Ени-Кіой	15	—	—	—	85	—	—	—	—	85
Веренось	116	—	—	—	—	—	512	—	—	512
Веренось	36	—	—	—	—	—	169	—	—	169
Висока	238	—	—	—	1478	—	—	—	—	1478

Мутесарифликъ Солунъ.

Код. Лангиз.	Число домовъ.	Ч и с т о						Ж и т е л е н.
		Турокъ осман- лииогъ.	Славянскъ мазар- хистанъ.	Славянскъ архистанъ.	Славянскъ уна- тобы.	Славянскъ мурзан- мапъ.	Грековъ хри- стиянъ.	
Гиренъ	45	—	—	—	—	—	218	218
Гнейна	14	—	—	—	—	—	—	78
Гевашъ	202	—	—	—	78	—	—	970
Буюктъ Бешикъ	47	94	—	—	—	—	970	194
Гермичъ	181	933	—	—	—	—	—	933
Гбоменичъ	35	—	—	—	—	—	—	155
Гблобашъ	10	—	—	—	—	—	—	50
Джерна	23	—	—	—	—	—	—	121
Доганджикъ	64	—	—	—	—	—	—	260
Доганджъ	24	—	—	—	—	—	—	122
Деркиль	96	—	—	—	—	—	—	433
Еин-Махало	52	300	—	—	—	—	—	300
Загинверъ	167	508	—	—	—	—	—	1008
Зарево	217	—	979	—	—	500	—	979
Ибрахимли	38	167	—	—	—	—	—	167
Игрибуждакъ	163	802	—	300	—	—	—	802
Каваларди	120	248	—	—	—	—	—	548
Кавакъ	45	207	—	—	—	—	—	207
Караамария	179	917	—	—	—	—	—	917
Караджа Кюй	203	965	—	—	—	—	—	965
Карчи Кюй	69	308	—	—	—	—	—	308
Клопеле	202	965	—	—	—	—	—	965
Клисели	63	—	—	386	—	—	—	386
Кокала	52	—	—	—	—	203	—	203
Курфали	71	357	—	—	—	—	—	357
Кочкаръ	15	71	—	—	—	—	—	71
Куланджакъ	22	110	—	—	—	—	—	110
Кюзели	45	193	—	—	—	—	—	193
Кюлчъ	62	278	—	—	—	—	—	278
Күзели	65	349	—	—	—	—	—	349
Лаинговикъ	44	170	—	—	—	—	—	170
Лацджа	34	167	—	—	—	—	—	167
Лахана	154	723	—	—	—	—	—	723
Левенъ	18	—	—	—	—	—	—	84
Лозинъ	86	150	—	—	—	—	—	366
Ливадачъ	283	700	—	—	—	—	—	1344
Ахутинъ	26	109	—	—	—	—	—	109
Дундарли	48	216	—	—	—	—	—	216
Огурчи	43	201	—	—	—	—	—	201
Цазарчи	56	273	—	—	—	—	—	273
Рамазанчи	34	151	—	—	—	—	—	151
Техиме	28	140	—	—	—	—	—	140
Маврово	47	189	—	—	—	—	—	189
Кучукъ Башикъ	69	130	—	—	—	—	—	290
Масларъ	159	300	—	—	—	—	—	763
Медемахале	30	148	—	—	—	—	—	148
Мода	41	—	—	—	—	177	—	177
Неби Даутли макало	14	67	—	—	—	—	—	67
Негованъ	305	400	600	560	—	—	—	1560
Нуда	56	277	—	—	—	—	—	277
Орехъ	80	373	—	—	—	—	—	373
Остродонга	8	—	—	—	—	—	—	43
Караджали	35	128	—	—	—	—	—	128
Каракордукали	31	114	—	—	—	—	—	118
							В с е г о .	

М у т е с а р и ф л и къ С о л у нъ.

Каза Лангаза.	Число домовъ.	Ч и с л о										В с е г о.
		Гурокъ осман- лисовъ.	Славянъ эзар- хистовъ.	Славянъ патрі- архистовъ.	Славянъ уйва- товъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стиянъ.	Грековъ мусуль- манъ.	Влаховъ хри- стиянъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Евреи.	
Кирагъ	46	221	—	—	—	—	—	—	—	—	—	221
Отманли	68	292	—	—	—	—	—	—	—	—	—	292
Пазардъя	78	120	—	—	—	—	—	—	—	—	—	390
Памикъ	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8
Пещера	99	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	500
Равна	122	604	—	—	—	—	—	—	—	—	—	604
Салтакъя махале	51	273	—	—	—	—	—	—	—	—	—	273
Сарай	51	256	—	—	—	—	—	—	—	—	—	256
Сарачово	39	—	—	205	—	—	—	—	—	—	—	205
Сариджели	24	136	—	—	—	—	—	—	—	—	—	136
Сарнарь	139	678	—	—	—	—	—	—	—	—	—	678
Селе Неби Даутли	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150
Севри	34	158	—	—	—	—	—	—	—	—	—	158
Сиври-махале	26	138	—	—	—	—	—	—	—	—	—	138
Слатина	19	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	96
Софуляръ	39	178	—	—	—	—	—	—	—	—	—	178
Сохъ	572	—	—	2885	—	—	—	—	—	—	—	2885
Ставроъ	40	—	—	—	—	—	200	—	—	—	—	200
Стефана	111	—	—	—	—	—	567	—	—	—	—	567
Стефана	139	611	—	—	—	—	—	—	—	—	—	611
Судово	58	277	—	—	—	—	—	—	—	—	—	277
Тегри-Вирлишили	18	126	—	—	—	—	—	—	—	—	—	126
Тумба	5	—	—	—	—	—	—	30	—	—	—	30
Хаджи Байрамли	186	886	—	—	—	—	—	—	—	—	—	886
Хаджиларъ	54	230	—	—	—	—	—	—	—	—	—	230
Хаслиджекли	27	114	—	—	—	—	—	—	—	—	—	114
Хламуръ	366	1659	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1659
Чали-махале	71	324	—	—	—	—	—	—	—	—	—	324
Дере	22	111	—	—	—	—	—	—	—	—	—	111
Джами	16	74	—	—	—	—	—	—	—	—	—	74
Коджа-Лишлеръ	11	53	—	—	—	—	—	—	—	—	—	53
Марешлеръ	20	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	125
Чешме	16	71	—	—	—	—	—	—	—	—	—	71
Чокали	44	201	—	—	—	—	—	—	—	—	—	201
Джами-махале	22	107	—	—	—	—	—	—	—	—	—	107
Караба	35	151	—	—	—	—	—	—	—	—	—	151
Карга	25	129	—	—	—	—	—	—	—	—	—	129
Котокчи	11	53	—	—	—	—	—	—	—	—	—	53
Хаджи	30	153	—	—	—	—	—	—	—	—	—	153
Ярамазли	36	140	—	—	—	—	—	—	—	—	—	140
Дере	19	93	—	—	—	—	—	—	—	—	—	93
Джали	25	127	—	—	—	—	—	—	—	—	—	127
Кабулу	35	201	—	—	—	—	—	—	—	—	—	201
Кара изли	60	275	—	—	—	—	—	—	—	—	—	275
Муменли	24	117	—	—	—	—	—	—	—	—	—	117
Шуриаръ-баши	35	206	—	—	—	—	—	—	—	—	—	206
Чили	18	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	95
Всего въ Казъ Лан- газа	9391	27400	1579	6977	—	—	9390	—	—	—	—	45346

Мутесарифлинъ Солуны.

Каза Касандра.	Число домовъ.	Число домовъ.								Всего.
		Турокъ османъ-дисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патриархастовъ.	Славянъ унагитовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христианъ.	Влаховъ христианъ.	Влаховъ мусульманъ.	
Полигироосъ	400	—	—	—	—	—	2134	—	—	2134
Аванли-махале	61	352	—	—	—	—	—	—	—	352
Аймама	89	—	—	—	—	—	423	—	—	423
Любунаръ	31	135	—	—	—	—	—	—	—	135
Анастасъ	7	—	—	—	—	—	—	—	—	42
Атмаджели	33	304	—	—	—	—	—	—	—	304
Баракли	32	146	—	—	—	—	—	—	—	146
Бозаланъ	47	223	—	—	—	—	—	—	—	223
Булгаръ	5	—	—	—	—	—	—	—	—	39
Вавдо	252	—	—	—	—	—	1350	—	—	1350
Валта	155	—	—	—	—	—	774	—	—	774
Варвара	111	—	—	—	—	—	590	—	—	590
Враста	277	—	—	—	—	—	1170	—	—	1170
Галарно	25	—	—	—	—	—	174	—	—	174
Галача	398	—	—	—	—	—	1839	—	—	1839
Гоматъ	100	—	—	—	—	—	518	—	—	518
Дариджиларъ	9	50	—	—	—	—	—	—	—	50
Даутли	39	185	—	—	—	—	—	—	—	185
Добролу	18	95	—	—	—	—	—	—	—	95
Емерджели	19	108	—	—	—	—	—	—	—	108
Ени-Кіой	85	—	—	—	—	—	569	—	—	569
Изворъ	106	—	—	—	—	—	496	—	—	496
Ирисо	281	—	—	—	—	—	1422	—	—	1422
Каланда	74	—	—	—	—	—	409	—	—	409
Калазулъ	7	—	—	—	—	—	—	—	—	50
Кану	6	50	—	—	—	—	51	—	—	51
Капсохора	64	—	—	—	—	—	278	—	—	278
Кара-тепе	23	—	—	—	—	—	—	—	—	92
Кара-Юсуфларъ	10	—	65	—	—	—	—	—	—	65
Каркара	99	—	522	—	—	—	—	—	—	522
Касандрано	27	—	—	—	—	—	184	—	—	184
Каяджикъ	34	—	—	—	—	—	225	—	—	225
Карменъ	29	—	—	—	—	—	173	—	—	173
Кили	3	—	—	—	—	—	20	—	—	20
Козина	4	—	—	—	—	—	24	—	—	24
Кюрше	42	—	173	—	—	—	—	—	—	173
Кюлахъли	7	—	—	—	—	—	35	—	—	35
Кючукъчи	38	—	150	—	—	—	—	—	—	150
Кызганджи	42	—	175	—	—	—	—	—	—	175
Леригово	318	—	—	—	—	—	1558	—	—	1558
Локово	132	—	—	—	—	—	831	—	—	831
Мардана	8	—	37	—	—	—	—	—	—	37
Мера-чифликъ	7	—	—	—	—	—	35	—	—	35
Метенгичъ	61	—	—	—	—	—	297	—	—	297
Мирофито	34	—	—	—	—	—	156	—	—	156
Никита	180	—	—	—	—	—	977	—	—	977
Пазараки	28	—	—	—	—	—	174	—	—	174
Пазарли	25	108	—	—	—	—	—	—	—	108
Палеохоръ	114	—	—	—	—	—	566	—	—	566
Палеохоръ	60	—	—	—	—	—	426	—	—	426
Шаморъ	63	—	—	—	—	—	350	—	—	350
Шаная	3	—	—	—	—	—	16	—	—	16
Нартенайона	67	—	—	—	—	—	340	—	—	340
Полихронъ	29	—	—	—	—	—	194	—	—	194

М у т е с а р и ф л и къ С о л у нъ.

Каза Касандра.	Число домовъ.	Ч и с л о ж и т е л е и										Всего.
		Грековъ осман- лисова.	Славянъ азар- хистовъ.	Славянъ патр- архистовъ.	Славянъ уні- тозъ.	Славянъ мусуль- манъ.	Грековъ хри- стянъ.	Влаховъ хри- стянъ.	Влаховъ мусуль- манъ.	Евреевъ.		
Портарія	81	—	—	—	—	—	346	—	—	—	—	346
Правита.	2	—	—	—	—	—	9	—	—	—	—	9
Равна	85	—	—	—	—	—	562	—	—	—	—	562
Ревежикъ	173	—	—	—	—	—	1120	—	—	—	—	1120
Реметиникъ	96	—	—	—	—	—	549	—	—	—	—	549
Св. Никола	170	—	—	—	—	—	955	—	—	—	—	955
Св. Параскева	71	—	—	—	—	—	384	—	—	—	—	384
Сенджели	10	56	—	—	—	—	—	—	—	—	—	56
Селели	23	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150
Сопотникъ	60	—	—	—	—	—	318	—	—	—	—	318
Сохуларъ	42	—	—	—	—	—	233	—	—	—	—	233
Сохуларъ махале	3	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
Стано	100	—	—	—	—	—	547	—	—	—	—	547
Таганджи	10	47	—	—	—	—	—	—	—	—	—	47
Телкели	101	528	—	—	—	—	—	—	—	—	—	528
Тумба	42	—	—	—	—	—	204	—	—	—	—	204
Тупликъ	40	—	—	—	—	—	260	—	—	—	—	260
Урумля	232	—	—	—	—	—	1833	—	—	—	—	1833
Урумъ-Сыртъ	20	128	—	—	—	—	—	—	—	—	—	128
Фурка	81	—	—	—	—	—	413	—	—	—	—	413
Ханіть	12	—	—	—	—	—	76	—	—	—	—	76
Хасана	68	—	—	—	—	—	393	—	—	—	—	393
Хатита	93	—	—	—	—	—	482	—	—	—	—	482
Чапраль	12	—	—	—	—	—	64	—	—	—	—	64
Ченгели	29	182	—	—	—	—	—	—	—	—	—	182
Ченешли	8	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50
Чилли	19	98	—	—	—	—	—	—	—	—	—	98
Чобанли	3	15	—	—	—	—	1597	—	—	—	—	15
Шикя	318	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1589
Кромъ того имѣются еще метохи (хутора), при- надлежащіе Аѳонскимъ монастырямъ, гдѣ живутъ монахи.												
Всего въ Казѣ Касандра	6222	4239	—	39	—	—	29165	—	—	—	—	33443
Каза Аѳонъ.												
Обитаема исключительно монахами.												
Во всемъ Солунскомъ Мутесарифликѣ . . .	101467	186735	116814	87340	2160	33497	101276	3204	17105	3917	47850	599399

(О кончаніе слѣдуетъ).

Нѣсколько духовныхъ стиховъ

(по записямъ В. Чернышева).

Стихъ объ Алексѣѣ человѣкѣ Божиѣ записанъ, съ большими пропусками (такъ мѣжду кажется), со словъ слѣднаго ишага изъ Юхновскаго у. Смоленской губ. На вопросъ, отъ кого онъ научился стихамъ, онъ отвѣтилъ, что «отъ царя Давыда, отъ него это пошло». Народное произношеніе при записываніи имѣлось въ виду передать въ точностіи. Время записи—лѣто 1898 года.

Въ говорѣ разсказчика сильное аканье: не только ямѣ, явѣ, шастдѣ, земнѣй и др., ясли, жанѣхъ, исцалѣнья. Иногда вмѣсто *a* впідѣмъ *æ*—это въ слогѣ передъ удареніемъ передъ слѣдующемъ *a*: прѣстѣли (2 раза), растечѣются, исѣщамъ; въ соотвѣтствіе этому находимъ: нарѣкали, слизами, спрѣвѣдала. У на мѣстѣ о только въ словѣ Вугурдница.

E замѣняется *и*: имѣ, узнѣть, кушанѣмъ, также: свещеннѣнныи; въ словѣ ище (еще) на концѣ *e* не є. *G* произносится какъ латинское *h*; есть *у* или *û* на мѣстѣ *e*: углѣй, умѣсти, *û* Божію и обратно; замѣтимъ также произношеніе: христіянами, *и* тробу (собственно: *h* *h*робу). На концѣ словъ можно услышать твердый губной: семъ. Окончаніе 3-го лица то мягко: принимамъ, идѣть, плачимъ—то твердо: хдѣютъ, плачимъ; также ться (жениться)—не тца или цца; возврат. залогъ то на ся: пакланія, праслезія—то на са: занѣлса, молѣлса *). Въ удареніи нужно указать: саздѣль, занѣлся, началь. Вмѣсто онъ говорятъ єнъ. Въ склоненіи словъ нужно указать: на сырой землѣ (на правой руѣ, можетъ быть, по вліянію подобныхъ склоненій); въ склоненіи прилагательныхъ видимъ формы: Божай (им. п. е. ч. и. р.), Божава (р. п.), Божиму (д. п.), въ жен. родѣ: на Божай, Божей церкви; также: турѣцкую землю, всѣкаю; скрѣнитъ, болѣзнямъ (скорбныи, болѣзныи), горѣками слезами.

Вмѣсто гдѣ—игдѣ, вмѣсто пойдѣ—пѣасть (какъ мостъ при мось). Дару вмѣсто чару, я думаю, не даетъ права заключить о цоканѣ. Запись сделана очень спѣшно и, вѣроятно, содержитъ не мало неточностей.

Въ скобкахъ поставлены слова и произношенія, которыхъ слышались при повтореніи.

Алексѣй Божій человѣкъ.

Ва славнамъ ва горади ва въ Рими
При томъ царѣ при Яновью,
При вилакаму князю Афимьяну (Ахимьяну),
И въ нихъ же дѣтища не была ни единава,
Создѣль имъ Гасподь дѣтишшу единава,

*) Эти слѣпые обыкновенно ходятъ подъ Москвою, откуда тѣ, са и др.

При младости есть на паглядѣнія,
При старости на сбереженіе,
Паслѣдніи канцѣ на паминъ души,
На Божъяму павилѣнію,
На ихъ па усерднаму прашенію.
Хадиль князь па городу па Вриму,
Сабиралъ онъ папоффъ, многа священства,
Папы къ яму въ домъ прихадили,
На имя младенца нарикали,
Нарякли (нарякли) иму имя звать Аликсѣямъ (Ликсѣямъ),
Божъява свѣта чилавѣкку будить Аликсѣю ему съмъ лѣтъ—
Атдѣль яво батюшка ва школу
Святой Божій грамати абучитца.
Грамати (граматы) святой абучился (абучилса),
Выучился скораму писанью (занѣлса).
Младъ Алексѣй сталъ на ворзѣси лѣтъ семнадцать—
Паневолилъ ево батюшка женихтесь—
Женихтесь Алексѣю ни хатѣлася—
Принималъ онъ къ яму младую княгиню.
На Божію (у Божію) церкавъ прихадили (привадили),
Подъ златыми вѣницами (винцами) прастыѣли (прастыили),
Залатыми перснами обручались,
Перяпойную цару *) испивали.
Пашоль Алексѣй изъ Божей церкви къ сваимъ каминнымъ бѣлымъ палатамъ,
Садился Алексѣй за трапезу;
Онъ хлѣба и соли не скушасть.
Ва втаромъ часу была ночи—
Чавели Алексѣя пачивати,
Ва шастомъ часу была ночи—
Увставаль Алексѣй съ упакдя,
Снималъ (сонималъ) Алексѣй свой шелковый поясъ,
Са правой руки златой перстнисъ.
«Малнся ты Госпаду, трудися
За Алексѣя (Лексѣя) Божава чилавѣка».
Самъ пашоль ва ѹишую землю,
Ка городу ка Іудѣсту;
Прихадиль ка Божай святой цѣркви (церкви),
Сталь Алексѣй на папѣрти,
На правай рукѣ на притвори,
Молитца Богу са слизами
(Клаль поклоны-та злывыи).
Ва то время славенъ Афимъянъ княсь
Хватлса любимава сваво сына.
Послы сво люди паходили,
Турецкаю землю исходили,
Ка граду Іудѣсту (Іудесту) прихадили,
Ва Божіи ва церкви прастыѣли,
Тамъ Алексѣя ии признали,
Миластину яму саздавали.
Семнадцать лѣтъ Госпаду малилса,
Всякаю недѣлю спавѣдался,
Шастую суботу причащаля (причашшался),
Скушаль на недѣлю па атной (падной) крошки,

*) Въ записи такъ; вѣроятно, по ошибкѣ?

Испивалъ (спивалъ) вадицы па адной чарки.
Ричеть иму Мать присвятая Бугуродица,
Аликсѣю Божиму чилавѣку:
Пади-ка ты ва свой ва славенъ Римъ гратъ,
Ка великому князю Асимиану:
Атецъ тибя съ матерью ни узнать,
Ни узнать твоя абрѣчиваия княгиня.
На то время славенъ Ахимъянъ князъ
Выходилъ изъ Божей церкви.
Аликсѣй атцу пакланился:
«Здраствуй ты, нашъ батюшка славинъ Ахимъянъ князъ,
Любишь ли ты насть, иишу братю,
Сдѣляишь (сасдѣляишь) ли ты убогимъ миластину?
Пастрой-ка ты ииѣ (страннику) келью,
Не ради мнѣ, а ради Бога.
Ради сваво сына Аликсѣя Божава чилавѣка».
(Стоючи княсь праслезился,
Горьками слезами заливалса):
Пастроилъ єнъ келью не такую
Ищѣ (е не є) ни въ этакамъ мѣсти;
Пазать сваихъ каминныхъ палать,
Издѣѣ рабы слуги ходятъ, соръ и памои вазливаютъ,
На то бы Аликсѣй ни прагнѣвался.
Съ радостю нужды принимайтъ.
Малился онъ Господу трудылся тритцать лѣтъ и читыри (четыри).
Ва славиамъ ва горади ва Врими
Святимъ духамъ—ладанамъ запахла.
Слуги ка князю приходили,
Великаму князю атвѣщали:
«Въ нашамъ во гради свѣтъ переставился,
Пазадъ вашай бѣлай каминной палаты,
Гдѣ рабы слуги ходютъ, соръ и памои выливаютъ.
Царь Янорій падымаитца
Са всѣми священными (свищеными) соборами,
Съ праваславными царь кристіянами—
Царю ружалісьма ни сдалося:
Сдалось рукопісьма патріарху.
Началь патріархъ письмо читать:
Дачѣлся *) князъ сваво сына,
Аликсѣя Божава чилавѣка.
«Чада ты маѣ нараждѣнная,
Аликсѣй ты Божій чилавѣкъ,
Чаво ты жиль—быль ни сказалса,
Съ какой бы ты славой набѣялса,
Пастроилъ бы тибѣ келью ни такую,
Ище (не є; вар. вѣце) бы ни въ эдакамъ мѣсти!
Справидала ево мать радная,
Идеть ка святому сама слезна плачить,
Ка гробу (вар. бозъ предлога: гробу) святому упадала,
Грабницу слизами заливала.
«Свѣтъ маѣ любимая чада,

*) У Бозсонова въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ: дочѣлся (патріархъ), вып. 1, с. 108, стихъ 387, дочелся (князъ), вып. 1, ср. 141, стихъ 246, но въ томъ и другомъ случаѣ слово относится къ читателю.

Алисъй ты Божій чилавѣкъ,
Ты для чибо жиль-быль ни скадалса,
Съ какой бы ты славай нибъявлалса,
Кармила бъ паила бъ сваимъ кушаніимъ,
Надзирала бъ сваимъ вѣрныимъ газамъ.
(Насиль бы ты ризы ни такіи,
Насиль бы ты ризы залатыи).
Справидала ево младая княгиня,
Идѣть ка святыму сама плачить,
Гг гробу святыму припадала,
Грабиницу слезами заливала.
«Свѣтъ мой жанихъ быль обручевный,
Преславный мой князь вазлобленій,
Алисъй Божій (Божій) чилавѣкъ.
Утай бы я въ келью приходила,
Свѣчи бы ладанъ принасила,
Умѣсти бы съ табою Богу малилисъ,
Промежъ бы нась воздухъ быль святой (быль святой воздухъ),
Гарѣла *) бы свѣча ииугасимая.
Алисъя Божава чилавѣка
Нясли (негли) иво (яво) (мощи пагребати).
Три днія и три ночи за народамъ князя ни дапускали (дапустили).
Княсь казну рассыпашть
(Князь казну растычашть),
Па сырой земли рассыпашть)—
А міръ ать казны прочно атшатнулса,
Ка святымъ машамъ (мешамъ) прилахилса;
Ать святымъ машашъ была прашенія,
Сляпимъ даваль Гасподь праузѣнья,
Глухимъ даваль Гасподь праслушенія,
Скориамъ, балѣзмъ Гасподь даваль искалѣнья.
Са славаю мощи пагрибали
Ва славамъ ва горади ва въ Рими.
Яму жа славу паймъ ва вѣки вѣковъ, аминь.

Слѣдующіе стихи записаны отъ молодого слѣпца Клинскаго уѣзда. Изъ нихъ виденъ обыкновенный московскій умѣренно акаюпцій народный говоръ. Произношеніе, вѣроятно, передается точно, чѣмъ въ предыдущей записи, такъ какъ она сдѣлана менѣе спѣшино.

Лексій Божій чилавѣкъ.

Ва славамъ ва гради и ва Римѣ (горади ва Римѣ),
При томъ царѣ была при Аандры (Анурѣ),
У вѣликава князя Афимьяна (Афимьяна),
У нихъ не была дѣтища ни единава;
То велитии (и или ѹ неясно) славенъ Афимьянъ княсь
Ходить ва Божію ва церкафъ (рѣ или рѣ неясно),
Молитца Богу са слезами
И са праведными Богу са трудами,
У Господа милости упрашаіть:
«О свѣтъ Присвятая (и неясно) Мать Багародица,

*) Въ Записи: гарѣ.

А ты вдзри на наша умалёнья
И на наши гарючи слёзы,
Саждай намъ Божъ дѣтищю (д съ слабымъ отънкомъ?) единава,
При (и неясно) младости князю на патѣху,
При старости князю на призрѣнія,
Паслѣднімъ канцѣ на паминъ души (душѣ).
По вѣликава князя Афимъяна
Малитва да Господа дахадна,
Князъ ия *) пандъ скора панасѣла,
Панасѣмши ана чаду парадила,
Парадила се бѣ сына вазлюблинава.
То великий нашъ славинъ Афимъянъ княсь
На гораду Рыму (на Рымскому граду) пахаждантъ,
Свищеникафъ въ домъ къ се бѣ призываицъ;
Маладенцу святоя имя нарекають,
Нарѣкли е ми имя звать Лексѣй.
То будить Алексѣй Божій на вазрости (а неясно)
И на вѣзрасти лѣтъ семи гадоффъ—
Атдаваль ево грамати княсь учити.
Алексѣй Божій грамати скора обучилса,
Онъ выучилса скора стала писати.
(То) будить Алексѣй Божій на вазрости (а неясно)
И на вѣзрасти лѣтъ семнѣцати—
Паизволицъ ево княсь млада же нити,
Принималь къ не ми младаю кинъ (князъ ию).
Ва Божиу ва церкву (рѣ или рѣ неясно) призвадилъ,
Падъ златыми венцами (и неясно) придестали,
Золатыми перъснами абручались
И на весь тутъ Законъ Божій принимали.
Пашоль Лексѣй изъ Божій церкви (рѣ или рѣ неясно)
(Божій вонъ ись церкви)
Въ бѣлы каминны палаты,
Садилса Алексѣй (Божій) за трапезу—
Онъ хлѣба и соли ии вкушантъ,
На Спасития образа взираицъ.
«О свѣтъ Пре святая Мать Багародица,
Ты не дай жа ми Госпади прагрѣшыти
Са сваю са младаю са княгіній!»
Ва шестымъ чи су была на рассвѣти—
Вставаль Алексѣй са пастели,
(Онъ) снималь шолкавай иоясь
И съ сваей (са правай) рутѣ валатой пѣръстинъ
И даруицъ абручнаю княиню.
«Ты вазьми съ миши шолкавай иловай пойсь (поесть)
И са правай рутѣ златой иеръстинъ
И малцъ Госпаду трудица
(О Лексѣй Божиева (такъ) чалавѣти),
А я самъ пайду ва йиши земли (ииншую землю).
Патходицъ ка гораду къ Людѣству
И ка той ка святой саборной церкви (рѣ или рѣ неясно),
Станавицса Лексѣй (Аликсѣй) на ианбрѣти,
На правой рутѣ возли притвору.
Въ эфта время славинъ Афимъянъ княсь

*) Вѣ Записи: князиня.

Хватилса любезнава сваво сына.
Онъ начи^лъ насланикафъ рассылати.
Паслы ево люди пахаждали,
Всё^и пиную землю исхаждали,
Алексея Божьява чилавѣка ево ни признали
(За убогава старца ево почитали),
Ему миластиню принимайтъ,
На ницай на братіи раздѣлятъ.
Се^и миатцать лѣтъ Госпаду малилса.
Речеть (не ё) ему Мать Пре^святая Вагародица:
«Сиасеть тебя Господи, трудиникъ Божій,
Што пришолъ ты на ми^н Богу памалитца,
За младаи годы цатрудѣтца;
Гля^{ди} жа (такъ!) таперь ва свой (ва славинъ) Римъ-гратъ
Ка великому князю Афимъяну—
Те^и би мать съ атцомъ ни признаютъ,
Ии твая абречевная кня^иния.
Пашоль Алексеій ва свой Римъ-гратъ.
Литурдію Божію прачитали,
Ве^иликій славинъ Афимъянъ княсь
Выходилъ изъ Божій святой церкви (рѣ или рѣ неясно)—
Алексеій сваму атцу пакланился:
«Любишъ ли ты нась, иища ую братію
(Здѣляишъ ли ты намъ святую миластину)
Ты здѣвили ми^н убогому старцѣ телью,
Ты не ради меня, ради Бога,
Ради сына Алексея».
Какъ стоялъ (а неясно) княсь предъ винъ—прастезилса.
«Сиасеть жа тебя Госпади, трудиникъ Божій,
Што ты радашаю вѣсъ ми^н вазвѣщаишъ
Ира маво пра любезнава сына.
Гля^{ди} жа, убогай рапъ, за мною
(Къ маѣмъ (е неясно) бѣльмъ каминнымъ палатамъ),
Пастрою тѣ^и бѣ телью пазать сваихъ каминныхъ палатафъ,
Дѣ в ноги (г сбиваются на д) слуди (д неясно) прислаждають,
Дѣ памони сорнаи вазливають».
Але^кстѣй (жа) на эта ни прагнѣвалса;
Онъ съ радасью нѣжды принимайтъ.
Малилса онъ Госпаду тритцать чѣ^тыри геда,
Онъ свѣдалъ сваю смерть, чашъ ваньчины,
Паирасиль онъ ласъ (пости такъ) букази и червнила.
Онъ пишть свае ракаписанія (рукаписанія) и свитоя пахажденія,
Ва славинамъ ва гради переставилса.
Са славай тѣ^и моши пагребали
Свищеннай саборнай церкви (рѣ или рѣ неясно, и неясно; вар. церкви).
Ему же слава ни минутца
И ва вѣки вѣкофъ, аминъ.

О пъянице.

Малилса Василій къ ка Госпаду Богу отъ желанія
Съ сваѣмъ пламенемъ (иламенемъ съ сердечами) и съ гарючими слезами,
Былъ ему гласть ать святой ать чеснѣй ать икоанъ

И ать Матери присвятої (пресвятої) Багародици:
«Папинь, Василій, хмель
Наваітія *) испивать —
То будить тебя
Мать пресвятая Багародица сахраняты.
Двадцать пять лѣтъ
У Василія хмелоу въ роти ии бывала.
Однажды Василій хмельнава сніль.
Самъ не свѣдалъ (вѣдалъ).
Тріцать пять лѣтъ
Злыи (а злыи) кареня съ галавы далой не сойдутъ.
Горя всякому чилавѣку
Хмель наваітія испивать,
Ни падабаетъ (падабаітъ) ии женскому полу ии мускому,
Ни свищеникамъ (священикамъ) аткамъ іеремъ.
Падабаетъ (падабаітъ) свищенику
Ва Божью ва церкву (рѣ или рѣ неясно) прихаждать,
Съ вѣраю бажественай літурдю (літурдю) савершать,
Пьянава въ Божью церкву (рѣ или рѣ неясно) ии пущать.
Пьянай ідеть ва Божю церкафъ ии би хдени
(Малитви сибъ ии сатваряеть),
Онъ креста вапалинъ ии васкладаетъ
(Пьянъ у страху стаіть—
Страху Божъява ии убантца),
(Пьянъ) атца духовнава за престоламъ осуждаеть.
Глядя чилавѣку (и неясно) на пьянава
Удивятца, рассмѣютца,
Новіаче пьянава согрѣшаютъ,
Грѣхъ себѣ на душу принимаітъ.
Поуказана всякому чилавѣку
Прочь ать пьянава атхадити (атхадитъ).
Хто матирныи словамъ сквернѣца, бранитца? — Пьянница.
Онъ ии мать сваю сквернить бранить и руганть—
Мать присвяту Бугардцу (у очень слабо) съ престолу патранітъ.
Какъ единъ чилавѣку матирныи словамъ однаважды избранѣтца,
То сатворшай неба и земля мать патрясѣтца,
Мать пресвятая Багародица
Съ престолу патранѣтца.
Хто вичерю (рѣ или рѣ неясно) скакить и пляшить? — Пьянница.
И зуутриню прасыпантъ? — Пьянница.
Хто вакреснаю (вакресну) абѣдно бесѣду бесѣдаваітъ? — Пьянница.
Ни умытыми руками ёсть рана садитца? — Пьянница.
Абажрался и аблевалса? — Пьянница.
Ни падабаітъ у пьянава блевотину (е сбиваеть на ё) письмъ излахтать.
Хто на баю на дѣти? — Пьянница.
Хто ва грязи валитца? — Пьянница.
На каво илюють харкаютъ? — На пьянава.
Каво абсуждають и пересмѣхаютъ? — Пьянава.
Горя таму чилавѣку, кто пьянава абсуждаітъ!
Грѣхъ себѣ на душу принимаітъ.
Поуказана всякому чилавѣку
Прочь ать пьянава атхадити,
И ии падабаітъ съ пьянамъ на встрѣчу вастрѣватъ,

*) Читай: хмельнава питія,

Речи гаварить, на добро свою учить.
Пьяниава ни научишь на добрал,
А больши развратиши;
Пьяний злой абсерьзитца,
Древамъ зашибёт или ножикамъ зарѣжьть.
Пьяница злой убийцъ,
Пьяница злой канышикъ *),
Пьяница самъ себѣ живой прадавецъ.
Пьяний видѣть волны марстія (марстія і сбивається на е).
На судна садїлса (садїтца)— паталантъ,
Валии ни убантца,
Самъ сеибѣ скорою смерть получантъ.
Когда ходить свѣтъ Василій
Да Божей да церкви (рѣ или рѣ неясно),
Онъ и рѣти и идти обѣ каменныи абишбантъ,
И бойнаю голаву да крдови праламаитъ;
На иапёрти стантъ, малитву тварить,
Ико зромъ (h) гремитъ (h),
Мать присвятую Багародицу изъ усъ ни выпущаитъ:
«(Прасти ты миная, Мать присвятая Багародица, раба иамилуй),
Если ты миная ни простишъ,
То я жиѳъ, Василій, съ паперти далой не сойду,
Убъюсь я, Василій, абы каминъ да смѣрти.
Быть ему глаſъ ать святой ать чеснѣй ать икбнъ
(Ать матери присвятой Багародицы):
«Ни беиса, Василій, апъ каминъ да смѣрти,
Даходна твая малитва,
Да Госнада (h) Бога (h) даступила
Ноиначе **) всѣхъ свиѣтыхъ (святыхъ) чудатврнайхъ иконафъ.
Въ сатвршанї Госнадамъ—Богамъ
Въ Давидавамъ (Давидавымъ) доми
Тамъ есть три вилкія (первое и неясно) упакдя
Первой упакдй—висять-висять чёръва лютая—ѣды
Ради снога душъ грѣшиныхъ.
Второй упакдй—тичёть (и неясно) рѣка агненая
Ради хмельнава чилавѣма.
Третій упакдй—рай растворённай (послѣ в о или а неясно), царскія
(цавстія) двери.
Какая душа сама умаліла
И да Господа Бога даступила—
Ана будить царствавать и викавать и ва царствіи (рѣ или рѣ неясно) ва
небеснамъ).
Падѣмъ (не ё) славу Василію великому Кисаринскому чудатврцу (и слабо;
при повторенії сказано ясно чю)
Ему (яму) *** же (жа) слава (славу) ва вѣки вѣкофъ, аминъ.

*) Рассказчикъ не понимаетъ этого слова, сказалъ, что «къ стиху выходитъ складно», а объяснить не можетъ.

**) Очевидно, для рассказчика это слово является въ видѣ двухъ: но иначе; отсюда и о при его аканѣ.

***) Это произношение не обычное для рассказчика.

О голубиной книгѣ.

Окаль городу Ирусалямскава (Е^н русалимскава)
Сабирависа и заъзжалиса
Соракъ царей са царевичами,
Соракъ кня^и здѣ са князевичами;
Единъ Валадимир (и носль и неясно) княсь прагдвариль:
«Ой инь еси, сударь (перемудрай царь),
Перемудрай царь, Давидъ (Давыдъ; и слабо) Евсѣевичъ,
Ты скажи-ка намъ и праавѣдавай,
Ать чѣ^и во у нась началясѧ бѣлай свѣтъ,
Ать чѣ^и во началясѧ сонца, красная,
Заря ясная, звѣзды частамъ?
Ать чѣ^и во началясѧ дажыки частамъ,
Ать чѣ^и во у нась началясѧ иладъ иѣсицъ (иѣсицъ),
Ать чѣ^и во началясѧ вѣтры (вѣтры) буйнаи, ночи тѣмнаи?»
(Перемудрай царь Давитъ Евсѣевичъ)
Вотъ я вамъ скажу и праавѣдаю:
«Начиналасѧ бѣлай свѣтъ
Ать духа Божьива самаво (самаво, а послѣ и неясно) Христа, царя
и не^и беснава,
Сонца красная ать ачей Божихъ (лица Божьява),
Самаво Христа, Царя Небеснава;
Заря ясная ать ачей Божихъ
Самаво Христа, Царя Небеснава;
(Дажыки частамъ ать слѣзы Божій
Самаво Христа, Царя Небеснава),
Звѣзды частамъ ать рицы *) (такъ!) Божій
Самаво Христа, Царя Небеснава;
Млать иѣсицъ ать грудей Божихъ
Самаво Христа, Царя Небеснава;
Начиналасѧ вѣтры буйнаи ать валось Божихъ
Самаво Христа, Царя Небеснава;
Ночи тѣмнаи ать думы Божій
Самаво (а передъ ударениемъ неясно) Христа Царя Небеснава».
Ище (не ё) Валадимир княсь прагдвариль:
«Ой инь еси, сударь,
Перемудрай царь, Давидъ Евсѣевичъ,
Ты скажи-ка намъ и праавѣдавай:
Какой жа у нась царь надъ царями царь,
Какой жа горать всѣмъ гарадамъ мати,
Какая ишь цѣркви (рѣ или рѣ неясно) всѣмъ церквамъ (рѣ или рѣ неясно)
мати.

Какое ишь моря всѣмъ морямъ мати,
Какая ишь рѣка всѣмъ рѣкамъ мати,
Какая рыба всѣмъ рыбамъ (рыбамъ) мати,
Какое дерева всѣмъ деревамъ мати,
Какая трава всѣмъ травамъ мати,

*) Никакого определенного понятія съ такимъ произношениемъ рассказчикъ не соединяетъ.

Какая гара (b) всѣмъ гарамъ мати,
Какая птица всѣмъ птицамъ мати,
Какой жа звѣрь всѣмъ звѣрѣмъ мати?»
— «Вотъ я вамъ скажу и праавѣдаю:
(У насть бѣлай царь нать царями царь),
Старай Русалимъ (Ерусалимъ: е слабо) горать
Всѣмъ гарадамъ мати.
Какая шъ церквиа (рѣ или рѣ неясно) всѣмъ церквамъ (рѣ или рѣ неясно) мати?
Фъ старомъ Ерусалими церквиа (рѣ или рѣ неясно) всѣмъ церквамъ (рѣ или рѣ неясно) мати.
Кіянъ-моря всѣмъ марямъ мати,
Брданъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати,
Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати,
Кипарисъ древа всѣмъ древамъ мати,
Шлакунъ трава всѣмъ травамъ мати,
Сююнъ гара всѣмъ гарамъ мати,
Страфинъ птица всѣмъ птицамъ мати,
Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрѣмъ мати».
Выпадала книга галубиная,
Въ далину книга сарака сажень,
Въ ширину (и послѣ и сбивасть на e) книга двадцати саженъ,
Въ вѣшину (и сбивасть на a) книга дцети саженъ.
Нихто эту книгу ни магли распечатати—
Сама книга распечаталась,
И всѣ листа сами разстилалиса,
И всѣ слава Божья сами прачиталиса.
Мы славимъ Тибѣ мать Христе Боже насть.

„Падаконнаи стишни“.

I.

О человѣче, внимай,
А смѣртнай (не ё) часъ никакда не забывай.
Аще да хто смерти ни памятуетъ,
Таво мука ни минуить.
Есь житіа великава Пимена (Пиміна),
Три главнаи дабрадѣтели
Патребна имя чѣлавѣку.
Первая: бойса Бога,
Вторая: малиса (мались) чиста,
Третья: добрѣ твари ближняму.

II.

Аще пъ я зналъ канчиину днѣй манихъ,
Зашелъ бы я на гору высѣкаю,
Зглинуль бы безну глубокаю (у неясное),
Увидилъ бы я гропъ свой.
Гробикъ (b) ты мой гробикъ,
Предвѣчнай мой домикъ,
Сколько мы здѣсь ни вижуимъ,
Тѣхъ гробія ни минуимъ!

Писокъ (*и неясное*) тѣчица—
То есь пастѣля маѧ,
Камени—тѣ есь чусѣди маи (маѣ)
(Черви—тѣ есь друзья маѣ),
Сырая зимля—мати маи,
И пакрой мя ва вѣки вѣкофъ, аминь.

III.

О Госпали, Боже мой милосерднай (*р* почти не слышится),
Какой я, Госпали, стала рапъ твой инваздѣржнай,
Стала на миа очинна сильна вражъ напалять.
Гаспогъ сказаъ: «Ни унывай,
Ни унывай, душа грѣшиая;
Упавай, душа, на Госнада
И на всю силу вѣбѣснаю,
На Владычицу пречистаю
Пренсвятую мать Багародицу»,
Хто Госнада Бога любить,
Тотъ и въ раю будиъ,
А хто за нечистымъ врагамъ идѣтъ,
Тотъ и давно въ аду живеть.
И ва вѣки вѣкофъ, аминь.

При пѣніи произношеніе этого слѣпца значительно измѣняется: Рымъ, Януръ, *и* *имудрай*, *сахранати*, *князейчами*...

Тогда какъ на нашихъ глазахъ угасаетъ не только былина, но и старая народная пѣсня, духовные стихи еще держатся и должны держаться, потому что они служатъ средствомъ къ существованію для тѣхъ людей, которые распѣваютъ ихъ, ходя по деревнямъ и пробираясь на большія ярмарки или на монастырскіе праздники. Если бы погонялся за этими людьми, разыскивая ихъ по ярмаркамъ и по монастырямъ въ тѣ дни, когда въ нихъ собирается много народу на бого molье, то, вѣроятно, можно бы было найти у нихъ нечто и новое и интересное, что послужило бы дополненіемъ и поясненіемъ къ богатымъ старымъ записямъ, вообще источно передававшимъ мѣстныя произношенія.

B. Чернышевъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Die Slowianen und Lebakaschuben. Mit einer Sprachkarte und 3 Tafeln Abbildungen. Von Dr. F. Tetzner. Berl. 1899. 8°. VIII + 242.

Въ послѣднее время въ славянской этнографической наукѣ наблюдается замѣчательное оживленіе интереса къ кашубамъ—небольшому славянскому народцу, населяющему границы Поморской (Померанской) и Западно-пруссской провинцій Германской имперіи: почти каждый годъ послѣдняго десятилѣтія означеніемъ появленіемъ болѣе или менѣе подробныхъ изслѣдований языка, быта или историческихъ судебъ этого угасающаго нынѣ славянскаго народца. Оставляя въ сторонѣ сдѣлавшіе эпоху труды Ст. Рамути¹⁾, достаточно напомнить здѣсь работы Л. Бискупскаго-Берки²⁾, Надморскаго³⁾, А. Калины⁴⁾, Г. Брониша⁵⁾, Парчевскаго⁶⁾, А. Степовича⁷⁾, Зоммерфельда⁸⁾, И. Миколы⁹⁾ И. А. Бодуэн-де-Куртенэ¹⁰⁾, Я. Карловича¹¹⁾, Ф. Лоренца¹²⁾ и нѣк. др.

Не послѣднее мѣсто между указанными трудами займетъ и настоящая работа г. Тетцнера. Правда, предметъ ея составляетъ не весь кашубскій народъ какъ однѣю, я даже не всѣ и о морскіе кашубы, но только часть ихъ, именно та, которая, насыпая бесплодные берега Лебскаго озера, известна болѣе подъ названіемъ словинцевъ или кабатковъ; но съ одной стороны, будучи основана на самостоятельныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ авторомъ во время его путешествія въ Поморье въ 1896 г., а съ другой стороны, представляя сводъ материала, погребенного въ разныхъ изданіяхъ нѣмецкой провинціальной прессы, книга г. Тетцнера заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны славянскаго этнографа.

Книга распадается на четыре главы.

Первая глава, посвященная общему описанію кашубской земли, открывается маленькимъ этюдомъ о племенныхъ названіяхъ кашубовъ. Авторъ, къ сожалѣнію, не до-

¹⁾ *Słownik jazyka pomorskiego czyli kaszubskiego w Krakowie* 1895 и «Statystyka ludu Kazubskiego», тамъ-же, 1899.

²⁾ *Słownik kaszubski porównawczy* Warszawa, 1891 (Prace filolog. T. III).

³⁾ *Kaszuby i Kociewie* Poznan, 1892.

⁴⁾ *Mowa Kaszubskia jak narzecze jazyka polskiego*. Prace filolog. IV (1893).

⁵⁾ *Kaszubische Dialetstudien* I. Leipz. 1896. II 1898.

⁶⁾ *Szczątki Kaszubskie w prowincji pomorskiej*. Poznan 1896.

⁷⁾ Изъ семазиологическихъ наблюдений надъ словаремъ кашубскаго нарѣчія (Киевск. Унів. Изв. 1896).

⁸⁾ v. Sommerfeldt, *Geschichte der Germanisierung des Herzogthums Pommern* Leipz. 1896.

⁹⁾ Нѣсколько замѣтокъ по кашубскимъ говорамъ въ сѣверо-восточной Помераніи (Изв. отд. русск. яз. и слов. И. А. Н. II, 1897).

¹⁰⁾ Кашубскій «языкъ», кашубскій народъ и «кашубскій вопросъ» (Ж. М. Нар. Пр. 1897).

¹¹⁾ *O mowie Kaszubskiej* Wistla. 1898.

¹²⁾ *Zur alten Kaszubischen Litteratur*. Arch. f. Sl. Ph. B. XX (1899).

статочно знакомъ съ славянскими языками, какъ это видно изъ его сопоставленія названія «кашубъ» съ польскимъ словомъ *kozub* и литовскимъ *kuzabas*, а название «словинецъ» — съ «слава» (§ 1). Сравнѣвъ современное национальное название кашубовъ съ тѣми названіями, о которыхъ сообщаютъ намъ исторические источники, г. Тетцнеръ приходитъ къ выводу, что нынѣшніе кашубы суть прямые потомки древнихъ поморянъ (§ 2). Особый параграфъ (2) посвященъ определенію границъ этнографической территории кашубского народа. Авторъ указываетъ на постепенное уменьшеніе этой территории, заливаемой безпощадными волнами нѣмецкаго моря, причемъ, излагая, въ хронологическомъ порядкѣ, показанія разныхъ путешественниковъ, особенно долго останавливаются на извѣстной книжѣ Гильфердинга. Въ заключеніе этого мартиролога кашубского населения, г. Тетцнеръ утверждаетъ, что во время своего путешествія по краю онъ встрѣтилъ кашубовъ только въ трехъ деревняхъ, расположенныхъ по юго-западному берегу Лебскаго озера: Чарновской, Гизебицѣ и Клукахъ. Приведя въ 3 § нѣсколько статистическихъ данныхъ о численности кашубского народа, уже не имѣющихъ для насть значенія послѣ извѣстной работы Рамула, г. Тетцнеръ въ 4 § дѣлаетъ бѣглый обзоръ путешествій, совершенныхъ въ страну кашубовъ, начиная съ конца XVIII в. (поѣзда Бернули въ 1748 г.) и кончая нашимъ временемъ. Наиболѣе мѣста посвящено опять-таки описанію путешествія Гильфердинга.

Вторая глава представляетъ этнографической (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) очеркъ кашубовъ. Авторъ описываетъ здѣсь прежде всего вицѣшній типъ (*Aussehen*) и характеръ кашубовъ, причемъ ставить въ тогъ и другой по серединѣ между нижненѣмецкимъ и польскимъ (§ 1); далѣе авторъ выясняетъ условія постепенного искаженія кашубскаго языка, во многихъ мѣстахъ насыщенаго до пѣс plus *ultra* нижненѣмецкими варваризмами (§ 2). Слѣдующіе §§ (3 и 4) посвящены описанію вицѣшнаго п внутренняго устройства дома кашубовъ, а также ихъ одѣжды, национальный типъ которой находится нынѣ въ состояніи почти полнаго исчезновенія. Въ 5 § г. Тетцнеръ изучаетъ экономическіе условія быта населения, принужденаго вслѣдствіе крайняго безплодія почвы заниматься почти исключительно рыбной ловлею, которая доставляетъ ему и его почти единственной пищевой продуктъ (§ 6). Все это заключается довольно подробнымъ описаніемъ праздниковъ и обычаевъ кашубского народа, въ особынности же главнѣйшихъ событий его жизни: обрученія и свадьбы, рожденія и крещенія дѣтей и погребенія. Не оставлены безъ вниманія и праздники труда (*Arbeitsfeste*) (§ 6).

Въ третьей главѣ, — «Aus der Geschichte und Kulturgeschichte», — авторъ, напоминая нѣсколько общеизвѣстныхъ фактъ изъ политической истории кашубскаго народа, рисуетъ неоднозначную картину современного культурного состоянія трехъ кашубскихъ округовъ: Бытовскаго, Слупскаго и Лемборскаго вообще, и отдѣльныхъ ихъ населенныхъ пунктовъ въ частности. Такъ какъ въ основу этого описанія положены почти исключительно личныя наблюденія и впечатлѣнія автора, то эту часть книги и слѣдуетъ признать наиболѣе самостоятельной.

Послѣдняя IV-ая глава «Словинская и Лебокашубская литература» имѣть довольно пестрый характеръ; она содержитъ: 1) этюдъ о Симонѣ Крофѣ, бытовскомъ священнике, издавшемъ на словинскомъ языѣ въ 1586 г. переводъ «Духовныхъ пѣсень» Лютера; 2) этюдъ о Мельхіорѣ Понтанѣ, издавшемъ на кашубскомъ діалектѣ «Катихизисъ» въ 1643 г.; 3) нѣсколько образцовъ говоровъ поморскихъ кашубовъ, извлеченныхъ изъ книги Гильфердинга; 4) довольно подробное описание трехъ рукописей XVII и XVIII, сохранившихся на кашубскомъ языѣ: а) Шмользинской книги церкви, б) Шмользинскаго молитвенника и г) Вирженизинской присяги; 5) образцы пѣсень, сказокъ, и разнаго рода произведеній гномическаго содержанія на кашубскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и 6) составленное по Гильфердингу и Лоренцу краткое описание говора словинцевъ и лѣбскихъ кашубовъ.

Ор. Шкацкій. Аму-Даръинскіе очерки. Ташкент. 1900.

Въ высокой степени интересная и поучительная книга, заглавие которой мы выше выписали, принадлежитъ отличному специалисту и давнему работнику по изученію современного Туркестана (см. статьи Ор. Шкацкаго въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ, Окрайнѣ, Русскомъ Туркестанѣ, Сборникахъ материаловъ для статистики Сыръ-Даръинской области, Русской мысли 1898 г.). Ея интересъ заключается не только въ трактуемыхъ вопросахъ, но и въ томъ свѣжемъ материалѣ, который она даетъ, благодаря личнымъ наблюденіямъ автора, разспросивъ его у туземцевъ, наконецъ, работамъ, которыхъ авторъ поручалъ извѣшнѣй чинамъ мѣстной администраціи *). Поучительность книги заключается въ указаніи того, что русскіе могли бы сдѣлать для дальнѣйшаго процвѣтанія своихъ азіатскихъ владѣній.

Не останавливаясь на вопросахъ экономического характера, которыхъ мы коснемся въ другомъ мѣстѣ, укажемъ здѣсь лишь на то, что можетъ быть интересно для читателей «Живой Старинѣ».

Въ I главѣ авторъ даетъ физико-географический очеркъ Шураханскаго участка, составляющаго часть Аму-Даръинскаго отдѣла. Огромная площадь въ 54400 кв. вер. и ничтожное сравнительно населеніе 67436 человѣкъ (по 1,2 человѣка на квадратную версту)! Объясняется это тѣмъ, что Шураханскій участокъ почти весь лежитъ въ Кизыль Кумахъ, среди безотрадной песчаной пустыни, на безплодномъ солончакѣ, при тяжеломъ климатѣ (суровая зима, жаркое лѣто, малое количество осадковъ, постоянные вѣтры). Лишь неуклонная энергія неприхотливаго киргиза, да помощь рѣки поддерживаетъ здѣсь некоторую культуру.

Во II главѣ характеризуется рѣка Аму-Дарья съ точки зрѣнія ея значенія для мѣстной сельско-хозяйственной культуры; отмѣчается ея большая скорость теченія, мутность воды, образованіе мелей, баровъ, полуострововъ и острововъ. Ея разрушительные разливы причиняютъ много хлопотъ населенію, которое поэтому селится и обрабатываетъ земли возможно дальше отъ Аму-Дары; кроме того населеніе устраиваетъ береговыя дамбы, отбивныя полуплотины (боны) и пр. Но эта же рѣка является и благодѣтельницей населенія, какъ видно изъ III главы (Иrrигація). Какъ Нильъ для Египта, такъ и Аму-Дарья для нашихъ средне-азіатскихъ владѣній имѣть первостепенное значеніе въ борьбѣ населенія съ песками.

Авторъ подробно останавливается на ирригационной системѣ и описываетъ своеобразное устройство арыковъ, водопрѣмниковъ (бashi), а также способы пользованія водою (тукуртка, чигирь, торнау), распределенія работы и завѣдываніе ирригацией. Не смотря на слабую администрацію—заключаетъ авторъ III главу—система орошенія Шураханскаго участка находится въ хорошемъ состояніи, что зависитъ въ значительной степени отъ сознанія народомъ важности соблюденія тѣхъ обычаевъ, которые выработаны народомъ же.

Глава IV (Земледѣліе) больше, чѣмъ всѣ другія главы, показываетъ, какъ много труда приходится употреблять аму-даръинскому пахарю на то, чтобы привести въ годное состояніе глинисто солонцоватую почву оазиса, на которой пришлось ему поселиться. Характеризовавъ почву, прослѣдя съ самаго начала ея меліорацію (обработка, удобреніе, выщелачивание), авторъ обстоятельно описываетъ самыя орудія обработки (кунде, мала, мала-дандани и др.) и даетъ статистическая данная о культивируемыхъ растеніяхъ.

Слѣдующія три главы говорятъ о землевладѣніи и землепользованіи въ Шураханскомъ участкѣ. Авторъ рассматриваетъ этотъ важный вопросъ исторически, причемъ во многихъ случаяхъ ему приходится быть первымъ изслѣдователемъ, привлекать новые материалы (ярлыки) или по-новому ихъ освѣщать. До присоединенія къ Россіи праваго берега Аму-Дары (1873), юридическая отношенія земледѣльческаго населенія къ землѣ регулировались мѣстнымъ закономъ и обычаемъ, по которому собственность исходить отъ верховной власти и сохраняется при условіи постояннаго труда. Авторъ приводить не мало основательныхъ аналогій съ европейскимъ землевладѣніемъ и излагаетъ эволюцію земельной собственности въ Хивинскомъ ханствѣ, которую можно резюмировать

*) Въ 1894 г. авторъ былъ и. д. завѣдующаго Шураханскимъ участкомъ.

следующимъ образомъ. Изъ первоначальной формы пользованія государственною землею, съ уплатой въ казну хана за право пользованія должностной подати натурою, выросло право частной собственности на землю путемъ укрѣпленія земли за лицами, обрабатывающими ее, и путемъ пожалованія служащимъ хану лицамъ ненаселенныхъ крупныхъ земельныхъ владѣній съ обложеніемъ ихъ салгытной податью и, наконецъ, почти полное освобожденіе крупныхъ собственниковъ земли отъ платежа податей (113 стр.).

К. П. фонъ-Кауфманъ, истинный устроитель Туркестанскаго края, при организаціи землевладѣнія въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ, исходилъ изъ правильнаго принципа необходимости дѣлать уступки прошедшему «и въ особенности понятіямъ, сложившимся на основаніи этого прошедшаго въ средѣ общества». Поэтому послѣдовавшія реформы 1877, 1886 годовъ не внесли коренныхъ перемѣнъ въ жизнь населенія: земли были признаны государственными, въ виду особой необходимости поддерживать постоянную культуру земли въ краѣ; опредѣлены подати и постепенно стали укрѣпляться за населеніемъ земли, на правахъ полной собственности, причемъ узаконены существовавшія и раньше договоры о землепользованіи (ярыччи).

Въ послѣдней главѣ авторъ приводитъ гипотетическія соображенія о доходности земли и балансѣ средняго хозяйства. Особенно важными намъ кажутся послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ дробленія земли, и тѣ отношенія, которыя складываются между крупными землевладѣльцами и наемными рабочими (дихканы); послѣднія прямо напоминаютъ рабство или кабалу. Изъ примѣровъ, приведенныхъ авторомъ на 193 стр. и особенно въ статьѣ, служащей приложеніемъ къ книгѣ (Аму-Дарьинскіе кулаги передъ судомъ Шаріата и Казіевъ 223—283), укажу на два случая. Въ 1893 году былъ данъ въ долгъ 91 рубль, за каковую сумму два сына должника обязывались служить у своего кредитора въ работникахъ и, по окончаніи службы, срокъ которой не указанъ, должны обратно уплатить взятую сумму денегъ. Другой примѣръ. Дихканъ одного узбека, пробывъ въ работникахъ нѣсколько лѣтъ, пожелалъ жениться и просилъ хозяина ссудить его на это деньгами. Хозяинъ помогъ, но взялъ съ работника обязательство вмѣстѣ съ женой служить у него безъ срока. Масса подобныхъ фактовъ удостовѣряется судебными процессами.

Въ заключеніи, написанномъ съ лирическимъ воодушевленіемъ, авторъ указываетъ, чѣмъ бы мы могли помочь населенію, не только въ замѣнѣ его примитивныхъ орудій болѣе совершенными (землечерпалательные машины, самодѣйствующій насосъ, плугъ и др. сельско-хозяйственные машины), проведены рельсоваго пути отъ нижней Аму-Дары къ Европейской Россіи (къ Красновоцку или Уральску), но и лучшемъ устройствѣ соціальномъ (земледѣльческія артели), развитіи школъ и распространеніи знаній въ народѣ, наконецъ, организаціи суда на основѣ общихъ законовъ Имперіи.

Желаемъ, чтобы книгу Ор. Шкапскаго прочли не только любители просвѣщенія, но и власть имущіе привести въ исполненіе то, что просвѣщенними людьми сознано за важное и неотложное.

A. Липовскій.

П. Н. Милковъ: 5 этнографическихъ картъ Македоніи—съ текстомъ. Спб. 1900 г.

І. П. Рогановичъ: Македонскій вопросъ на почвѣ своей исторіи, этнографіи и политики. Казань 1900 г.

Сп. Гопчевичъ: Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изслѣдованіе. Перев. съ иѣм. Спб. 1899 г.

Съ 70-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія Македонія служить предметомъ притяженій мелкихъ націй Балканскаго полуострова и является въ силу этого яблокомъ раздора между ними. На нее предъявляли свои праца болгары, сербы, греки, албанцы, а владѣютъ и влѣаютъ по-нынѣ турки. Вопросъ объ обладаніи Македоніей особенно обострился въ послѣднее десятилѣтіе между сербами и болгарами. Появилась у нихъ цѣлая литература по этому вопросу, не щадящая красокъ: литература эта должна быть

подведена подъ рубрику шовинистической. Мы, разумѣется, исключаемъ отсюда тѣ немногія серьезныя работы, которыя обладаютъ чисто научнымъ аппаратомъ и политическихъ цѣлей не преслѣдуютъ. Македонскій вопросъ заинтересовалъ въ наши дни и нѣкоторыхъ изъ русскихъ ученыхъ. П. Н. Милюковъ, пропутешествовавъ по Македоніи и Старой Сербіи, напечаталъ рядъ статей въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Вѣстникѣ Европы» и въ «извѣстіяхъ Археологическаго Института въ Константинополѣ». Статьи эти должны скоро появиться отдѣльной книжкой.

Нынѣшнімъ лѣтомъ снаряжена научная экспедиція въ Македонію, состоящая изъ нѣсколькихъ русскихъ профессоровъ, представителей различныхъ отраслей науки: археологии, исторіи и языкоизданія. Мы не сомнѣваемся въ компетентности и правдивости тѣхъ свѣдѣній, которыя дадутъ въ своихъ статьяхъ П. Н. Милюковъ (онъ стоитъ за преобладаніе болгаръ въ Македоніи), но, допускай, что одинъ человѣкъ могъ иногда и ошибаться, желаемъ скорѣйшаго обнародованія результатовъ экспедиціи. Мы ждемъ отъ нея окончательнаго разрѣшенія интереснаго вопроса, тѣмъ болѣе, что члены ея будутъ смотрѣть на дѣло съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Для ознакомленія русской публики съ македонскимъ вопросомъ П. Н. Милюковъ издалъ пять прекрасно выполненныхъ этнографическихъ картъ Македоніи.

1-ая карта составлена по даннымъ, собраннымъ въ тридцатыхъ годахъ путешественникомъ Амі Вонѣ. Это первыя по времени свѣдѣнія о Македоніи: они появились задолго до возникновенія тенденціозныхъ споровъ. Славянское населеніе Македоніи Амі Вонѣ причисляется къ болгарамъ.

2-ая карта составлена по Киперту, тридцать лѣтъ спустя послѣ путешествія Вонѣ. Карта имѣеть то значеніе, что на основаніи ея установлены границы Болгаріи по Санъ-Стефанскому договору. И по этой картѣ (1876 г.) славянское населеніе Македоніи—болгаре.

3-ая карта, появившаяся передъ Берлинскимъ Конгрессомъ, характеризуетъ греческія притязанія на Македонію. По этой картѣ, все славянское населеніе Македоніи—«греки, говорящіе по-болгарски» (ромеи-вульгарофони). Въ этой картѣ мало реальныхъ чертъ.

4-ая карта характеризуетъ фантастическія притязанія сербовъ на Македонію. Составлена она въ 1891 г. «Обществомъ сербской университетской молодежи». По этой картѣ все славянское населеніе Македоніи—сербы. Въ ней тоже мало правды, и въ нынѣшнее время даже ярые сербскіе патріоты отказываются отъ нея.

Такимъ образомъ первыя четыре карты представляютъ какъ бы исторію македонскаго вопроса со времени его возникновенія до нашихъ дней.

Болѣе другихъ интересна 5-ая карта. Составлена она по только-что собраннымъ и еще не обнародованнымъ материаламъ лучшаго знатока Македоніи болгарина Кѣнчева. Любопытна она особенно въ томъ отношеніи, что показываетъ, на что должны обратить все свое вниманіе болгаре и сербы, сплотившись въ общихъ интересахъ и бросивъ свой споръ. Съ двухъ сторонъ въ Македонію вплываетъ враждебный славянамъ элементъ, съ юго-востока (и юга)—турки, а на вѣтрѣ имъ, съ сѣверо-запада—албанцы. Характерны отмѣченные на картѣ внутри страны въ разныхъ мѣстахъ оазисы нутурченныхъ славянъ (помаки). Славянскому населенію Македоніи грозятъ серьезная опасность отъ надвигающагося отовсюду ислама. Вмѣсто того, чтобы попусту спорить, тратить деньги и энергию, болгаре и сербы должны обратить все свое вниманіе на грозящую имъ опасность съ этой стороны.

Поменованныя выше книги г. Рогановича и г. Гопчевича представляютъ образецъ беззастѣнчивой шовинистической литературы сербовъ по Македонскому вопросу.

Первый изъ нихъ—русскій воспитанникъ безъ нужды кадить онимаю передъ Россіей; попутно онъ сообщаетъ русской публикѣ свои биографическія данныя и въ концѣ концовъ разрѣшаетъ долго волновавшій вопросъ о Македоніи весьма оригинально. «Турція слѣдовала бы лично, безъ чужого вмѣшательства, примириться съ сербскимъ народомъ передачей Старосербіи и Македоніи въ руки Черногоріи» (65 стр.). А если Турція внаспѣ этого не сдѣлаетъ, то, конечно, Россія должна у нея отнять Македонію и подарить ее Черногорскому княжичу Мирко (sic.).

Въ томъ же родѣ, хвастливо и беззастѣнично, написана и книга Сп. Гопчевича, вышедшая одновременно на сербскомъ и вѣмецкомъ языке и уже огѣненная въ свое время по достоинству на страницахъ «Живой Старины» Т. Д. Флоринскимъ. Плохой переводъ съ нѣмецкаго или б. м. съ сербскаго сдѣланъ сербомъ, русскимъ воспитанникомъ. Любопытно, какой изъ русскихъ издателей такъ легко попался на удочку? (Книга напечатана въ типографіи В. В. Комарова).

Мы здѣсь не рѣшаемъ вопроса, имѣютъ ли Сербы хоть какое-нибудь право на Македонію, но должны замѣтить, что книги, въ родѣ только что названныхъ, вредятъ самимъ же Сербамъ.

Русскимъ читателямъ мы рекомендуемъ атласъ П. Н. Милюкова: онъ поможетъ имъ пока ориентироваться въ Македонскомъ вопросѣ. Но предостерегаемъ ихъ отъ «изслѣдований» господь Рогановичей, Гопчевичей и К°.

B. Кораблевъ.

Е. Т. Смирновъ. Приамурскій край на Амурско-Приморской выставкѣ 1899 г. въ гор. Хабаровскѣ.

Главная цѣль устройства въ сентябрѣ 1899 г. выставки въ гор. Хабаровскѣ заключалась въ томъ, чтобы дать наглядное и точное представление о производительныхъ силахъ края предъ вступленіемъ его, съ проведениемъ Великаго Сибирскаго желѣзно-дорожнаго пути, въ новую эру экономической жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ послужить дальнѣйшему развитію мѣстнаго сельскаго хозяйства и промышленности. Г. Смирновъ въ своей книжѣ не ограничился описаніемъ только одной выставки; онъ старался сдѣлать ее первою попыткою болѣе или меѧе систематической свѣдѣній о нашемъ Далекомъ Востокѣ. Конечно, выставка представляла прекрасный материалъ для всестороннаго описанія Приамурскаго Края, который и донинѣ слишкомъ мало знакомъ русской интеллигенціи. Но прекрасная задача, поставленная г. Смирновымъ, выполнена имъ очень плохо: достаточно сказать, что его книга подробностью описанія уступаетъ далеко статьямъ «Приамурскихъ Вѣдомостей», посвященнымъ описанію выставки. Даже г. Смирновъ ссылается на указанный офиціальный органъ, какъ на источникъ своихъ свѣдѣній. О неполнотѣ исторической части и говорить нечего. Рядъ мѣропріятій въ сферѣ административной не освѣщены имъ достаточно ярко, что лучше всего видно будетъ, если читатель сравнить книгу г. Смирнова съ недавно появившимся въ свѣтѣ трудомъ г. Унтербергера «Приморская Область 1858—1896 гг.» Вообще, книга составлена очень спѣшино и неряшливо, да и г. Смирновъ оказался не на высотѣ своей задачи: онъ, очевидно, мало знаетъ край, новичекъ въ немъ.

Выставка, между прочимъ, представляла прекрасный этнографический материалъ, преимущественно касающійся быга инородцевъ. Въ отдѣлѣ рыболовства экспонированы— снасти, коими орочоны, гольды, гиляки и др. племена ловятъ рыбу. Здѣсь даже имѣлись невода и ловушки японцевъ. Модели лодокъ инородцевъ, равно китайскихъ и японцевъ подобраны очень хорошо. Еще болѣе интереса представляли модели ловушекъ на всевозможнаго звѣри въ «Охотничьемъ отдѣлѣ» выставки. Кроме орудій охоты и рыболовства, на выставкѣ экспонировались подѣлки инородцевъ изъ рыбьей кожи и шкуры и мѣховъ звѣрей. Особенно интересны подѣлки орочонъ и гольдовъ.

Меньше было данныхъ изъ жизни инородцевъ Камчатки, хотя интересующіеся обозрѣватели выставки могли дополнить свѣдѣнія оборѣніемъ коллекцій изъ быта чукчей, камчадаловъ и коряковъ, хранящихся въ Хабаровскомъ музѣѣ.

Въ заключеніе долженъ упомянуть, что на выставкѣ имѣлись модели жилищъ инородцевъ; много бытовыхъ предметовъ корельскихъ. Но въ отдѣлѣ охотничьемъ не было представлено ни одного чучела звѣровой и ёздовой собаки, которая являются важнымъ факторомъ въ быту инородцевъ Приамуля.

Повторяю, если бы г. Смирновъ, не мудрствуя лукаво, описалъ подробно данные выставки, то его книга имѣла бы больше цѣны, чѣмъ теперь, когда онъ наполнилъ ее разнаго рода скороспѣлыми и подчасъ нелѣнными выводами собственнаго издѣлія.

Приложения къ книгѣ имѣютъ значеніе и въ этнографическомъ отношеніи: они даютъ свѣдѣнія о жизни и бытѣ нашего крестьянства въ краю, о каторомъ нѣкогда мечтали, какъ о странѣ обѣтованной, текущей молокомъ и медомъ.

С. Брайловскій.

Кубанскій сборникъ. «Труды Кубанскаго Областнаго Статистическаго Комитета, издаваемые подъ редакціей С. В. Гуденко. Томъ VI. Екатеринодаръ. 1900.

Въ составъ настоящаго тома вошли статьи:

Н. Кириченка. Годъ у нѣмецкихъ колонистовъ. Описаніе колоніи Эйгенфельдъ Кавказскаго отдѣла Кубанской области.

Записка, составленная канцеляріей наказнаго атамана Черноморскаго казачьаго войска о состояніи сего войска съ 1 января 1825 по 1 января 1850 г. Сообщеніе П. П. Короленко.

А. М. Мельникова: Иногороднѣе въ Кубанской области.

Рядъ статистическихъ матеріаловъ, собранныхъ и обработанныхъ Областнымъ Статистическимъ Комитетомъ: 1) Статистическая данныя о пространствѣ, составѣ населенія, формахъ землевладѣнія, урожаѣ и др. въ поселеніяхъ, расположенныхъ въ районѣ, ограниченномъ среднимъ и нижнимъ теченіями р. Урупа и Вѣлой и Верхнимъ р. Кубани; вѣдомость о числѣ родившихся въ Кубанской области мужескаго пола войскового сословія съ 1879 по 1898 г. и числѣ умершихъ за тотъ же періодъ; 3) Свѣдѣнія о доходахъ и расходахъ станичныхъ, хуторскихъ и сельскихъ обществъ Кубанской области за 1897 и 1898 гг.

Большую цѣнность настоящему придаетъ помѣщенный въ немъ второй отдѣлъ «Библіографическаго указателя литературы о Кубанской области, Кубанскомъ казачьемъ войскѣ и Черноморской губерніи, составленный Е. Д. Фелицынымъ при участіи В. С. Шашрая. Второй отдѣлъ посвященъ географіи, этнографіи, статистикѣ, естество-знанію и медицинѣ. Въ этомъ II отдѣлѣ перечислено 1168 названій статей, книгъ, брошюръ, картъ. Неудобство указателя состоить въ томъ, что статьи распределены не по отдѣламъ, а по алфавиту авторовъ; поэтому за небольшой справкой, напримѣръ, по отдѣлу этнографическому, читатель вынужденъ внимательно пересмотрѣть весь указатель. — Первая часть труда г. Фелицына (археология, нумизматика, история, біографіи, некрологи и правительственные распоряженія) помѣщена въ V томѣ «Кубанскаго Сборника».

А. Лященко.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и Отвѣты.

Въ отвѣтъ на вопросъ мой о происхожденіи румынско-литовскаго *doina* (см. Ж. Ст. 2. V. 1895. Отд. IV, стр. 119) получилъ я отъ студента Лѣснаго Института Николая Дмитріевича Кожухарова изъ Кишинева слѣдующія свѣдѣнія:

1. Приблизительное объясненіе слова *Doina*.

Дойна—название румынской пѣсни, означающее сказаніе, вродѣ русскихъ балладъ (приблизительно). Дойна состоять изъ двухъ частей:

I) По мотиву и содержанію—очень грустная, такъ какъ пастухъ ищетъ пропавшую овцу.

II) По мотиву и содержанію словъ разгульно—веселая, такъ какъ этотъ же пастухъ нашелъ свою потерю—овцу.

Сообщилъ г. Кожухаровъ мнѣ 26 дек. 1898 г.

Э. Вольтерг.

2) Эта дойна Румынская очень длинная, мелодія грустная. Существуетъ разсказъ о чортѣ и Румынѣ, который сумѣлъ безконечными повтореніями одной дойны надобѣсть чорту въ осеннюю пору непролазной грязи Бессарабской. Текстъ и подробности содержанія рассказчику неизвѣстны. (Сообщ. осенью 1899 года).

Желательно получить запись мелодіи, тексты дойны, равно какъ и другія извѣстія о дойнахъ въ Молдавіи и Румыніи.

Спб. 1900 г. 10 авг.

Э. Вольтерг.

ОТДЕЛЪ V.

СМѢШЬ.

ОГРЫВКИ ИЗЪ СВАДЕБНЫХЪ ПРИЧЕТОВЪ ЛЯМЕНГСКАГО ПРИХОДА, НИКОЛЬСКАГО УѢЗДА, ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Предлагаемые здѣсь образцы свадебныхъ причетаній представляютъ лишь одну не-значительную часть всѣхъ многочисленныхъ причитаній или плачекъ, коими сопровождается крестьянская свадьба. Изъ нихъ иѣ пришлось записать только слѣдующія.

При «сговорахъ» или при такъ-называемыхъ «пропивкахъ» невѣсты, когда сваты окончательно условятся съ родителями невѣсты о предстоящей свадѣбѣ, невѣста, вызванная въ избу, гдѣ происходятъ «сгворы», уходить въ «кутній» уголъ (противъ печки) и здѣсь причигаетъ съ подругами:

Я живу, молодешенка,
У схожа-красна солнышка,
У родимаго тягеньки,
Я была невольна вольница,
Невольная самовольница:
Не спросяясь не уходила
Я схожа-красна солнышка,
Я родимаго тягеньки,
Не уходила дѣвица
Изъ высокаго терема.
Видно, осердился—гнѣвался
Схожо—красное солнышко:
Полы я испрототала,
Середы¹⁾ испропоншала;
Я бѣло умывалася,
Хорошо наряжалася...
Сидѣла я, тягенька,
У краснаго окошечка,
Глѣдѣла я, тягенька,
Сквозь стекло сквозь иѣмецкое»...
Какъ на то-то тягенька
Осердился—гнѣвался,
На меня молодешеньку...
Такъ запоручивай, тягенька,
Ты ною буйну голову

Въ три поруки великия,
Въ три поруки крѣпкия!
Ты сходи-ка, тягенька,
Къ кузнецамъ да во кузницу,
Къ хлѣрымъ, мудрымъ мастерамъ,
Скуй иѣ-ка, тягенька,
Трои желѣзѣ иѣмецкия!
Что сковалъ иѣ-ка тягенька
Трои желѣзѣ иѣмецкия:
Первый желѣзѣ сковалъ—
Онъ на ноженьки рѣзвыя,
Другій желѣзѣ сковалъ—
Овъ на рученьки бѣлъя,
Третій желѣзѣ сковалъ—
На уста на сахарния,—
Для-ради того сковалъ,
Чтобы съ людямъ не флюса,
Съ людямъ не говорилося.
Какъ у меня, молодешеньки,
Болитъ сердечко злыдовское,
Болитъ сердечко несчастное:
Отдастъ меня тягенька
На чужу-дальну сторону,
Сгубляѣтъ да погубляетъ
Мою буйную голову!...

¹⁾ Собственно, по буквальному значенію, середина избы, но такъ какъ она приходится приблизительно около того мѣста, гдѣ при входѣ въ подполье помѣщается рукомойникъ, то отсюда и послѣдній получилось название «середы».

Чужая сторона и богоданы отецъ съ матерью рисуются въ причетахъ «дѣвишика» такими красками.

«На чужой на сторонушкѣ
Тамъ добро да добро житъ:
Тамъ юношка-честыя,
Сахарыма изъсаны,
Меда-меды поливы,
Горюшкомъ изнасаны,
Слезами да поливы,
Вѣшаныемъ огорожены...
Миѣ не гляда¹⁾ да кажется,
Что чужой-отъ отецъ, мати
Идуть ко постеленькѣ,

Что п громко-то говорять,
Все и честно-то говорять;
Стелять постеленьку
Миѣ мягкимъ мягкочешеньку
Для меня молодешеньки.
Богоданая матушка
Идеть ко постеленькѣ,
Она громко-то говорить:
«Ты вставай, мое дитято,
Ты, дитя нероженое,
Ты, дитя не сердечное!»

Въ башѣ, т. е. въ отдельной избѣ или въ другой комнатѣ, гдѣ для невѣсты и жениха приготавляется особенный столъ и особое отъ прочихъ гостей, бывающихъ въ «дѣвишикѣ», угощеніе, невѣста просить своихъ подругъ:

Господаревы вы мои,
Вы любыя подруженьки!
Не сдавайте, голубушки,
Меня-красную дѣвицу—
Вы родимому тятенькѣ
На безчестье великое!
Сократите, голубушки,
Вы схожа-красна солнышка,
Родимаго-то тятеньку,
Состояль бы тятенька
Горой да высокую,
Стеною бѣлокаменной.
Отдать меня тятенька
На чужую сторонушку
Не за пѣнью²⁾, не за винушку:
Была я, молодешенька,
Зроздая да изродная,
На бесѣды веселая
Не спросясь не уходила

Я схожа-красна солнышка,
Я родимаго тятинки,
И бѣлые лебедушки,
Я родимая матушки.
Часть³⁾ потеряла я—дѣвица
Чес(т)пую дивую красоту
Въ темныхъ во заулочкахъ;
Потеряла я—дѣвица
Чес(т)ный дивы красоты,
Золотыя поталинки,
Бисерные грибочки.
Часть у меня молодешеньки,
У меня, красны дѣвицы,
Это все да рѣшилося,
Это все повершилося.
Видно, сѣла—погубила
Я себя молодешеньку,
Я душу—красну дѣвицу,
Запоручную голову...

При извѣстіи о приближеніи поѣзда жениха къ дому невѣсты, послѣдняя причитаетъ.

Я учула—услышала,
Это я молодешенька,
Я душа—красна дѣвица:
Что не подломился,
Что не покорился,
Что не лѣсы темные,
Перелѣски зеленые...
Вѣются, развиваются,

Да не къ намъ разстилаются,—
Ко высокому терему.
Что не синь да синѣется,
Не краса-то красѣется
И не чориѣ-то чориѣется:
Это синь-то синѣется
Да краса-то красѣется—
Такъ чужіе люди добрые;

¹⁾ Гляда равносильно: кажется.

²⁾ Пѣнь.

³⁾ Теперь, сейчасъ.

Это чернь-то чернѣется—
Такъ чужи люди вороги.
У схожа-красна солнышка,
У родимаго тятеньки,
На широкой на улочкѣ
У меня — молодешеньки,
У души красны дѣвицы,
Вышли голубушки
На широкую улицу.
На широкой на улицѣ
Чужіе люди добрые,
Добрые да гордые¹⁾,
Стукнулись, колонулися

У высокаго терема²⁾.
Терема пошатлися,
Двери отворилися,
Чужи люди добрые
Въ терему появились.
Тамъ у схожа-красна солнышка,
У родимаго тятеньки,
Отдаютъ молодешеньку
На чужую сторонушку,
Ко чужимъ да добрымъ людямъ,
Къ богоданому батюшку,
Къ богоданой матушкѣ...

Подруги, окружающія невѣсту, бранять свата и сватью—
Чтобы свату-то большому
На печѣ заблудитися,
На палатахъ дверей искать,
Въ печурку³⁾ с . . . бѣходить.
Три чирья⁴⁾ въ бороду,
Четвертый подъ пяту,
Пятый подъ горлышко
Виѣсто краснаго запонка.
Тысяцкой садить,
Ровно угольный пестерь;
Чужай сваха княжая
Она сошли развѣсила,
Виѣсто поцѣпки серебряной,—
Зубы оскалила...

При дарены родныхъ съ жениховой стороны невѣста говорить:
Вы примите-ка здравице,
Почитайте за большое!
Не осудьте, не удивите:
Я не тонко выпряла,

Не чистѣ я выклада,
Не бѣдо да выбѣлила,
Не красно да вышивала...

Въ «дѣвишникъ», когда приходить въ домъ родителей невѣсты жениха и гости съ его стороны, невѣста обращается къ нимъ со словами:
Хотя видѣ-оть не вѣжу⁵⁾,
Я по голосу слышу:
Появилась во теремѣ
Гости званные—жданые,
Гостеньки небывалые,—
Дорогой небывалой гость,
Мой родимой дядюшка
И родимая тетушка...
Не осудьте, не удивите:⁶⁾
Я не вышла, не встрѣтила,
Не взяла во бѣлѣ руки,

Въ мѣсто я не посадила,
Челомъ я не ударила,
Низко я не поклонилась,
Ужъ я низко-то до полу,
До полу перебранаго
И до шелкова пояса,
О перстеньѣ злаченое,
О рукѣ да о правую:
Въ горюшкѣ не улыщала,
Во слезахъ не увидѣла ..

(Записано въ селѣ Ляменыгѣ, въ Августѣ 1898 г.).

Михаилъ Пшеницынъ.

Ноября 24, 1898 г.

¹⁾ Гордые.

²⁾ Здѣсь указывается на обычай запирать предъ поѣзжанами двери дома родителей невѣсты.

³⁾ Печурка—углубленіе въ лицевой части печи. Сюда кладутъ спички, сырья руки для просушки и т. п.

⁴⁾ Вереды.

⁵⁾ Она сидить въ это время въ «кутѣ», завѣшанная большимъ платкомъ.

⁶⁾ Но удивляйтесь, что «не вышла, не встрѣтила»..., потому что—«въ горюшкѣ не улыщала, во слезахъ не увидѣла».

Изъ старыхъ журналовъ.

Въ журналахъ прошлаго вѣка попадаются, хотя и рѣдко, интересные этнографические материалы. Особенно богаты этикъ материалами «Новая Ежемѣсячная Сочиненія», издававшіяся при Академіи Наукъ. Первыми нашими этнографами были большою частью чиновники; одновременно и особенно позднѣе выступали любители; наконецъ, этнографическій изученія получили болѣе серьезнѣе научное направление. Одна изъ первыхъ программъ для собиранія свѣдѣній объ обитателяхъ нашего отечества была составлена въ 1785 г. и касалась быта самоѣдовъ. Отвѣтомъ на нее явился рядъ статей въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» 1786 («Вопросы и отвѣты о вѣрѣ самоѣдской», «О состояніи земли, обитаемой самоѣдами», «О правахъ самоѣдовъ», «О хозяйствѣ», «О россійскихъ селеніяхъ въ Самоѣдской землѣ»). Эти статьи плодъ трудовъ чиновниковъ, сдѣлавшихъ этиографами по приказанію начальства. «Съ сими вопросами—читаемъ въ редакціонной заметкѣ съ первой статьи—посланы были въ 1785 г. изъ города Архангельского въ Самоѣдскую землю ассесоръ Андрей Тряпицынъ и регионстраторъ Степанъ Зуевъ, которые отбирали отъ малоземельныхъ самоѣдовъ прилагаемые здѣсь отвѣты, сообщенные нами отъ г. Крестинина, здѣшней Императорской Академіи Наукъ корреспондента, засѣдателя Совѣтскаго суда въ городѣ Архангельскомъ». Въ общемъ, отвѣты даны довольно толковые и обстоятельные.

Придавая значеніе первымъ материаламъ для изученія Госсии, мы рѣшаемся предложить читателямъ «Живой Старины» извлеченіе или перепечатку иѣкоторыхъ изъ нихъ, сохранившихъ извѣстную научную цѣнность досель. На первый разъ помѣщаемъ: 1) Древнія россійскія простонародныя загадки, напечатанныя въ «Парнасскомъ Щепетильнику» 1770 г. 2) небольшой Двинскій словарикъ, составленный извѣстнымъ въ свое время любителемъ иѣстной старины и быта архангельскаго купцомъ Александромъ Ивановичемъ Фоминымъ (1713—1802). Словарикъ перепечатывается вполнѣ. Иѣкото-ры неправильныя объясненія, въ немъ встрѣчающіяся, видны съ первого раза.

А. Лященко.

I.

Древнія русскія простонародныя загадки.

1. Два царя въ золотыхъ вѣнцахъ, люди имъ покланяются, а они людямъ покараются.
2. Летить птица орель, песять въ носу огонь, по конецъ хвоста человѣчья смерть.
3. Велико поле Романово; много скота рогатаго, а одинъ пастухъ Полуяшечко.
4. Породила меня каменна гора, принимала меня огненна рѣка, кости мои распадущи и въ гробъ не кладущи.
5. Лежитъ лось протея носъ, а какъ встанетъ, такъ до неба достанетъ.
6. Родится отъ воды, ростеть отъ огня, и отъ воды умираеть.
7. Богъ не видить, царя видать рѣдко, а мы завсегда.
8. Боярыня княгиня весь миръ нарядила, а сама нагая ходить.
9. Кругленко, маленько, всему миру миленько.
10. Летаетъ итица долгоносая, носить платье рудожелтое, а кто ее убьетъ, тотъ кровь свою прольетъ.
11. Выше лѣсу, ниже травы, съ лѣсомъ ровно, а не видно ево.
12. Мать толста, дочь красна, сынъ хороберъ подъ небесы пошелъ.
13. Тоненько, маленько, по всему миру скакеть, весь миръ наряжаетъ.

14. По утру на четырехъ, въ полдень на двухъ, а въ вечеру на трехъ.

15. Черненько, маленько, въ палату вскочило, царя разбудило.

«Парнасский Шепитильникъ» 1770, май стр. 46—43).

II.

«Списъ словъ и рѣчей, изъ остатковъ древняго Россійскаго языка въ Двинской странѣ собранныхъ и по нынѣшнему образованію изъясненныхъ.»

Бажонъ: баженый то же значило, что миліонный. Ибо божить и молитъ глаголы дѣйствительного залога неопределеннаго наклоненія прежде одно имѣли знаменование; то есть умаливать Бога. Нынѣ первый глаголъ въ страдательномъ залогѣ принимается въ разумѣ клясться. Бажонъ и миліонъ означали прежде вымолненного отъ Бога; примѣръ: нѣжная мать, лѣдѣя свою дочку, говоритъ: *милая ты моя, божоная моя.*

Говѣть: принималось въ испорченномъ смыслѣ, поститься. Оттуда произошло говѣніе—постъ; заговѣніе—послѣдній предъ постомъ день; разговѣніе—первый послѣ поста день. Прямой древній смыслъ сего глагола быть почтительну. Оттуда говѣніе или говѣній—почтительный, учтивый; благоговѣть, высокочтитъ, набожность наблюдать.

Ино: да, такъ; примѣръ: ино божонай—такъ, сударь.

Исты: подобный, точный. Примѣръ: исты во отца: точно подобенъ отцу.

Конъ: рядъ, порядокъ, загражденіе, связь, мѣсто неизрѣваемое, постоянное. Конъ, по ребяческому умонаочертанію, въ играхъ ихъ замачаль: 1) мѣсто, где обыкновенно собирались они играть говяжини медыгами или бабками, 2) Конъ замачаль рядъ бабокъ, поставленныхъ въ прямую линію гнѣздами или четами, составляющей равночленную цѣпь. Сіи гнѣзда выбивали они таковыми же бабками или каменными плитками, бросая оныя изъ дали въ поперешикъ сея ладѣжини линіи, изъ коей коль скоро выбьются одно, два или болѣе гнѣздъ, то сей проломъ заставливали взятыми съ концовъ коня гнѣздами.

Прилѣжнѣшіе охотники, собирающіеся всегда для игры на сіе коновое мѣсто или конъ, назывались коновыми:

Изъ сего имени произтекли и въ употребленіи были слѣдующія реченія:

Накоиъ: разъ. Прим.: Я уже два на кона былъ (sic).

Подконъ: обыкновеніе всегдашнее, оброкъ, или зборъ обыкновенный, прим.: у нихъ уже тотъ поконъ, т. е. таковъ обычай. Поконъ вирный: зборъ, оброкъ веревочный, на веревочную земляную мѣту, разполагаемый.

Кѣнатъся, поконатъся: настоять въ прозѣ, повторить прозбу. Прим.: поконайся братъ хорошенъко, т. е. подокучь, покроши братъ прилежите.

Одноконно, неотмѣнно. Прим.: онъ мнѣ еще лохи конался, что бы я одноконно къ нему приворотилъ, т. е. онъ минувшаго еще годъ меня уѣждаль, чтобы я къ нему неотмѣнно заххаль, или зашель.

Изкниный: изъ вѣковъ бывшій.

Законъ: правило, порядокъ, учрежденіе. Имя сіе введено въ нашъ языкъ, кажется, послѣ временъ Владимиrowыхъ и Ярославовыхъ, которые законодательства свои называли правдою, наприм.: правда Русская, правда Ярославля. Мы не имѣемъ начальныхъ библейныхъ русскихъ переводовъ, которые были письменные; а первоналичная Острогожская (sic) содержитъ уже второзаконіе и пр.; но она напечатана въ концѣ шестнадцатаго столѣтія.

Конецъ: край кона.

Крдши: сума берестяная, носимая крестьянами за плечами, для поклажи лѣсныхъ пріобрѣтений. Прим.: доторговался изъ корабля въ кроши.

Лонъ: минувшаго послѣдняго года. Сіе нарѣчіе въ польскомъ языкѣ въ томъ же смыслѣ употребляется.

Миляшъ: любовникъ, украдкою любимый.

Наводить: въ дѣтскихъ играхъ очередь, или службу отправлять.

Навѣлокъ: между окружающею рѣкою высыпнувшейся мысъ, чрезъ который переходъ въ прямую линію называется навѣлокъ.

Опричный: опредѣленный, приставленный къ какому-либо дѣлу.

Опрѣжитъ: опрокинуть, вывалить.

Повѣть: большія надъ скотскимъ дворомъ сѣни, въ конѣ кладется сѣно.

Порѣ: время, сила, мощь, могущество.

Порѣто: очень сильно.

Пѣреинъ: силенъ, усилокъ.

Порѣзно: праздно, прим.: порозной карманъ.

Падѣра: мокрый сиѣгъ.

Патратъ: непорядочно, худо писать, маrать.

Пахѣть: вести вѣнникомъ или метлою.

Прилупъ: вогнувшаяся кривизна рѣчного берега, которому противоположается мысъ, или навѣлокъ.

Рѣда: лѣсистое, мокрое мѣсто.

Рѣвдуга: на замшаной видѣ выдѣланная кожа.

Рѣзно: дировато.

Рѣнутыя. Броситься вдругъ. Оттуда риновеніе, такъ-же ребячыи спросы: рѣнь или не рѣнь, т. е. бѣжать или нѣть.

Спожѣ: сокращенное имя звательного падежа, госпоже!

Тѣясь: берестяной, изъ бересты сдѣланный цилиндрическій сосудъ, съ деревяннымъ дномъ и крышкою; буракъ.

Тека: ежели, буде.

Торчилъ: выдавшееся что-нибудь изъ широкаго узкое и острое, на прим.: у галеры носъ, кареты дышло.

Шалга! глубокий, отдаленный отъ селенія лѣсъ.

Купецъ Архангелогородскій *A. Фоминъ*.

(«Новая Ежемѣсячная Сочиненія», 1787 г. XI, май, стр. 83—84).

„ЖИВАЯ СТАРИНА“

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію предсѣдательствующаго въ отдѣлѣніи этнографіи

В. И. ЛАМАНСКАГО

и въ десятомъ году своего существованія будетъ выходить 4-мя выпусками, по 8—10 листовъ выпускъ. Подписная цѣна въ С.-Шетербургѣ 5 р. съ доставкою, въ Имперіи—5 р. 50 к. за границу—6 р.

Книжки „Живой Старины“ съ 1891 по 96 г. включительно продаются въ Географическомъ Обществѣ по пониженной цѣнѣ: за годъ—3 р. въ Петербургѣ, 3 р. 50 к. въ Имперіи и 4 р. за границу.

Цѣна 1 р. 50 к.